

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Грасько Анна Васильевна

**Советская Россия в художественном и публицистическом
творчестве Иржи Вайля 1920–1930-х гг.**

5.9.2. Литературы народов мира

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук

Старикова Надежда Николаевна

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4
ЧАСТЬ I. Публицистика Вайля об СССР 1920–1930-х гг.	26
Глава 1. Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе.....	27
Глава 2. Вайль о советской литературе 1920–1930-х гг.	44
2.1. Роль Вайля в распространении знаний о советской литературе в межвоенной Чехословакии	45
2.2. Борьба с правой чешской печатью за советскую литературу.....	59
2.3. О динамике советского литературного процесса	72
2.4. О художественном новаторстве советской прозы	101
Глава 3. Вайль о культурном и промышленном строительстве в Средней Азии.....	118
3.1. Впечатления о Средней Азии и социалистических преобразованиях в ней.....	120
3.2. Цикл репортажей об Интергельпо: чехи в советской Киргизии.....	135
ЧАСТЬ II. Изображение советского мира в художественном творчестве Вайля: роман «Москва-граница»	145
Глава 1. Полемика в чешском литературоведении по поводу романа «Москва-граница»: 1937–2024 гг.....	146
Глава 2. Жанровая специфика и структура романа.....	152
Глава 3. Образ советской Москвы	165
3.1. Москва – особое социально-бытовое пространство.....	165
3.2. Москва – анти-Европа	172
3.3. Москва – коммунистическая столица	177
3.4. Москва – экзистенциальное пограничье	183
Глава 4. Образ человека в советской Москве 1930-х гг.	186
4.1. Типажи «советских» героев	186
4.2. Герои-иностранцы.....	192

4.2.1. Динамика развития образа героини: от буржуазного прошлого к ударнице производства.....	201
4.2.2. Динамика развития образа главного героя: от работника Коминтерна к положению отщепенца.....	211
Глава 5. Стилизовое своеобразие романа о советской Москве.....	219
Заключение.....	233
Библиография	237
Приложение	258

ВВЕДЕНИЕ

В 1920–1930-е гг. в Европе развернулась широкая дискуссия о новом социалистическом государстве – СССР. В Советскую Россию приезжали такие европейские деятели культуры, как Г. Уэллс, А. Жид, Р. Роллан, А. Барбюс, Л.-Ф. Селин, Л. Фейхтвангер, А. Гофмейстер, С. Цвейг, Д. Ийеш, Э. Шинко, Т. Драйзер, Б. Шоу, А. Кёстлер, Б. Рассел, Ж. Дюамель, В. Беньямин, Б. Рассел, А. Барбюс¹. Дискуссия о советской России затронула и межвоенную Чехословакию. Несмотря на то, что официальная политика Чехословакии по отношению к Советской России была скорее настороженной², судьба СССР, жизнь в государстве «социалистического эксперимента» волновали чешские левоориентированные круги, а осмысление советского мира, отношение к коммунизму стали постоянными темами чешской интеллектуальной и культурной, литературной жизни. В Советской России в это время побывали многие представители чешской «левицы» – интеллектуалы, писатели, поэты,

¹ О восприятии европейскими интеллектуалами СССР см.: *Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории / Г.Б. Куликова; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. Москва: Институт российской истории РАН, 2013.

² Отношения Чехословацкой республики и СССР складывались непросто. В первые годы после Октябрьской революции культурные и экономические связи между Чехословакией и СССР почти полностью отсутствовали. Некоторый сдвиг произошел только после заключения Временного торгового договора и учреждения в 1922 г. полномочного представительства РСФСР в Праге. В октябре 1924 г. благодаря культурно-политической деятельности СССР и интересу, проявленному чешской общественностью, было создано Общество экономического и культурного сближения с Новой Россией. Однако официально Чехословакия признала Советский Союз только в 1934 г. после большинства европейских государств. Президент Чехословакии Т.Г. Масарик старался оградить Чехословакию от коммунистического влияния, которое имело политический и общественный отклик: в 1920 г. произошла так называемая Декабрьская стачка, охватившая широкие рабочие слои и организованная левым крылом социал-демократической партии, кроме того, созданная в мае 1921 г. коммунистическая партия заняла второе место на выборах в парламент 1925 г. С целью создания политического противовеса коммунистам была образована «общенациональная» коалиция, в которую вошли наиболее влиятельные чехословацкие партии республиканской ориентации: аграрии, национальные демократы, социал-демократы, национальные социалисты, клерикальная народная партия. Также с 1921 по 1938 гг. правительством проводилась «Русская акция» – программа по поддержке русской эмиграции, что сделало Чехословакию одним из главных эмигрантских центров, а значит – явным противником СССР. См.: Чехи и словаки. 1914 – середина 40-х годов // История южных и западных славян в 2 т. Т. 2: Новейшее время: учебник / под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 122–157.

деятели культуры, политики: И. Ольбрахт, М. Майерова, М. Пуйманова, Б. Шмераль В. Незвал, Ю. Фучик, Я. Сейферт, К. Тейге, Й. Гора, З. Неедлы, Б. Вацлавек, А. Гофмейстер, Б. Фейерштейн, Г. Вчеличка, Т. Бартошек, В. Прохазка и др. В результате в чешских интеллектуальных кругах сложились две противоположные точки зрения. У кого-то, как, например, у Я. Сейферта, а впоследствии у К. Тейге, советская действительность вызвала разочарование, довольно жесткую критику и отрезвление. Однако большинство чешских «левых» интеллектуалов, напротив, в разнообразных литературных свидетельствах – очерках, эссе, поэтических текстах – формировало скорее утопический и весьма идеализированный образ Советской России. О преобладании среди представителей «левицы» оптимистичного, так сказать «идеального» взгляда на Советский Союз, говорят в своих работах Л.Н. Будагова («Чехи в Москве первых пятилеток»)³ и А.В. Амелина («Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик)»)⁴, о нем свидетельствует и корпус текстов, собранных в чешской антологии «Путешествия в утопию: советская Россия в свидетельствах чехословацких интеллектуалов межвоенного периода»⁵, рецензию на которую опубликовал А. Бобраков-Тимошкин⁶.

Особняком в обширном массиве всего написанного в Чехии об СССР в 1920–1930-х гг. стоит наследие чешского писателя, критика, переводчика и публициста, принадлежавшего к «левым» кругам, – Иржи Вайля (Jiří Weil, 1900–1959). В рамках дискуссии об СССР Вайлю удалось выработать

³ Будагова Л.Н. Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 300–315.

⁴ Амелина А.В. Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 307–320.

⁵ Šimová K. a kol. Cesty do utopie: Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů. Praha: Prostor, 2018.

⁶ Бобраков-Тимошкин А. Поедем в «Страну Ленинию» // Неприкосновенный запас, №6, 2018. С. 280–293.

совершенно особую позицию. В отличие от своих современников, он попытался осмыслить и трезво проанализировать советскую реальность, не стремясь давать ей поспешную и однозначную оценку. Его намного более взвешенную по сравнению с другими «левыми» авторами точку зрения предопределили ранняя приобщенность к русской культуре, а также личный драматический опыт соприкосновения с советским миром. В силу малой известности для русских читателей биографии Вайля, остановимся на тех ее моментах, которые будут важны для понимания его творчества.

Годы личностного становления И. Вайля были тесно связаны с русским языком, дискуссиями о коммунизме, изучением русской и советской литературы. Это и не удивительно, ведь в Чехословакии конца 1910-х – начала 1920-х гг. СССР и все происходящее в нем вызывало живой интерес, а быть коммунистом во многом означало быть в центре социально-политической и культурной жизни современности. В своих воспоминаниях об И. Вайле «От заморозков до оттепели» Ярослава Вондрачка, его друга и коммунистка, так описывает это время: «Русские преподаватели и Винценц Червинка верят в Россию как в страну будущего с героем-Лениным во главе. И Йирка [Иржи Вайль. – *А.Г.*] тоже поверил и записался на русский язык. И сразу начал переводить. Он стал встречаться в “Унионке” [кафе «Union». – *А.Г.*] с анархистской молодежью, начал сотрудничать с С.К. Нейманом [«левый» чешский поэт. – *А.Г.*], ходить на собрания молодых коммунистов, которые встречаются где-то в районе Виноград. Переводит Ремизова, редактирует перевод “Двенадцати” Блока»⁷. В Карловом университете, где Вайль изучает славистику, он становится учеником профессора Ф.К. Шальды, который, хотя и не был членом компартии, тяготел к левому крылу чешских интеллектуалов и являлся одним из наиболее авторитетных литературных критиков. Неудивительно, что научные и литературные интересы Вайля в это время

⁷ *Vondráčková J. Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 10.* Здесь и далее все цитаты из чешских источников и литературоведческих трудов, если это не оговаривается отдельно, приводятся в нашем переводе – *А.Г.*

обращаются к России. В 1928 г. он пишет диссертацию «Гоголь и английский роман XVIII века»⁸. Овладев русским языком, начинает активно переводить русских и советских авторов. На протяжении 1920–1930-х гг. публикует в чешском переводе таких писателей и поэтов, как В. Маяковский (известно, что Вайль был знаком с Маяковским, встречался с ним в Москве в 1922 г., а во время приезда поэта в Прагу был его гидом)⁹, Б. Пастернак, М. Цветаева¹⁰, В. Луговской, М. Горький, М. Зощенко, Ф. Сологуб, В. Брюсов, С. Кирсанов, Э. Багрицкий, А. Ремизов, В. Каверин, А. Малышкин, Б. Лапин, Л. Сейфулина, В. Мейерхольд, М. Скачков, Н. Асеев. Вайля интересуют русский авангард и «формальная школа»: он переводит тексты В. Шкловского, Вс. Мейерхольда, Вс. Иванова, Ю. Тынянова, является одним из чешских знакомых Р. Якобсона¹¹. Свои наблюдения над современной советской литературной и культурной жизнью, о которой в Чехословакии еще было слишком мало известно, Вайль объединяет в трех составленных им трудах: «Русская революционная литература» (*Ruská revoluční literatura*, 1924), «Культурная работа Советской России» (*Kulturní práce sovětského Ruska*, 1924), «Сборник советской революционной поэзии» (*Sborník sovětské revoluční poezie*, 1932). Публикация этих книг была чрезвычайно важна в Чехословакии для расширения знаний о Советской России.

⁸ Weil J. Gogol a anglický román 18. století. Praha: Triáda, 2023.

⁹ О первой встрече с В. Маяковским в его московской квартире Вайль упоминает в статье «Первые переводы советской литературы» (Weil J. První překlady ze sovětské literatury // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda 2021. S.706); о визите Маяковского в Прагу в 1927 г. см. репортаж «Гости в Праге: Владимир Маяковский» (Ibid, S. 75).

¹⁰ По свидетельству Я. Вондрачковой, Вайль встречался с М. Цветаевой в кафе «Славия». См. Vondráčková J. Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S.21.

¹¹ «В соответствии с логикой первых постреволюционных лет среди первых контактов Якобсона были, кроме Вилема Матезиуса и Станислава Костки Неймана, Иржи Вайль, позднее – Ярослав Сейферт, Карел Тейге и другие члены левого авангарда» См.: Toman J. Angažovaná čítanka Romana Jakobsona (články, recenze, polemiky 1920–1945). Praha: Karolinum, 2017. S. 254.

В 1921 г. Вайль становится членом левой фракции молодежной социал-демократической партии, которая вскоре была преобразована в комсомол¹² (Коммунистический союз молодежи Чехословакии), начинает сотрудничать с официальной газетой Коммунистической партии Чехословакии¹³ «Руде право» (*Rudé právo*), а также в качестве редактора работает в партийном издательстве «Борецкий», отвечает за серию «Советские авторы». Уже в 1922 г. Вайль первый раз едет в советскую Россию и участвует в IV конгрессе Коминтерна в качестве корреспондента «Руде право». Подробности этой поездки ярко запечатлены в нескольких его репортажах¹⁴. Вайль сообщает, что из Европы в Россию он вместе с другими иностранцами-коммунистами и русскими возвращенцами добирался на пароходе по Балтийскому морю (единственный на тот момент легальный путь). Встречая корабли с флагом РСФСР, иностранцы их приветствуют и сами по вечерам поют коммунистические итальянские, французские, бразильские песни и всеобщий Интернационал. Москву он представляет как динамичный город, который внешне живет в «ритме танца, песни, страсти»¹⁵, бульвары писатель называет «обручами, которые соединяют Москву, чтобы она не разлетелась от переизбытка жизни»¹⁶. Отмечает Вайль и культурную жизнь советской России, которая впоследствии на протяжении долгих лет будет предметом главного его

¹² Организация являлась молодежным крылом Чехословацкой социал-демократической рабочей партии. В 1921 г. она была преобразована в Коммунистический союз молодежи Чехословакии (Комсомол).

¹³ Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) образовалась на базе марксистского левого крыла Чехословацкой социал-демократической партии. Видную роль в создании КПЧ сыграли Б. Шмераль и А. Запотоцкий. Партия сразу стала секцией Коммунистического интернационала и имела прямое отношение к коммунистической политике СССР. Компартия Чехословакии являлась третьей по величине после советской и немецкой и имела довольно большой общественный вес, о чем говорят выборы в парламент 1925 г., на которых она заняла второе место.

¹⁴ «Ze Štětína do Petrohradu», «Moskva na podzim 1922», «Institut K. Marxe a Engelse», «Dojmy ze sjezdu komunistické internacionály. Iljič mluví», «Kulturní život Moskvy», «Rusko na podzim 1922». См. так же более поздние ретроспективные статьи: «Lenin – rok 1922», «Komunistický kalendář na rok 1924».

¹⁵ Weil J. Moskva na podzim 1922. (*Rudé právo* 5.11.1922) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 15.

¹⁶ Weil J. Rusko na podzim 1922. Cestovní deník. (Komunistický kalendář na rok 1924 (1924)) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 56.

интереса. Одно из самых сильных впечатлений Вайля связано с выступлением на конгрессе В.И. Ленина. Ленин, по его словам, – «определенный, ясный, простой [...], на первый взгляд он вам покажется совершенно обычным человеком. Вы бы его не заметили»¹⁷; «Слова Ленина высокие и тяжелые, как фабричная труба. Это из-за того, что Ленин говорит по-немецки. Ленин хорошо знает немецкий, лучше знает слова высокой теории и плохо знает союзы. Но Ленин хочет говорить и простыми словам. За Лениным сидит простая русская девушка-коммунистка. Когда Ленину не хватает слова, обыкновенно это какое-нибудь “nämlich” (собственно), он оборачивается к девушке. Девушка бросает нужное слово, и Ленин говорит дальше. Его речь направляется так, чтобы убеждать, она прочерчена как графическая линия, она бежит и бежит вперед. Ленин говорит о России и русской революции. Он стоит, руки в карманах, а на лице его играет улыбка. Такая интересная улыбка»¹⁸. Обобщающей метафорой советского государства в этих публицистических текстах Вайля становится ледокол «Ермак», который прокладывает обратный путь по Финскому заливу иностранной делегации.

В 1923 г. Вайль начинает работать в Отделе Печати Полпредства СССР в Праге, которое находилось на Итальянской улице (вилла «Тереза»)¹⁹ и где он встречается с Романом Якобсоном, Теодором Нетте. В 1925 г. Вайль вступает в Коммунистическую партию Чехословакии. В это же время он сближается и с авангардной творческой группой «Деветсил», в которую входили левоориентированные чешские поэты и писатели²⁰. В 1931 г. в результате

¹⁷ Weil J. Dojmy ze sjezdu komunistické internacionály. Iljič mluví. (Rudé právo – Večerník 24.11.1922) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 19.

¹⁸ Weil J. Lenin – rok 1922 (Avangarda, leden 1926) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 71.

¹⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 52 (автобиография Вайля). См. Приложение 3.

Этому месту, которое служило объектом притяжения для чешских и словацких левых интеллектуалов, даже посвящена поэма словацкого поэта Ладислава Новоместского «Вилла Тереза» (Ladislav Novomeský, «Vila Tereza» 1963).

²⁰ «Деветсил» (Devětsil) – чешское авангардное творческое объединение, в рамках которого сформировался «поэтизм» – особое направление чешского авангарда. Группа «Деветсил» возникла в Праге 1920 г. и просуществовала до 1934 г. Основные представители:

конфликта с полпредом А.Я. Аросевым Вайль теряет работу в Полпредстве СССР. В своей автобиографии он пишет: «В качестве переводчика с русского языка я был послан партией в отделение печати советской миссии, где работал до 1931 года. Ушел я оттуда из-за конфликта с Аросевым, в котором партия меня поддержала, и я стал редактором “Творбы” в издательстве “Борецкий”»²¹. В 1933 г. Вайль теряет и это место. Ему предлагают поехать в СССР в качестве литературного редактора и переводчика марксистской литературы. Надо сказать, что это предложение с самого начала не слишком привлекает его²², однако он не может отказать партии. Кроме того, в Европе в это время все сильнее ощущается кризис, растет безработица, и бурно развивающаяся советская Россия на этом фоне представляется местом, где можно найти применение своей творческой энергии. В Москву Вайль приезжает в июне 1933 г. и работает здесь до начала 1935 г. в Издательском товариществе иностранных рабочих в СССР (при Коминтерне) на Никольской улице вместе с другими чешскими левыми интеллектуалами – Я. Прохазкой, Э. Урксом, Л. Штоллом²³. Основная деятельность Вайля – переводы и редактирование марксистской литературы²⁴. Кроме того, Вайль продолжает переводить русскую литературу, пишет рецензии, статьи для левых чешских журналов и газет, таких как «РЕД» (*RED*), «Творба» (*Tvorba*), «Руде Право» (*Rudé Pravo*), «Панорама» (*Panorama*), «Свет труда» (*Svět práce*) «Наступление» (*Útok*), «Право народа» (*Právo lidu*)²⁵.

В. Ванчура, В. Незвал, К. Тейге, Я. Сейферт, Ф. Галас, А. Хоффмейстер, Тойен (М. Черминова), Й. Штырский.

²¹ Vondráčková J. Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 12.

²² Я. Вондрачкова так комментирует этот эпизод: «... он остается без места. Тогда ему предлагают поехать в СССР. Ему туда не сильно хочется, но быть при этом кризисе безработным?» (Ibid. S. 46).

²³ Hruběš J., & Krýl M. Ještě jednou Jiří Weil (O jeho životě a díle) // Tereziánské listy. 2003. № 31. S. 19.

²⁴ «Marx – Engels – Lenin – Stalin o Rakousku a české otázce» (1933); V.I. Lenin «Stát a revoluce» (1934), «Imperialismus jako nejvyšší stadium kapitalismu» (1934); N.K. Krupská «Vzpomínky na Lenina» (1. díl 1934, 2. a 3. díl 1935).

²⁵ Репортажи Вайля 1920-1930-х гг. объединены в двух книгах:

1) Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021.

2) Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022.

Однако уже в начале 1935 г. Вайль попадает в жернова московских политических процессов, начавшихся после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. Согласно официальной версии, Вайлю повредило письмо, посланное им из Москвы в Прагу, адресованное Ярославе (Славке) Вондрачковой²⁶, в котором он жаловался на бытовые неудобства московской жизни. Именно это обвинение мы находим в протоколе заседания балкано-балтийской партгруппы Издательства «Инорабочий» от 20 января 1935 г., в ходе которого было принято решение об исключении Вайля из Коммунистической партии Чехословакии: «Вайль писал письмо за границу о том, что ему здесь очень плохо живется, но он утешается мыслью, что если бы он попал в концентрационный лагерь в Германии, то там ему было бы еще хуже. Когда мы спросили его, писал ли он это письмо, он заявил, что это провокация и т. д. Наш группорг [Прохазка. – А.Г.] был в Чехословакии и слышал там об этом письме, но здесь в СССР мы точно установили, что такое письмо было написано. Когда мы второй раз поставили перед ним этот вопрос, он признался и заявил, что он был тогда болен, ему не дали медицинскую карточку, и он был огорчен и написал такое письмо, но в то же время он написал редактору “Руде Право” о том, что ему живется здесь хорошо и т.д. Группа постановила исключить его из партии и снять с работы»²⁷. О существовании злополучного письма свидетельствуют обнаруженные нами архивные данные, в частности, письменное признание²⁸ самого Вайля, сделанное после его обвинения, а также письмо Я. Вондрачковой, в котором она, по-видимому, отвечая на его вопрос, пишет, что не помнит, кому могла показывать письмо. Несмотря на это, трудно сказать, в чем доподлинно был обвинен Вайль, было ли дело в письме или истинной причиной стала его тайная поездка в Европу, куда его

²⁶ Эти имена упомянуты в «Заявлении», написанном группоргом Прохазкой (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 46.)

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 39. См. Приложение 6.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 31; Л. 32; Л. 31. См. Приложение 4, 5.

отправили советские спецслужбы с миссией Коминтерна²⁹. Как отмечают Ян Грубеш и Мирослав Крыл³⁰, а также Ян Вогрызек³¹, Вайль избежал ареста, а может быть, и расстрела, благодаря ходатайству Юлиуса Фучика, с которым его связывала личная дружба и который также посещал СССР в 1934–1936 гг.³² После исключения из компартии Вайль был выслан из Москвы, отправлен в чехословацкую коммуну Интергельпо близ г. Фрунзе (Бишкек) в качестве журналиста, затем, вероятно, с августа по октябрь находился в исправительно-трудовом лагере на Балхашстрое³³ в Казахстане, где также был корреспондентом, работником печати³⁴. К счастью, этот опыт Вайля оказался непродолжительным: в ноябре 1935 г. Вайль вернулся в Москву, и уже в конце ноября ему было разрешено вернуться в Чехословакию.

Личные впечатления Вайля, его наблюдения, знания об СССР 1920–30-х гг. отразились в репортажах, заметках, очерках, рецензиях, литературоведческих эссе, а также в трех книгах. Первая из них – сборник репортажей «Чехи строят в стране пятилеток» (*Češi stavějí v zemi pětiletok*, 1937). Две другие – художественные, и образуют романную дилогию: «Москва – граница» (*Moskva-hranice*, 1937), и «Деревянная ложка» (*Dřevěná lžice*,

²⁹ О том, что такая поездка действительно была совершена Вайлем, свидетельствуют архивные данные: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 2; Л.4. См. Приложение 1,2.

³⁰ *Hrubeš J., Kryl M. Ještě jednou Jiří Weil (O jeho životě a díle) // Tereziánské listy. 2003. № 31. S. 22.*

³¹ *Vohryzek J. Bezvýznamnost učiněná významem // Respekt 2, 1991, č. 51, 23. – 29. 12. S. 9.*

³² См. воспоминания Вайля о Ю. Фучике в Москве: *Weil J. Vzpomínky na Julia Fučíka. Praha: Družstvo Dílo, 1947. S. 31–32.*

³³ Стройка медеплавильного комбината на оз. Балхаш (Балхашстрой) запечатлена во втором романе Вайля «Деревянная ложка» (1937/1938). Подробнее о Балхашстрое см.: Пинегина Л.А. Медный гигант Ист. очерк [о Балхашском горнометаллургич. комбинате] / Акад. наук Каз ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1963.

³⁴ Пребывание Вайля непосредственно на Балхашстрое подвергается сомнению некоторыми чешскими исследователями, поскольку его не подтверждают архивные данные, нет также и газетных репортажей Вайля об этой стройке. Однако свидетельством того, что Вайль все же работал на Балхашстрое в качестве корреспондента (вероятно, с августа по октябрь 1935 г.), является анкета Вайля, приведенная в мемуарах Я. Вондрачковой: «В колонии (Интергельпо – АГ) я работал в редакции “многотиражки”, а затем корреспондентом на Балхаше». (См.: *Vondračková S. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 46.*)

1937/1938)³⁵. При этом публицистика Вайля и его художественная проза продолжают и дополняют друг друга в тематическом, стилистическом и идейном плане. Вайль-публицист пишет о советской политике просвещения, советском литературном процессе, культурном и промышленном строительстве в Средней Азии. Эти тексты имеют информативно-фактологический, аналитический и идеологический характер. Что касается художественных произведений, они связаны с более глубоким познанием советского мира (бытовым, ментальным, идейным), которое становится возможно благодаря их главным героям, иностранцам, носителям европейского сознания, близкого автору. При этом первый роман «Москва-граница», где речь идет о жизни европейцев в советской Москве, является наиболее репрезентативным, именно в нем максимально развернута авторская эстетическая концепция и аксиологическая оценка советского мира. Второй роман – «Деревянная ложка» – основанный на опыте ссылки Вайля в Среднюю Азию и официально опубликованный в Чехии лишь в 1992 г., во многом продолжает и повторяет все то, что было найдено и заявлено Вайлем в «Москве-границе».

Материалом диссертации послужил 1) корпус публицистических текстов Вайля, публиковавшихся с 1920 по 1937 гг. и посвященных СССР; 2) роман «Москва-граница», изданный в Праге в 1937 г. (с привлечением текста романа «Деревянная ложка», официально опубликованного в Чехии намного позднее – в 1992 г.).

³⁵ Роман «Деревянная ложка» был написан в 1937/1938 г. вслед за романом «Москва-граница» однако, по словам А. Едличковой, Вайль не решился его публиковать тогда, «когда каждое критическое слово в адрес Советского Союза могло бросить тень на государство, к которому с надеждой обращались взгляды многих в условиях наступления фашизма» (*Jedličková A. Shledávám, chtě chválit skutky božské, že bohové jsou zlí // Weil J. Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. S. 199.*). В послевоенное время роман считался антисоветским, не случайно попытка его опубликовать даже в период «оттепели» в 1960-е гг. в издательстве «Чехословацкий писатель» (*Československý spisovatel*) не увенчалась успехом. Первая публикация романа состоялась в Италии в 1970 г., затем в 1977 и 1980 гг. в самиздате в издательствах «Кварт» (*Kvart*) и «Экспедице» (*Expedice*). Официально в Чехии роман вышел только в 1992 г. с комментарием Я. Вишковой и обширной рецензией литературоведа А. Едличковой.

Объект изучения – изображенная в целом ряде публицистических текстов Вайля советская действительность 1920–1930-х гг.; художественно воссозданный в романе «Москва-граница» образ советского мира, советской Москвы, советских людей, иностранцев в СССР.

Предмет исследования – содержательные и поэтические особенности публицистических и художественных текстов Вайля (основные идеи, темы, мотивы, приемы психологизма, сюжетно-композиционное-построение, фигуры языка и стиля), благодаря которым писателю удалось создать многоаспектный, неоднозначный, объемный образ советской жизни второй половины 1920–1930-х гг.

Степень изученности художественного и публицистического творчества Вайля значительно отличается в Чехии и России. Можно сказать, что в Чехии межвоенное литературное наследие Вайля трактовалось по-разному в зависимости от политического климата времени. Долгое время фигура этого писателя оставалась спорной в чешской литературно-критической среде. Из-за непростых отношений с чешской компартией в послевоенное время он оставался во многом полуофициальным автором. Печатались и были приняты только послевоенные его произведения, которые были связаны с темой Холокоста, трагической судьбой евреев во время протектората³⁶. Однако в целом Вайль оставался нежелательным, мало изучаемым автором, не соответствующим соцреалистическим канонам. Некоторый всплеск интереса к Вайлю можно наблюдать в период «оттепели» в 1960-е годы, но по-настоящему интересоваться им стали в Чехии уже в годы «бархатной» революции и после нее (конец 1980-х–1990-е гг.).

На сегодняшний день в Чехии можно выделить целый корпус исследований, посвященных Вайлю, его биографии и творчеству. Среди них – одна диссертация, довольно большое количество магистерских и бакалаврских учебных работ, но в большинстве своем – отдельные научные и

³⁶ Среди самых известных и переводимых книг здесь можно выделить два романа – «Жизнь со звездой» (*Život s hvězdou*, 1949), «На крыше Мендельсон» (*Na střeše je Mendelssohn*, 1960).

публицистические статьи, связанные с конкретными произведениями писателя или с некоторыми фактами его биографии. Представляется необходимым систематизировать эти источники и выделить основные наметившиеся тенденции в изучении творчества Вайля.

Значительная часть чешских и зарубежных исследователей и критиков продолжает традицию рассмотрения Вайля преимущественно в качестве автора художественных книг о Холокосте, и в этом контексте его часто сравнивают со словацким писателем Л. Гросманом³⁷. Довольно большое внимание этой стороне творчества Вайля уделяет Гана Гржибкова в своей диссертации «Жизнь и творчество Иржи Вайля после 1939 года»³⁸.

Другая тенденция, ставшая возможной после «бархатной революции» 1989 г., сопряжена с изучением Вайля как писателя и критически настроенного левого интеллектуала, тесно связанного с коммунистическими идеями и Советским Союзом. Отметим, что в рамках этой тенденции большее внимание уделяется его довоенному творчеству. В этой связи нам бы хотелось назвать несколько дипломных работ, которые существенно прибавляют научных знаний в рамках данной проблематики. Например, это обширная и глубокая бакалаврская работа Даниэлы Полаковой, в которой рассматриваются два романа Вайля – «Москва-граница» и «Жизнь со звездой» в контексте психологии тоталитаризма³⁹; дипломная работа Маркеты Киттловой⁴⁰,

³⁷ Перечислим в этой связи некоторые работы: *Polesová H.* Reflexe válečné doby v poválečné židovské literatuře z pohledu románu Jiřího Weila *Život s hvězdou* [Bakalářská práce]. Olomouc, 2016; *Vomačková Š.* Téma vypořádávání se s "hvězdným" údělem v dílech *Život s hvězdou* a *Pan Theodor Mundstock* [Bakalářská práce]. České Budějovice, 2012; *Lohrová J.* Téma holocaustu v dílech J. Weila, K. Sidona a L. Grosmana [Bakalářská práce]. Plzeň, 2011; *Machačová P.* Weilův *Život s hvězdou* a Fuksův *Theodor Mundstock* z hlediska psychologie hlavních postav [Bakalářská práce] Brno, 2006; *Roubalíková P.* Židovství v próze Jiřího Weila [Bakalářská práce]. Olomouc, 2017; *Schutte A.-D.* Die jüdische Thematik im Werk Jiří Weils [Masterarbeit]. Bonn, 2003; *Hříbková H.* Jiří Weil: Žalozpěv za 77 297 obětí // Reinhard Ibler (ed.): *The Holocaust in the Central European Literatures and Cultures: Problems of Poetization and Aestheticization*. Stuttgart: Ibidem, 2016. S. 79–88; *Kirschner Z.* Život s bolestí. Nad románem Jiřího Weila *Život s hvězdou* // *Literární archiv* 32–33, 2001. S.157–174.

³⁸ *Hříbková H.* Život a dílo Jiřího Weila po roce 1939 [Disertační práce]. Praha, 2019.

³⁹ *Poláková D.* Jiří Weil: tváří v tvář zlu [Bakalářská práce]. České Budějovice, 2013.

⁴⁰ *Kittlová M.* Jiří Weil mezi Ruskem a Čechami [Diplomová práce]. Praha, 2009.

посвященная связи Вайля с Россией, где автор сосредотачивается на публицистической и отчасти переводческой деятельности Вайля; дипломная работа Яны Шевчиковой⁴¹, в которой художественная рефлексия Вайля на советскую реальность сопоставляется с рефлексией его современников, левых интеллектуалов и критиков; бакалаврская работа Терезы Донтовой «Фигура Иржи Вайля (1900–1959)»⁴², в которой «Москва-граница» сравнивается с путевыми заметками Бржетислава Палковского «Из советской цивилизации». Во многом в эту концепцию изучения Вайля вписывается и фундаментальный, уже упомянутый выше труд Ганы Гржибковой, в котором связь Вайля с коммунистической партией и СССР тоже очень важна. Необходимо назвать здесь и обширную статью исследователей Й. Грубеша и М. Крыла⁴³, которая помогает структурировать биографию писателя, осмыслить его связь с левыми идеями, узнать о его жизни в Советском Союзе. Назовем еще две статьи, написанные в той же исследовательской парадигме: это статья Д. Полаковой «Дилемма левого интеллектуала. Реальность Советского Союза в романе «Москва-граница»»⁴⁴, статья Иржи Бечка «Иржи Вайль и Восток»⁴⁵.

Менее популярен среди исследователей анализ поэтики Вайля, недостаточно осмыслено, на наш взгляд, место этого писателя в чешской литературе. Самый большой вклад здесь принадлежит Ружене Гребеничковой, опубликовавшей несколько статей на эту тему⁴⁶. Кроме того, можно отметить и бакалаврскую дипломную работу Элишки Кадлецовой «Сравнение

⁴¹ Ševčíková J. Sovětský Svaz 30. let očima české levice a předválečná tvorba J. Weila [Diplomová práce]. Praha, 2004.

⁴² Dontová T. Osobnost Jiřího Weila (1900 – 1959) [Bakalářská práce]. Brno, 2013.

⁴³ Hruběš J., Krýl M. Ještě jednou Jiří Weil (O jeho životě a díle) // Tereziánské listy. 2003. №3. S. 18-40.

⁴⁴ Poláková D. Dilema levicového intelektuála. Realita Sovětského svazu ve Weilově románu Moskva-hranice // A2. 2015. №13. S. 4.

⁴⁵ Bečka J. Jiří Weil o Střední Asii // Nový Orient. 1986. № 8. S. 245–247.

⁴⁶ Grebeníčková R. Jiří Weil a moderní román // Grebeníčková R. O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 376–394;

Grebeníčková R. Jiří Weil a normy české prózy po patnácti letech // Grebeníčková R. O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 356–365.

вымышленных миров Франца Кафки и Иржи Вайля»⁴⁷, в которой исследовательница сравнивает «Замок» Кафки и «Жизнь со звездой» И. Вайля. Можно отметить и статью Яна Беличка «Факты против иллюзий. Наследство советского авангарда в творчестве и жизни Иржи Вайля»⁴⁸, в которой дается общая характеристика двух романов Вайля – «Москва-граница» и «Деревянная ложка» и выдвигается тезис о близости творчества Вайля принципам, провозглашенным в русском авангардном объединении ЛЕФ.

Активизировавшийся в начале XXI в. научный интерес со стороны чешских исследователей к творчеству и личности Вайля подтверждается крупным и очень важным в рамках нашей темы проектом издательства «Триада» (Triáda), в котором с 2021 г. начало выходить 13-томное собрание сочинений писателя⁴⁹. Никогда ранее Вайль не издавался ни в Чехии, ни за ее пределами системно и академически, поэтому вышеуказанное собрание его сочинений – факт беспрецедентный, имеющий важное научное и просветительское значение. Изданием руководит и является ответственным редактором отдельных его томов профессор Карлова университета, литературовед Михаэл Шпирит (Michael Špirit). Коллега М. Шпирита, профессор Карлова университета Иржи Голы (Jiří Holý) отмечает: «Примечательно и, конечно, не случайно, что фигура Иржи Вайля притягивает элиту богемистики. После Яна Гроссмана, Иржи Опелика, Ружены Гребеничковой, Йозефа Вогрызека и Урса Гефтриха, сейчас это Михаэл Шпирит»⁵⁰. Из запланированных 13 томов, которые должны охватить все творчество Вайля, в настоящий момент вышли 5: «Том 1. Репортажи и статьи 1920-1933», «Том 2. Гоголь и английский роман 18 столетия (1928)», «Том 3.

⁴⁷ Kadlecová E. Komparace fikčních světů Franze Kafky a Jiřího Weila [Bakalářská diplomová práce]. Brno, 2016.

⁴⁸ Bělíček J. Fakta proti iluzím. Dědictví sovětské avantgardy v díle a životě Jiřího Weila // A2. 2015. №13. S.5.

⁴⁹ См. об этом: Грасько А.В. Иржи Вайль. Собрание сочинений в 13 тт. Т. 1-4, 8 / Под ред. М. Шпирита. Прага: Триада, 2021-2023 (на чешском языке) // Вопросы литературы. 2024. №6. С. 176–179.

⁵⁰ См.: <https://holokaust.ff.cuni.cz/cs/2023/05/12/novy-svazek-spisu-jiriho-weila/> (дата обращения: 10.08.2025).

Репортажи и статьи 1933-1937», «Том 4. Москва-граница (1937)», «Том 8. Статьи и репортажи 1938-1956». Таким образом, издателями уже опубликована вся довоенная и послевоенная публицистика Вайля, его литературоведческая диссертация компаративного характера о Гоголе и английском романе XVIII века, а также первый из двух романов о советской действительности – «Москва-граница». Факт подобного издания безусловно отражает то, что чешское научное сообщество пытается восстанавливать целостное представление о Вайле как о писателе и человеке, биография которого буквально пронизана противоречиями XX столетия. Об этом также свидетельствует прошедшая в Праге в мае 2023 г. первая крупная научная конференция, посвященная всестороннему изучению его биографии и творчества («Вечный аутсайдер Иржи Вайль»), организованная усилиями Института чешской литературы (Академия наук Чешской Республики) и Центра изучения Холокоста и еврейской литературы.

Между тем, в России Вайль по-прежнему известен только узкому кругу читателей и ученых-филологов: роман «Москва-граница», изданный в 2002 г. в переводе Ю.В. Преснякова, сейчас является библиографической редкостью, а произведения с проблематикой Холокоста переведены лишь частично. На сегодняшний момент Вайль в России практически не изучен. Можно с уверенностью сказать, что его имя знакомо только узким кругам богемистов, но и там писатель фигурирует чаще всего в перечислительном контексте⁵¹. Единственная научная статья, посвященная творческой деятельности Вайля, принадлежит И.А. Герчиковой – «Чехи в Москве 30-х годов. Два мира Иржи

⁵¹ Например, И. Вайль упоминается в следующих статьях и изданиях:

Будагова Л.Н. Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте / Институт славяноведения РАН; под ред. Хавановой О.В. М., 2016. С. 457–475; *Будагова Л.Н.* Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 300–315; *Шерлаимова С.А.* Чешская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Т.1: 1945–1960 гг. М., 1995. С.178–247.

Вайля и Яна Вайса»⁵². Другим известным советским и российским богемистом, О. Малевичем, была написана небольшая вступительная заметка о Вайле – «Об авторе романа “На крыше Мендельсон”»⁵³. Еще одну краткую заметку о Вайле написал в качестве предисловия к роману «Москва-граница» переводчик Ю.В. Пресняков⁵⁴.

Тем, что в отечественном литературоведении творчество Вайля до сих пор оказалось мало изучено, а в Чехии, напротив, интерес к нему возрастает, предобусловлена **актуальность** представленной работы.

Новизна исследования заключается в том, что оно впервые вводит в российский научный оборот большой комплекс разноприродных текстов Вайля: его публицистику (статьи, рецензии, обзоры, эссе о культуре, литературе, динамике литературного процесса и социально-просветительской работе в СССР, о преобразованиях в Киргизии и Казахстане), роман «Деревянная ложка». Также впервые осуществляется системный и многоаспектный анализ наиболее проблемного романа Вайля «Москва-граница».

Цель работы: выявить концептуальные аспекты изображения жизни в СССР 1920–1930-х гг. Вайлем-журналистом, литературным критиком и писателем, а также ввести в российский научный оборот корпус публицистических и критических текстов Вайля, архивные материалы, относящиеся к жизни и творчеству писателя, рассмотреть роман «Москва-граница» в контексте идеологических и эстетических поисков Вайля 1930-х годов, раскрыть концепцию изображенного в нем советского мира.

Данная цель предопределила следующие **задачи**:

1. Систематизировать публицистическое наследие Вайля, освещающее

⁵² Герчикова И.А. Чехи в Москве 30-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайса // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 285–299.

⁵³ Малевич О. Об авторе романа «На крыше Мендельсон» // Нева. 2011. №5. С. 130.

⁵⁴ Пресняков Ю. Предисловие // Вайль И. Москва-граница. М.: МИК, 2002. С. 5–6.

реалии советской действительности 1920–1930-х гг.

2. Проследить развитие взглядов Вайля-публициста на культурную жизнь в СССР 1920–1930-х гг., выявить его рефлексию на культурную политику, литературную ситуацию и художественные тенденции, характерные для советской России указанного периода.
3. Выявить жанровое, сюжетно-композиционное и стилевое своеобразие романа «Москва-граница».
4. Установить общие для публицистики и художественного творчества Вайля концептуальные и стилевые тенденции в осмыслении советского мироустройства.

Теоретической и методологической базой нашего исследования послужили общетеоретические работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпы, Б.А. Успенского, В.Е. Хализева, В.Б. Шкловского; исследования российских богемистов (А.В. Амелиной, Л.Н. Будаговой, И.А. Герчиковой, Е.Н. Ковтун, Р.Р. Кузнецовой, С.А. Шерлаимовой), выработавших основополагающие принципы и подходы к изучению чешской литературы; работы чешских историков литературы, посвященные творчеству и биографии И. Вайля (Р. Гребеничковой, Я. Грубеша, М. Киттловой, М. Крыла, Д. Полаковой, Й. Шевчиковой, М. Шпирита); научные труды, посвященные русской (советской) литературе 1920-х – 1930-х гг. (Г.А. Белой, А.К. Воронского, М.М. Голубкова; Е.А. Добренко, Н.В. Корниенко, Н.Л. Лейдермана, В.П. Полонского, С.Г. Семеновой, М.О. Чудаковой); работы, посвященные имагологии в культуре и литературе (Л.А. Мальцева, Е.В. Демидовой, В.Б. Земскова, И.А. Канаева, Т.Н. Красавченко, Н.П. Михальской, Р. Мниха, Г.А. Тиме, В.А. Хорева); работы культурологического и социокультурного характера, посвященные советской повседневности сталинского времени (М. Геллера, Н.Н. Козловой, Т.А. Кругловой, Ш. Фицпатрик).

Для исследования творчества Вайля были использованы идея вненаходимости М.М. Бахтина, идея В.Б. Шкловского о художественном

остранении в искусстве, столь необходимые для выстраивания концепции мира Другого; важными для нас также были коллективная монография «Россия в литературе Запада»⁵⁵, где рассматривается имагологический образ России в творческом дискурсе европейских писателей, и книга Г.А. Белой «Закономерности стилового развития советской прозы двадцатых годов»⁵⁶, необходимая для выстраивания компаративистских параллелей прозы Вайля с советскими текстами 1920–1930-х гг., а также для понимания возможных философско-эстетических влияний на нее советской литературы. В процессе анализа были использованы такие литературоведческие подходы и методы, как историко-литературный, биографический, компаративный, имагологический, структурно-семантический, культурно-исторический.

Теоретическая значимость работы заключается в комплексном подходе к анализу публицистических и художественных текстов Вайля 1920–1930-х гг., который совмещает литературоведческий, имагологический, культурологический методы. В работе впервые осуществлен системный анализ романа Вайля «Москва-граница», учитывающий как разные стороны его идейно-философского содержания, так и сложную художественную организацию произведения.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Публицистическое и художественное творчество Вайля 1920–1930-х гг. представляет собой ценный опыт постижения советской реальности, совместивший подход журналиста, профессионального филолога и критика, а также самобытного прозаика.
- 2) Публицистика Вайля, посвященная жизни в СССР, составляет обширный и репрезентативный корпус разножанровых текстов, которые с точки зрения тематической и проблемной систематизации

⁵⁵ Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П. Тырков. Москва: МГПУ, 2017.

⁵⁶ *Белая Г.А.* Закономерности стилового развития советской прозы двадцатых годов. Москва: Наука, 1977.

делятся на три крупных блока: культурная политика, литература, советские преобразования в республиках Средней Азии.

- 3) В романе «Москва-граница» образ советской Москвы представлен в качестве семиотического центра советского мира, увиденного писателем-иностранцем как мир «другой». Наиболее ощутимыми смысловыми гранями его становятся социально-бытовое пространство Москвы, советский менталитет, коммунистическая идеология. При этом картина советской реальности в романе лишена однозначности, совмещает множество замеченных Вайлем противоречий и полярно противоположных наблюдений, реализуя концепцию пограничья. Важное значение в романе имеет актуальная для литературы XX в. проблема взаимоотношений личности и государства, человека и власти.
- 4) Персоносфера романа «Москва-граница» дает социальный срез советского и, в частности, московского общества середины 1930-х гг., частью которого были работавшие в советской столице иностранные граждане. При этом главные герои-иностранцы реализуют разные сценарии возможного взаимодействия с советским обществом.
- 5) Роман «Москва-граница» содержит признаки различных жанровых форм и стилевых тенденций, характерных для литературы 1920–1930-х гг. Его стилистическое своеобразие характеризуется сочетанием документализма и модернистской, в первую очередь – экспрессионистской эстетики.

Практическая значимость работы связана с возможностью включения ее наблюдений и выводов в курсы истории чешской литературы, истории славянских литератур, истории русской литературы XX в., истории чешско-российских культурных отношений.

Апробация диссертации. Результаты исследования были представлены в докладах на следующих международных и всероссийских конференциях: «Советский мир как предмет осмысления в романе Иржи Вайля “Москва - граница”» на Конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и

многообразие» (Москва, 25-26 мая 2021); «Взгляд извне: особенности московского топоса в романе чешского писателя Иржи Вайля “Москва-граница”» на международной научной конференции «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы» (Москва, 9-10 ноября 2021); «Восприятие творчества Иржи Вайля в чешской критике: эволюция и трансформации» на конференции молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 24-25 мая 2022); «Документально-публицистические элементы в романах И. Вайля “Москва-граница” и “Деревянная ложка”» на всероссийской научной конференции «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах ЦЮВЕ XX – XXI вв. К 95-летию С.А. Шерлаимовой и 90-летию Л.Н. Будаговой и Ю.В. Богданова» (Москва, 1 ноября 2022); «Отражение чешской картины мира эпохи 1930-х гг. в зеркале советской действительности (на примере романов Иржи Вайля “Москва-граница”, “Деревянная ложка”)» на конференции «Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева». (Москва, 21-24 февраля 2022 г.); «Советский литературный процесс 1920–30-х гг. в публицистике Иржи Вайля» на международной научной конференции в рамках III всероссийского совещания славистов «Чтения памяти С.В. Никольского и Л.Н. Будаговой. 50 лет изучения межславянских литературных и культурных связей» (Москва, 25-26 октября 2023); «Отражение политики межвоенной Чехословакии по отношению к СССР в левой культурной публицистике Иржи Вайля 1920–30-х гг.» на международной научной конференции «Политические режимы и внешняя политика стран ЦЮВЕ 1918/19–1945 гг. (к 100-летию со дня рождения А.И. Пушкина)» (Москва, 21-22 ноября 2023); «Чешский писатель Иржи Вайль о советской литературе 1920–1930-х гг.» на LI международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 14-21 марта 2023); «На перекрестке европейских и советских мифов: чешский писатель и левый интеллигент Иржи Вайль об СССР 1920-1930-х гг.» на IX международной

конференции «Национальный миф в литературе и культуре: множественность репрезентаций» (Казань, 6-8 мая 2024); «”Чешский след” в строительстве социализма: публицистические и художественные свидетельства Иржи Вайля о чехах в СССР в 1930-е гг.» на LIII международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, 25-31 марта 2025); «Чешский взгляд: Иржи Вайль о советском литературном процессе 1920-1930-х гг.» на международной научной конференции «Русская литература второго советского десятилетия: темы, герои, сюжеты. К 130-летию со дня рождения Всеволода Иванова» (Москва, 8-9 апреля 2025).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Грасько А.В.* Советский мир 1930-х гг. в чешской литературе: Иржи Вайль и его роман «Москва-граница» // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 168–182. Импакт-фактор 0,2 (JIF). EDN: LGSMKE. (1,14 а.л.)
2. *Грасько А.В.* Записки «постороннего»: Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 3-4. С. 320–341. Импакт-фактор 0,253 (РИНЦ). EDN: KFCCZA. (1,26 а.л.)
3. *Грасько А.В.* Взгляд иностранца: советский быт и советские люди в художественной рецепции Иржи Вайля // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 4. С. 72–84. Импакт-фактор 0,512 (РИНЦ). EDN: USMCIF. (0,91 а.л.)
4. *Грасько А.В.* За советскую литературу в Чехии: полемика Иржи Вайля с правой чешской печатью 1920-х годов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 4. С. 80–91. Импакт-фактор 0,512 (РИНЦ). EDN: EQKXXM. (0,85 а.л.)

Иные публикации по теме диссертации:

5. *Грасько А.В.* Топос советской Москвы в романе Иржи Вайля «Москва-граница» // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / И.Е. Адельгейм, Е.В. Байдалова, А.В. Грасько и др. / Отв. ред. Н.Н. Старикова, под общ. ред. И.Е. Адельгейм, А.В. Усачёвой, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 359–385. EDN: НЕТТТQ. (1,44 а.л.)
6. *Грасько А.В.* Иржи Вайль. Собрание сочинений в 13 тт. Т. 1–4, 8 // Вопросы литературы. 2024. №6. С. 176–179. Импакт-фактор 0,186 (РИНЦ). EDN: ВНQACE. (0,23 а.л.)

Структура работы: диссертационное исследование изложено на 267 страницах, состоит из введения, двух частей, заключения, библиографии (218 наименований), а также приложения, включающего архивные документы РГАСПИ.

ЧАСТЬ I.

Публицистика Вайля об СССР 1920–1930-х гг.

Публицистическое наследие Вайля, посвященное жизни в СССР эпохи 1920–1930-х гг., представляет собой обширный корпус текстов, который отчетливо распадается на два блока: с одной стороны, – *культурная политика советского государства и литература*, а с другой, – *преобразования в советской Средней Азии* (Киргизия, Казахстан). Несмотря на тематическую и жанровую разнородность, можно сказать, что для всех текстов характерна одна и та же оптика – взгляд Вайля везде совмещает в себе симпатии к коммунизму, филологическую и общекультурную просвещенность, стремление к объективности наблюдателя-иностранца. Кроме того, для всех текстов характерен особый писательский стиль, основные черты которого – заинтересованное вживание в материал, наблюдательность, ироничность, умение выстраивать почти драматургическую композицию из набора фактов, находить точные слова и формулировки, яркие доказательства и сравнения, умело использовать риторические приемы. Все это делает публицистику Вайля не только информативной, но и художественно ценной.

Систематизировать и аналитически рассмотреть публицистическое наследие Вайля стало возможно благодаря М. Шпириту, издателю и составителю томов I, III собрания сочинений писателя, содержащих очерки, репортажи, рецензии, литературно-критические обзоры с 1920 по 1937 гг.⁵⁷ Кроме самих текстов Вайля, в каждом из томов содержится подробный комментарий, именной и библиографический указатель, а также статьи под заголовком «Замечания издателя» (*Ediční poznámka*), в которых можно найти много редких фактов о жизни и творческом пути писателя, относящихся к межвоенному периоду.

⁵⁷ В каждом из томов кроме самих текстов Вайля, содержится подробный комментарий, именной и библиографический указатель, а также статьи под заголовком «Замечания издателя» (*Ediční poznámka*), в которых можно найти много редких фактов о жизни и творческом пути писателя, относящихся к межвоенному периоду.

Глава 1. Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе 1920–1930-х гг.

В данной главе речь пойдет о той части публицистического наследия Вайля, в которой освещаются социокультурные явления и процессы, связанные с просвещением народных масс и литературной политикой СССР в 1920–1930-е гг.⁵⁸

Следует оговориться, что сегодня именно тексты этого периода, посвященные СССР, вызывают многочисленные вопросы. Читая их, неизбежно приходится задумываться о возможных искажениях реальности, вольно или невольно допущенных автором-коммунистом, в частности, о степени влияния на них советской официальной идеологической риторики, а также цензуры в чешской левой печати, для которой было важно формирование позитивного образа СССР. В то же время Вайля нельзя упрекнуть в намеренной фальсификации или идеализации реальности, его стратегия другая – он выбирает те культурные явления и процессы, которые не вызывают сомнений и однозначно свидетельствуют в пользу советского мира, его прогрессивности, жизнеспособности: достижения в сфере культуры и просвещения, положительные метаморфозы, происходящие с советским народом, выгодные отличия советской литературной ситуации от ситуации западной. При этом, читая публицистические тексты Вайля, можно заметить, что автор старается избегать сухих данных статистики⁵⁹, делится, прежде всего, собственным видением, личными впечатлениями, наблюдениями. Его публицистические тексты явно несут в себе в большей степени личностно-эмоциональную, а не формально-идеологическую оценку. Об этом говорят, к примеру, частые пересказы сцен из реальной жизни, попытки передать

⁵⁸ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее (*Грасько А.В. Записки «постороннего»: Иржи Вайль о массовом просвещении и книжном буме в советском обществе 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 3-4. С. 320–341.*)

⁵⁹ В отличие от, например, гораздо более идеологически заряженного Юлиуса Фучика.

услышанные диалоги, присутствие вольных авторских ассоциаций. Стил публицистики Вайля также свидетельствует о творческом отношении автора к своему материалу: в ней можно обнаружить все стилистические приемы, которые перейдут потом в его художественную прозу советской проблематики (любовь к контрастам и парадоксам, символические аналогии, ироническая интонация, такие риторические фигуры, как повторы, градация, риторические вопросы).

Совершенно отчетливо позицию Вайля можно понять, читая его отклики на литературно-публицистические свидетельства других его современников об СССР. Так, например, в рецензии на книгу путевых заметок об СССР чешского литературоведа и писателя В. Тилле «Москва в ноябре» (*Moskva v listopadu*)⁶⁰, Вайль пишет: «Ее [книги – А. Г.] ценность заключается в другом методе видения. Этот метод не желает сам о себе утверждать, что он объективен. Тилле никому не навязывает свою точку зрения, никого не хочет убеждать в ошибках или достоинствах. И однако его книга является целостной большой оценкой. Мы в ней находим ответ на вопрос, который не могут прояснить ни самые дотошные публикации, ни путевые фельетоны. Это вопрос создания культурных ценностей, культурной жизни»⁶¹. Заканчивая рецензию, Вайль называет труд Тилле «книгой правильного видения». Таким образом, «прямые» оценочные высказывания Вайля являются своеобразным ключом к его собственному мировоззрению: объективность для него означает не столько статистическую точность и накопление сухих фактов, сколько умение понять и запечатлеть атмосферу, в которой происходит процесс формирования новых ценностей⁶².

⁶⁰ Речь идет об издании: *Tille V. Moskva v listopadu*. Praha: Aventinum, 1929.

⁶¹ Здесь и далее все цитаты из репортажей и очерков И. Вайля даются в нашем переводе – А. Г. Weil J. Moskva očima Západu. (Rozpravy Aventina 5.12.1929) // Reportáže a statí 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 409.

⁶² Для лучшего понимания точки зрения Вайля важно отметить и то, что уважительное отношение к советским достижениям сохранилось в его романах, написанных уже в Чехии, после пережитого опыта сталинских репрессий и ссылки в Среднюю Азию. По сути, сам писатель, как и его герой из романа «Москва-граница» Ян Фишер, которого подвергли «чистке» и который, однако, не стал противником советской

Лейтмотивом в публицистических очерках и репортажах Вайля об СССР становится **тема просвещения**⁶³.

Вайль часто подчеркивает достижения советской власти в сфере просвещения, сталкивая контрастные явления, говорит о пути, который прошел народ из «неграмотной Российской империи»⁶⁴. Так в репортаже с характерным названием «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском Союзе» автор с юмором, иронией и в то же время восхищением отмечает: «Люди, которые только несколько лет назад научились читать, глотают сейчас каждый обрывок бумаги. Когда-то был царь Петр, который насилием заставлял дворянских сынков читать книги. А сейчас читают даже в тех краях, куда от Петра бежали раскольники»⁶⁵. Ещё в одной статье («Как и что люди читают в Советском Союзе») Вайль пишет, что «любовь к книге, к чтению – это часть огромного культурного процесса, огромного размаха страны, в которой раньше было рекордное количество неграмотных...»⁶⁶. Добрую иронию у Вайля часто вызывают и наблюдения за тем, как причудливо порой вплетается просвещение в жизнь советских людей. Например, в репортаже «Культурная жизнь советской деревни» он отмечает, как бородатый колхозник цитирует Гёте в речи о посевной компании: «План, бригады, разделение труда, полевые нормы, зарплата трактористам, и вдруг Гёте, цитата из Фауста, – “только тогда жизнь имеет ценность, когда человек

идеологии, точно так же никогда не пытался переоценить негативно ту громадную культурную работу, которая осуществлялась в СССР.

⁶³ Политика по «ликвидации безграмотности», последовательно проводимая советской властью в первые годы после революции, привела к небывалому росту читательской аудитории и настоящему книжному буму. См. об этом: *Добренко, Е.А.* Формовка советского читателя: Соц. и эстет. предпосылки рецепции совет. лит. СПб.: Гуманитар. агентство "Акад. проект", 1997.

⁶⁴ *Weil J.* Jak a co čtou lidé v Sovětském svazu. (Magazín DP, leden 1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 43.

⁶⁵ *Weil J.* Moskevští barbaři o knihách a čtenářích v Sovětském svazu. (Rudý večerník, 4.8.1928) // Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 84.

⁶⁶ *Weil J.* Jak a co... S. 36.

каждый день за неё идет в бой”⁶⁷. Гёте, веймарский министр, и бородатый колхозник, потомок крепостных...»⁶⁸.

Отмечает Вайль и то, как активно политика просвещения достигает отдаленных советских территорий в Средней Азии (Таджикская, Туркменская, Киргизская, Казахская республики), как меняется в связи с этим жизнь местного населения, которое постепенно преодолевает почти средневековую отсталость и включается в контекст советской жизни. Эта тема присутствует уже в ранней публицистике Вайля – например, в статье, освещающей выставку советских книг в Праге в 1925 г.⁶⁹, он отдельно отмечает секцию «Книги на языках азиатских народов» и подчеркивает, что «выставка является образцом того, что русская революция сделала для азиатских народов в культурной сфере»⁷⁰, ведь именно благодаря советским филологам были созданы литературные языки многих народов, входивших ранее в состав России, а теперь – СССР. Затем тема просвещения в Азии развивается в очерках 1930-х гг., написанных во время опыта полугодовой ссылки, когда сам Вайль побывал в Киргизии и Казахстане. В репортаже «Печать в Средней Азии» писатель отмечает, что об Октябрьской революции в Средней Азии все еще узнавали по старинке, на местных базарах, читающих людей было очень мало, к тому же немногочисленные газеты, даже там, где они были, издавались по-русски, а изданий на родных языках и вовсе не существовало: «Культурная революция и рост печати, собственно, появились в Средней Азии только по окончании

⁶⁷ Очевидно, Вайль передает неточно процитированный русский перевод Н. А. Холодковского (1858–1921): «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!». В оригинале этот же фрагмент выглядит так: «Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben, Der täglich sie erobern muss».

⁶⁸ Weil J. Kulturní život sovětské vesnice, Svět práce, březen 1936 // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 153.

⁶⁹ Выставка проходила в Клементинуме с 5 по 30 мая 1925 г. и была организована отделением печати полпредства СССР в Праге при содействии Общества по экономическому и культурному сближению с Новой Россией.

⁷⁰ Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR. (Rudé právo 19. 5. 1925) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 148.

гражданской войны...»⁷¹. Вайль констатирует: «повышение грамотности имело огромное значение для развития печати. Сейчас в Средней Азии уже нет места, куда бы не распространилась печать. Даже те места, которые по 8 месяцев бывают отрезаны от мира – это места на Памире и Тянь-Шане, куда можно добраться только в течение двух летних месяцев, – регулярно получают самолетами журналы и книги»⁷². В Киргизии в городе Фрунзе⁷³ на ярмарке колхозников Вайль стал очевидцем того, как люди сражались за книги Пушкина: «... за Пушкина был прямо бой. “Что дают?” (В Советской Союзе говорят не что продают, а “что дают”). “Пушкина дают”, – говорит одна тётка другой и уже вместе толкаются в очереди. На это бы стоило посмотреть Александру Пушкину, придворному поэту его величества царя!»⁷⁴. В одном из очерков Вайль передает впечатления Виктора Шкловского от посещения озера Иссык-Куль: «Я был у озера Иссык-Куль, где люди еще ходят как робинзоны в выделанных овечьих шкурах. Раз в неделю туда невероятно трудными путями приходит почта и появляются в продаже книжные новинки. Тогда сбегается все население, рассеянное по берегам озера, и набрасывается на книги. За полчаса книжная палатка распродана»⁷⁵.

Описывает Вайль и настоящий **книжный бум**, сопровождающий ликвидацию безграмотности, отмечает, что процесс чтения захватывает все советское общество. Советские люди, по его наблюдениям, тянутся к знаниям и читают везде, в любых обстоятельствах: «Трудно встретить не читающего человека, здесь читают во всевозможных случаях и ситуациях»⁷⁶. Люди читают в поезде: «Я видел колхозниц в платках, которые всю дорогу в поезде по очереди читали и поочередно говорили о политической литературе»⁷⁷, и

⁷¹ Weil J. Tisk ve Střední Asii. (Haló noviny 25.12.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 127.

⁷² Ibidem.

⁷³ До 1926 г. город носил название Пишпек, затем – переименован в Фрунзе, с 1991 г. – Бишкек.

⁷⁴ Weil J. Kulturní život... S. 153.

⁷⁵ Weil J. Moskevští barbaři... S. 82.

⁷⁶ Weil J. Knihy. (Rudé právo 27.8.1933) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha, 2022. S. 22.

⁷⁷ Ibidem.

даже во время давки в трамвае: «В трамваях вы не увидите человека, у которого бы в руках не было газеты или книжки»⁷⁸. В нескольких репортажах мы встречаем такой повторяющийся эпизод: «Я видел девушку, которая висела в набитом трамвае: одной рукой она держалась за поручень, а в другой держала открытую книгу, на протяжении всей дороги переворачивая страницы языком»⁷⁹. Организованные места для чтения, общественные библиотеки, как отмечает писатель, также переполнены: «Необходимо это осознать: в общественную библиотеку в Ленинграде помещается 400 человек. Но этого не хватает, читальный зал настолько забит, что люди сидят на полу и читают. [...] В Москве в общественной библиотеке то же самое»⁸⁰. Отмечает Вайль и еще одну удивительную вещь – страсть советских людей к чтению «заражает» иностранных специалистов, приглашенных по контракту в СССР. Так, например, по словам библиотечарши, с которой Вайль вступает в диалог, активными читателями становятся его соотечественники: «чешские рабочие заразились русской болезнью, читательской горячкой»,⁸¹ – утверждает она. Этой любви к чтению способствуют и усилия советского государства, которое открыло Библиотеку иностранной литературы и, как отмечает Вайль, «не жалеет валюты на закупку иностранных книг, чтобы обеспечить иностранным рабочим чтение»⁸². Иностранные книги можно найти, кроме того, в магазине иностранной литературы на Тверской или в библиотеке Клуба иностранных рабочих, причем Вайль указывает, что в последней есть и небольшой отдел чешских книг.

Почти с восторгом Вайль говорит и о нехватке книг, которая происходит не от малого их количества, а вследствие огромного спроса: «Тысячи и миллионы печатных страниц ежедневно извергают типографии. Книг печатают все больше и больше, растут тиражи, но спрос по-прежнему больше,

⁷⁸ *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

⁷⁹ *Weil J. Knihy...* S. 22. Тот же эпизод находим здесь, см.: *Weil J. Jak a co...* S. 33–34.

⁸⁰ *Weil J. Moskevští barbaři...* S. 83.

⁸¹ *Ibid.* S. 41.

⁸² *Weil J. Knihy* S. 22.

он опережает предложение»⁸³; «Миллионные тиражи являются обычной вещью»⁸⁴. В репортаже «Книги» Вайль с юмором пишет, что «поиск книг в Москве – детективное ремесло»⁸⁵, причем подчеркивает, что это касается «не букинистических изданий или каких-то особенных старых. Речь идет об обычных книгах, которые вышли год назад, месяц назад или неделю назад. Это книги, изданные огромными тиражами – 100 тысяч, 50 тысяч, 10 тысяч и т. д. Это не только беллетристические книги, но и специальные, или поэтические сборники, авторы которых даже не очень известны»⁸⁶.

Вайль рассказывает и о проблемах библиотек, которые не успевают за читателями. Пересказывает, к примеру, диалог с библиотекарейшей завода «Каучук», которая жалуется, что книг катастрофически не хватает: «Если бы только мы могли получить больше экземпляров самых популярных книг. С Шолоховым, например, это прямо наказание; у нас двадцать экземпляров “Поднятой целины”, но этого все равно не хватает, читателю, который у нас просит эту книгу, мы ее можем пообещать только через два месяца, и читатель должен встать в очередь, в которой бог знает сколько людей. При этом книжный фонд нам не продает больше экземпляров, книжные магазины не имеют право продавать книги библиотекам, потому что иначе покупатели не смогли бы купить книгу, все разбирали бы библиотеки. А читатели потом сердятся...»⁸⁷. Иногда ситуация дефицита обретает вполне комические черты: читателям за неимением нужной книги предлагают другую, например, Фейхтвангера «Успех», но вскоре она тоже становится дефицитной. Затем возникает новая проблема – читатели готовы осваивать другие книги Фейхтвангера, которых, впрочем, в библиотеке пока нет⁸⁸.

⁸³ Weil J. Jak a co... S. 42–43.

⁸⁴ Weil J. Nová ruská literární sezona. (Literární noviny 20.11.1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 607.

⁸⁵ Weil J. Knihy... S. 21.

⁸⁶ Weil J. Knihy... S. 21–22.

⁸⁷ Weil J. Knihy v sovětských továrnách. (Magazín DP, říjen 1936) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 162.

⁸⁸ Ibidem.

Страсть советских читателей к книгам и уважение к ним Вайль подчеркивает и тем фактом, что в советском государстве широко распространена практика поощрения книгами: рабочим и ударникам на заводах в качестве особых премий дают бумагу, подтверждающую, что они могут покупать новые книги, а ударникам выделяют целые собрания сочинений.

В различных публикациях Вайля рассыпаны замечания **о вкусах советских читателей**. В репортаже «Книги» Вайль пишет: «Интересно, что читают: прежде всего, политическую литературу, политэкономия, актуальные брошюры, речи Сталина, Молотова и т. д. Потом техническую литературу, беллетристику, общеобразовательную литературу»⁸⁹. То, что советский человек в большом количестве читает сложную философскую и политическую литературу, производит на Вайля сильное впечатление, он стремится донести этот факт до чешских соотечественников, подтверждая его яркими примерами из личного опыта: «Действительно массовое распространение получила философская литература; чтение Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса и Сталина стало массовым феноменом среди рабочих по всему Советскому Союзу. Автор данной статьи дискутировал [...] о гегелевском понятии случайности и необходимости с десятником лесопромышленного предприятия при починке мотоцикла на берегу Волги в Куйбышеве; о формальной и диалектической логике в понимании Ленина с Сашей Леонтьевым на московском заводе текстильного оборудования...»⁹⁰. Рассказывает Вайль для убедительности и о том, как лично просматривал отчеты библиотек о выдаче книг. Так, например, в одной из статей он отмечает, что согласно списку выдачи в библиотеке завода «Каучук», самой популярной книгой является сложный труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг».

⁸⁹ Weil J. Knihy... S. 22.

⁹⁰ Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři. (Čin 9.4.1936) // Reportáže a statí 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 578.

Также Вайль пытается проследить и общие тенденции, касающиеся предпочтений советских людей в художественной литературе. Он отмечает, что советский читатель любит и ценит русских классиков (например, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина), книги которых чаще всего берутся в библиотеках, а также издаются, раскупаются огромными тиражами. Из советской литературы читательской популярностью, по наблюдениям Вайля, пользуются М. Горький, Ф. Панфёров, А. Толстой, В. Маяковский, Б. Пастернак, Ю. Олеша, но самым читаемым является М. Шолохов. Из зарубежной литературы советские граждане также читают классиков: Гёте, Шекспира, Сервантеса, Стендаля, Гюго, Бальзака, Мопассана, Ш. Бронте, Д. Лондона, а также современных авторов – А. Жида, Р. Роллана, Д. Дос Пассоса, П. Бак, Л. Фейхтвангера, О. Хаксли, Э. Хемингуэя, Л.-Ф. Селина. Отдельная небольшая статья посвящена Верхарну, которого, по мнению Вайля, нигде столько не читают и так не понимают, как в СССР⁹¹.

Интересно, что писатель не забывает отмечать и «чешские» предпочтения советских читателей. Отдельная заметка «О Швейке в России» посвящена судьбе знаменитой эпопеи Ярослава Гашека в СССР. Как пишет Вайль, «в Москве, Ленинграде, в Киеве лихорадочно читают Швейка»⁹². При этом он отмечает, что в Ленинграде профессора научного института очень удивлялись, что в Чехии Швейк не считается полноценной художественной литературой. «Швейк вышел в России в 30 тысячах экземпляров (первая часть), сейчас готовится в издательстве “Московский рабочий” народное издание в журнале “Роман-газета” в 140 000 экземплярах»⁹³. Также Вайль, со слов А. Тарасова-Родионова, говорит о популярности переведенных романов И. Ольбрахта «Анна-пролетарка» и М. Майеровой «Лучший из миров» и,

⁹¹ Weil J. Verhaeren v Rusku. (Tribuna 13.3.1921) // Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 138–140.

⁹² Weil J. O Švejkovi v Rusku. (Rudý večerník 1.9.1928) // Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 87.

⁹³ Weil J. O Švejkovi...S. 87.

напротив, о непопулярности Карела Чапека⁹⁴. С долей юмора Вайль подчеркивает и то, что советские читатели любопытны, интересуются всем и читают даже журнал для автомобилистов «За рулем», хотя машина – редкость для советского человека⁹⁵.

Часто Вайль старается выступить в защиту литературного выбора советских людей. Он подчеркивает, что среднестатистический советский читатель или образован, или тянется к образованию, воспитывает и развивает свой вкус на классике, которая в избытке издается советским государством: «...знание классиков русской и зарубежной литературы – это обычная вещь, точно так же, как и знание новой литературы. Например, в Оренбурге я обсуждал Шекспира с моряком балтийского флота, в Каракуле на границе с Китаем с пограничником – Хемингуэя [...]. Собственно, Андре Мальро и ряд других имеют похожий опыт»⁹⁶. Благодаря привычке читать классику советский читатель, по мнению Вайля, умеет отличать настоящую художественно ценную литературу от плохо написанной книги на актуальную тему, «умеет оценить новую тему, ведь сам живет в той же реальности и теми же интересами, что и писатель, но хочет, чтобы советский писатель умел писать»⁹⁷. Подтверждает это, по мнению Вайля, быстрый спад интереса к культовому роману Гладкова «Цемент»⁹⁸. О хорошем вкусе советской аудитории свидетельствует, по его мнению, и то, что в СССР любят Пастернака: «Здесь [среди популярных авторов – А. Г.] и Пастернак, мастер стиха, поэт, о котором можно было бы сказать, что он пишет только для узкого круга читателей, поэт сложной формы, сложных образов, творец особенного поэтического языка. Книги стихов Пастернака были разобраны в Москве за три дня. Идите-ка и попробуйте найти»⁹⁹. Кроме того, советский читатель,

⁹⁴ Weil J. Rozmlouva s Tarasovem-Rodionovem. (Rozpravy Aventina 25.2.1932) // Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 119.

⁹⁵ Weil J. Moskevští barbaři... S. 83.

⁹⁶ Weil J. John Dos Passos... S. 578.

⁹⁷ Weil J. Nová ruská... S. 609.

⁹⁸ Weil J. John Dos Passos... S. 582.

⁹⁹ Weil J. Jak a co... S. 38.

уверен Вайль, достаточно независим, его вкус не всегда удастся направлять идеологическими оценками и высказываниями. Так, например, противоречивое отношение к Хемингуэю советской официальной критики не мешает читателям любить его книги, ценить их стиль¹⁰⁰. Продолжая эту мысль, Вайль отмечает и то, что рабочие самого большого автомобильного завода им. Сталина в Москве не приняли поэзию официозных поэтов А. Безыменского, М. Голодного, Д. Алтаузена: «Рабочие прямо заявили, что перед ними клише, что в стихах нет ни чувств, ни глубоких мыслей»¹⁰¹. Вместе с тем, рабочие отдали предпочтение поэтам Н. Асееву, С. Кирсанову, которые вместе с Б. Пастернаком подвергались нападкам со стороны пролетарских поэтов во время литературных дискуссий¹⁰².

Стремится опровергнуть в своих публикациях Вайль и стереотип о закрытости советского человека по отношению к Западу, иностранной культуре, иностранным языкам, иногда, по-видимому, слишком идилически: «Вы видите рабочего, который держит какую-то старую книгу. Вам интересно, обычно рабочие читают современную советскую литературу. Вы присматриваетесь, он читает в трамвае роман Шарлотты Бронте “Джейн Эйр”, написанный в XIX веке как горькое обвинение мещанскому классу. А сейчас эта книга в руках рабочего, который читает ее с большим интересом. Я забыл сказать, на каком языке. Ну что же, он читает на языке оригинала – по-английски. И это отнюдь не исключение – если вам доведется поехать утром, когда рабочие спешат на работу, в Пролетарский район, туда, где сосредоточено больше всего заводов и куда мало ездят руководители, вы увидите в руках рабочих, прежде всего, молодых, кроме русских книг – книги на английском, немецком, французском»¹⁰³.

Конечно, можно сказать, что Вайль, несмотря на свое стремление к объективности, в какой-то мере идеализирует культурную политику

¹⁰⁰ *Weil J. Nová ruská...* S. 608–609.

¹⁰¹ *Ibid.* S. 609–610.

¹⁰² *Weil J. Nová ruská...* S. 609–610.

¹⁰³ *Weil J. Jak a co...* S. 34.

государства и советских людей, пытается создать слишком сглаженную картину советской культурной жизни и слишком унифицированный образ советского читателя. Например, ссылаясь на статистику библиотек и содержание читательских анкет, он оптимистично заявляет, что читатели разных социальных слоев в СССР предпочитают одну и ту же литературу – колхозники читают то же, что и жители городов – рабочие, инженеры, научные работники¹⁰⁴. Ничего не говорит Вайль и о том, что за вкусом советских читателей, особенно к концу 1920-х гг., конечно, зорко следит советское государство, не позволяя ему идти вразрез с официальной идеологией и достаточно жестко его ограничивая. Возможно, чешский писатель несколько переоценивает советских читателей, рассказывая, как на встречах с лауреатом Гонкуровской премии Андре Мальро советские рабочие спрашивали его о творчестве А. Жида, Р. Роллана, Ж. Дюамеля, П. Валери, о кризисе формы в европейском романе¹⁰⁵. Однако и сегодня мы не можем утверждать, были эти читатели специально подготовлены или, действительно, проявляли свой широкий кругозор.

Кроме интереса к советскому читателю, Вайль проявляет интерес и к **общественным механизмам**, благодаря которым в СССР происходит массовое приобщение к книгам. Он подчеркивает, что книги окружают советского человека всюду и они всем доступны: «Летним вечером вы выходите на бульвар. Посреди бульвара стоит столик, у столика сидит девушка, перед ней навалена гора книг по самым разным специальностям, вы можете посмотреть, выбрать книгу, взять ее почитать, присесть на лавочку. Или вы сидите в очереди к зубному. Вместо всевозможных иллюстрированных журналов, которые вы найдете в Западной Европе, здесь аккуратно на полках располагается небольшая библиотека со всевозможной литературой – научной, беллетристической. Есть только одна особенность, большею частью это литература по гигиене. Это книги и брошюры о

¹⁰⁴ Ibid. S. 37.

¹⁰⁵ Ibid. S. 39.

правильном уходе за зубами, но, если вы захотите, можете прочесть и роман. Точно также вы найдете книги повсюду, где собираются люди – в парикмахерских, на Обводном канале, на вокзалах, в поездах. Уже по дороге в Москву на пограничной станции Негорелое вы можете спросить проводника, и он вам охотно скажет, какие есть книги в вагонной библиотеке и, если захотите, даст любую из них почитать. И все это абсолютно бесплатно.»¹⁰⁶;

Отдельно писатель отмечает, что в СССР функционирует широкая сеть библиотек, которые поддерживают интерес к книгам и чтению. Прежде всего, это Ленинская библиотека, которая сравнивается Вайлем по количеству книг с Вашингтонской, Библиотека иностранной литературы, а также множество небольших библиотек при организациях, например, на заводах: «В Советском Союзе вы не найдете ни одного завода, ни одного учреждения, где бы не было своей библиотеки. Некоторые библиотеки, как, например, на заводе АМО¹⁰⁷, огромные, самую же маленькую библиотеку я видел в обувном союзе в Алма-Ате в Казахстане. В этом союзе вместе с председателем всего 20 членов, но у них есть свой читальный зал и библиотека»¹⁰⁸.

Внутри самих библиотек – отмечает Вайль – работают особые механизмы привлечения внимания к книгам. Так, например, заводская советская библиотека организует «так называемую передвижку, передвижную библиотеку. Это беллетристическая и научно-популярная библиотека. Из основного фонда выбирается часть книг, о которых известно, что они больше всего нравятся читателям, и эти книги на какое-то время выставляются в отдельных цехах завода. Библиотекарь их выдает сразу на месте, спрашивая отдельных рабочих, читали ли они ту или иную книгу, пересказывает им кратко содержание. Таким образом привлекаются новые кадры читателей. Люди, которым бы даже в голову не пришло зайти взять книгу в библиотеке, легко заинтересовываются чтением, когда видят книгу перед собой и могут ее

¹⁰⁶ Ibid. S. 35.

¹⁰⁷ Имеется в виду Московский автомобильный завод имени И. А. Лихачева (АМО ЗИЛ).

¹⁰⁸ Weil J. *Knihy v sovětských...* S. 161.

свободно пролистать. А как только они научатся читать книги, им уже не будет хватать выбора передвижки, и они сами пойдут за книгой в библиотеку»¹⁰⁹. Библиотека иностранной литературы, много работающая с иностранцами, целенаправленно «собирает адреса иностранных рабочих, чтобы обратить их внимание на свое существование»¹¹⁰, помогает организовывать читательские кружки, а также «организовывает везде, где работают иностранные специалисты, небольшие библиотеки на их родном языке»¹¹¹: «Достаточно только, чтобы рабочие какого-то завода, положим, на Краматорском заводе, написали, что хотели бы библиотеку, скажем, на чешском, языке, чтобы их подписи заверил заводской комитет, и библиотека отправит бесплатно в постоянное пользование мобильную библиотечку»¹¹².

Освещает Вайль и еще один механизм литературного просвещения: рассказывает о культурно-просветительских встречах и лекциях, куда приглашаются писатели и специалисты, для общения с широкой аудиторией. Он отмечает, что «подобных вечеров, посвященных творчеству отдельных писателей, на московских заводах проходит очень много»¹¹³, и подробнее рассказывает о литературном вечере на металлургическом заводе «Серп и молот», который был посвящен роману М. Шолохова «Поднятая целина». Вайль отдельно останавливается на организации вечера, отмечает его продуманность: заводской журнал заранее подготовил к печати спецвыпуск, содержащий лучшие отзывы читателей, сам вечер вступительным словом открыл профессиональный литературный критик, после чего многочисленная аудитория имела возможность прослушать отдельные части романа в профессиональном артистическом исполнении, а затем – поучаствовать в дискуссии о романе: «О Шолохове говорили прокатчики, слесари, токари, работники печей, уборщицы и практиканты. Среди дискутирующих было

¹⁰⁹ Ibidem.

¹¹⁰ Weil J. *Knihy...* S. 23.

¹¹¹ Ibid. S. 22.

¹¹² Weil J. *Jak a co...* S. 41.

¹¹³ Ibid. *Knihy v sovětských...* S. 164.

также много женщин, которые, однако, очень энергично жаловались, что Шолохов не показал в своем романе новую женщину в советской деревне»¹¹⁴. Вайль констатирует, что вечер имел большой успех, зал был переполнен, а число читателей Шолохова выросло от тысячи до четырех тысяч человек¹¹⁵. Также Вайль упоминает о вечере, посвященном Пушкину, прошедшем на Шарикоподшипниковом заводе, и отмечает, что подобные литературные встречи и лекции, посвященные русским и зарубежным классикам, устраиваются не только в Москве, но и по всему Советскому Союзу.

При этом Вайль обращает внимание и на аудиторию, подчеркивает, что она очень заинтересованная, активная: «Советский читатель является очень активным, и он может критически судить об авторе. Он также требует от специалиста, чтобы тот ему всесторонне объяснил творчество писателя, требует и разбор формы произведения. Так, к удивлению профессора Ефремина, рабочие шарикоподшипникового завода хотели, чтобы он им объяснил пушкинский стих и его структуру. Профессор Ефремин признался, что не ожидал такого вопроса, когда готовился выступить перед рабочей общественностью»¹¹⁶. На Харьковском тракторном заводе после успешной встречи, посвященной творчеству Салтыкова-Щедрина, сами рабочие решают устроить также лекции о Шекспире, Шиллере, Чернышевском, Пушкине¹¹⁷.

Интересно, что внимание Вайля к культурным просветительским процессам в СССР, к всеобщей книжной «пандемии» часто сочетается с его **оценкой аналогичных процессов на Западе**. Например, в статье «Московские варвары. О книгах и читателях в Советском Союзе» говорится: «Допустим, можно сказать, что везде читают: в Дании, в Швеции, в Чехословакии, во Франции и т.д. Но здесь все-таки особенное отношение к книге – страстное»¹¹⁸. Разворачивая свою мысль, Вайль отмечает, что в СССР

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Ibid. S. 164.

¹¹⁷ Weil J. Jak a co... S. 39.

¹¹⁸ Weil J. Knihy... S. 22.

нет «сентиментальных романов о машинистках, в которых влюбляются шефы, романов о диких Билли из Аризоны и благородном Скотланд Ярде»¹¹⁹, «ибо книга имеет совершенно другое значение, чем на Западе, чтение книг не является бегством от действительности, это оружие, это повышение квалификации»¹²⁰. Чтение, грамотность, уверен Вайль, открывает возможности социального «лифта» для советских людей, поэтому они сами тянутся к знаниям, это естественный процесс: «Молодой парень, почти неграмотный, который приезжает из деревни, становится рабочим. [...] Никто его не заставляет, не говорит, что он обязан читать. Он сам пускается в чтение и находит помогающую руку, которая посоветует. А если он что-то умеет и талантлив, если читает, ему везде открыта дорога, может стать инженером, ученым»¹²¹.

Наблюдая за успехами советской культуры на фоне западного кризиса, Вайль рассуждает и об органическом вливании западной культуры в советскую. Вот, что он пишет, например, в заметке «Советская литература и Запад»: «Присмотритесь к очень интересным явлениям: юбилей Гегеля был наиболее широко отмечен в Советском Союзе и там же больше всего читают его работы. О Стендале в европейской печати выходили статьи в газетах, а в Советском Союзе – книги. Юбилей Спинозы был отмечен в Европе очень мало, а в Советском Союзе стал крупным культурным событием, по случаю которого вышло несколько книг, тысячи статей в прессе, проводились лекции. В то время, когда мещанская культура в Европе отказывается от ценнейшей части культурного наследия великой культуры XVIII и XIX вв., его приветствует Советский Союз с распростертыми объятиями, заботливо его изучает, развивает и старается на него опираться. Советский Союз становится не только центром самой развитой европейской техники, но также и центром европейской мысли. И это в корне меняет смысл советской культуры и ее

¹¹⁹ Ibid. S. 23.

¹²⁰ Ibidem.

¹²¹ Ibidem.

мировое значение. Советская литература отдает себе отчет в этом новом статусе. Отсюда и это “оевропеивание”, новые темы в советской литературе, опора на европейскую культурную традицию»¹²².

В целом, внимательно читая и анализируя посвященную советской культуре 1920–1930-х гг. публицистику И. Вайля, можно сказать, что чешский писатель, конечно, пытался показать то лучшее, что смог увидеть в СССР. Как человек, умеющий и привыкший по-настоящему ценить культуру, как гуманитарий по образованию и складу натуры Вайль, очевидно, именно в этом грандиозном «окультуривании» масс нашел главный аргумент в пользу нового социалистического общества: «Даже самый большой противник Советского Союза обязан признать, что нигде в мире нельзя встретиться с таким большим интересом к книге, литературе, как в бывшей малограмотной Российской империи, где скоро совсем не будет неграмотных и где люди стоят в очереди за романами Бальзака»¹²³; «Это великий, грандиозный поход, победный поход культуры к лучшей жизни»¹²⁴; «Книги, тысячи книг, миллионы, тонны. Одно из средств строительства социализма в отдельно взятой стране»¹²⁵. Конечно, сегодня можно по-разному относиться к методу отбора материала и сомневаться в степени прозорливости чешского автора, но не учитывать его наблюдений и выводов, касающихся культурного строительства в СССР, невозможно. Они разнообразны, убедительны, многочисленны, интересны для современного читателя как в Чехии, так и в России.

¹²² Weil J. Sovětská literatura a Západ. (Tvorba 1.6.1933) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 686–687.

¹²³ Weil J. Jak a co... S. 43.

¹²⁴ Weil J. Kulturní život... S. 153.

¹²⁵ Weil J. Knihy... S. 24.

Глава 2. Вайль о советской литературе 1920–1930-х гг.

Советскому литературному процессу 1920–1930-х гг., посвящено огромное количество авторитетных научных исследований¹²⁶. Однако оценка этого периода, выявление его специфики, документальной фактуры, поиск взаимосвязей между историческими, социальными, культурно-эстетическими составляющими до сих пор представляется актуальной проблемой для российского литературоведения. В этом контексте весьма интересным и плодотворным видится исследование публицистического наследия Вайля. В своих статьях и репортажах он анализирует советскую литературную политику, выделяет её ключевые события, имена, новинки, проблемные стороны литературной жизни, освещает основные литературные дискуссии. Характерным для него является умение видеть процессы в единстве их развития, находить логические связи между разрозненными фактами и явлениями. Кроме того, на протяжении целого ряда лет Вайль пытался составить целостный нарратив, в котором советская литература рассматривается как особый вектор общеевропейского литературного поля. Корпус публицистических текстов Вайля сегодня ценен для российских

¹²⁶ См. об этом: *Белая Г.А.* Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977; *Дон Кихоты 20-х годов: "Перевал" и судьба его идей.* М.: Сов. писатель, 1989; *Воронский А.К.* Искусство видеть мир: Сборник статей. М.: Артель писателей Круг, 1928 (10-я тип. Мосполиграфа "Заря коммунизма"); *Голубков М.М.* Русский литературный процесс 1920-1930-х годов как феномен национального сознания. Дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01.: МГУ им. М. В. Ломоносова. М. 1995; *Утраченные альтернативы: формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы.* М.: Наследие, 1992; *Голубков М.М.* Русская литература XX в. После раскола. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Филология", специальностям "Филология" и "Литературоведение". М.: Аспект-пресс, 2001; *Добренко Е.А.* Формовка советского читателя: Соц. и эстет. предпосылки рецепции совет. лит. СПб: Гуманитар. агентство "Акад. проект", 1997; *Круглова Т.А.* Советская художественность, или нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т., 2005; *Полонский В.П.* Очерки литературного движения революционной эпохи. (1917-1927). Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. М.: Тип. "Красный пролетарий"; *Соцреалистический канон / Под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко.* М.: Акад. проект, 2000; *Шешуков С.И.* Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: МПГУ: Прометей, 2013; *Кузьменко Ю.Б.* Советская литература вчера, сегодня, завтра. 2-е изд. Москва: Советский писатель, 1984.

исследователей прежде всего тем, что содержит особый взгляд на советскую литературу – взгляд современника-европейца, который наблюдал и мог почти непрерывно отслеживать динамику развития советской литературы в течение двух десятилетий. В данной работе сделана попытка из разрозненных, разновременных и разножанровых литературно-критических работ Вайля сложить и отчасти реконструировать целостную картину советской литературной жизни 1920–30-х гг., такой, какой ее увидел чешский автор, а также показать и по возможности объяснить специфику его восприятия.

2.1. Роль Вайля в распространении знаний о советской литературе в межвоенной Чехословакии

Интерес к русской литературе, как уже было сказано выше, зародился у Вайля во время его учебы в Карловом университете на кафедре славистики, где он изучал русский язык и русскую классическую литературу. Однако уже в годы университетской учебы русская литература была для Вайля тесно связана с бурными революционными событиями в России, интерес ко всему русскому подпитывался сочувствием к коммунистической идеологии, и не удивительно, что в центре его внимания быстро оказалась современная советская литература. При этом нельзя сказать, что русская литература массово увлекала в то время чешских интеллектуалов. В гораздо более поздней статье 1958 г. «Первые переводы советской литературы» Вайль будет констатировать, что чехи не были знакомы даже с предреволюционной литературой, русским символизмом и довоенным авангардом, поскольку предпочитали ориентироваться на европейскую традицию. Из русской литературы, согласно Вайлю, переводилась только классика и издавалась в «Русской библиотеке» Отто и «Библиотеке русских авторов» Минаржика¹²⁷, русских же прозаиков начала XX в., писавших до революции, таких, как Максим Горький, Леонид Андреев, Иван Шмелев, в Чехии узнали только тогда, когда они оказались в

¹²⁷ *Weil J. První překlady ze sovětské literatury // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 699–707.*

эмиграции. После революции 1917 г. изучение советской литературы стало не только вопросом эстетическим и научным, но также идеологическим и политическим.

Напомним, что отношения между Чехословакией и только образованным СССР были напряженные, дипломатические контакты установились только в 1934 г., буржуазно-демократическое правительство Масарика настороженно относилось ко всему советскому, в том числе – к советской литературе¹²⁸. Эта непростая социокультурная ситуация, в которой Вайль начинал знакомить чешского читателя с советской литературой, хорошо отражена в двух его статьях – «Новая русская литература в Чехословакии. Несколько слов к переводам из новой русской литературы» (1927) и «Первые переводы советской литературы» (1958). Вайль пишет, что «до 1925 г. русская (советская – А.Г.) литература была отмечена молчанием или осмеяна»¹²⁹, потому что была чужда политическим целям буржуазно-демократической Первой Чехословацкой республики: «Послевоенная атмосфера также не располагала к чтению новой русской литературы. В отличие от рождающегося социального протеста, мечтаний о литературе, которая бы выразила революционную волну, пробегающую по всей Европе, в официальной литературе тогда насаждались ложные оптимистические настроения, разные игры и экзотизм¹³⁰, издавался даже журнал “Жить – сладко”, и это после мировой войны, которая поглотила

¹²⁸ См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973; Т. 2. Август 1922 г. – июнь 1934 г. М.: Наука, 1977; Т. 3. Июнь 1934 г. – март 1939 г. М.: Наука, 1978; *Васильченко М.А., Демидова Е. И.* История становления советско-чехословацких дружеских отношений в 1920-е гг. // *Власть*. 2024. Том. 32. № 1. С. 352–357.

¹²⁹ *Weil J.* Nová ruská literatura v Československu: Několik slov k překladům z nové ruské literatury. (Komunistická revue, květen 1927) // *Weil J.* Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 373.

¹³⁰ По-видимому, Вайль имеет в виду увлечение чешских авангардистов поэтизмом, чешским ответвлением авангарда, который культивировал наслаждение жизнью, ее яркостью, экзотикой, использовал темы цирка, скорости, технического прогресса. Главными теоретиками и представителями поэтизма являлись члены авангардного объединения «Девятсил» Витезслав Незвал, Карел Тейге.

миллионы людей, миллионы разорила и подготовила большую социальную борьбу»¹³¹.

Таким образом, в начале 1920-х гг. достоверных сведений о советской литературе в Чехословакии было немного, а ее освоение было связано с большими трудностями и перипетиями, как и посещение СССР (многие европейцы и чехи вопреки своим правительствам, не выдававшим визы, посещали СССР нелегально, претерпевая множество приключений, например, целый роман можно было бы написать о путешествии Ивана Ольбрахта в советскую Россию в 1920 г.). Как пишет Вайль, это было «время великого приключения, потому что познавать и переводить литературу страны, которая была закрыта на семь замков, культура которой была очернена, существование которой отрицалось, означало искать новые дороги и открывать новый мир»¹³². Вайль рассказывает и о том, какими причудливыми непрямыми путями появлялись первые сведения о советских книгах и как проникали сквозь границу сами художественные тексты советских авторов. Одним из источников для Вайля, как ни удивительно, в 1920 г. служил журнал «Творчество» (1920–1921)¹³³, издававшийся во Владивостоке во время существования Дальневосточной республики. Его редактировали, по словам Вайля, друзья Маяковского – Н. Асеев, Д. Бурлюк, С. Третьяков, В. Пальмов и другие, печатались здесь стихи В. Маяковского, В. Хлебникова, В. Каменского, а также небольшие информационные тексты о культурной жизни советской России. Не без приключений попала в Чехию в 1919 г. и поэма Блока «Двенадцать». Как свидетельствует Вайль, ее привез с собой Й. Поспишил из

¹³¹ Weil J. První překlady... S.700.

Отметим, однако, что, несмотря на то что в литературе культивировался радостный эксперимент поэтизма, социальная проблематика не была чужда чешской литературе, она по-разному проявлялась в прозе легионеров, в экспрессионистической прозе Я. Вайсса, у писателя-демократа К. Чапека, в творчестве поэтов и писателей-коммунистов, таких, как С.-К. Нейман, И. Волькер, Я. Сейферт, И. Ольбрахт, М. Пуйманова, М. Майерова и др.

¹³² Weil J. První překlady... S.699.

¹³³ См. о журнале: Салеева Л. Пристанище муз эпохи революции. URL: <https://www.slovoart.ru/node/1238> (дата обращения 08.09.2025).

Парижа, где получил ее от художников М. Ларионова и Н. Гончаровой. Первый перевод поэмы выполнил Я. Сейферт, которому еще не было 20 лет, помогал ему ряд переводчиков, в том числе – Вайль.

Вайль также рассказывает об истории первых переводов Маяковского на чешский, в которой, по его словам, много романтического. Первая книга Маяковского, по свидетельству Вайля, прибыла в Прагу нелегально в дипломатическом портфеле дипкурьера Наркомата иностранных дел Теодора Нетте, убитого при исполнении обязанностей в 1926 г. (ему, после его трагической гибели, Маяковский посвятил стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»). Стихи Маяковского, по словам Вайля, звучали непривычно и были не понятны для него и других студентов, только начавших изучать русский язык, однако «сила, которая от них исходила, была такой мощной, что удавалось угадать их смысл»¹³⁴. Не без гордости Вайль упоминает и о том, что ему принадлежит первая попытка перевода «Левого марша» Маяковского (был опубликован в журнале «Кмен» 25.11.1920), хотя и признается, что позднейший перевод Иржи Тауфера гораздо удачнее, поскольку он сам еще в то время не был зрелым переводчиком и даже выбросил из текста одну строчку, с которой не смог совладать. Также Вайль пишет, что перевел и опубликовал пролог первой версии «Мистерии-буфф», а попутно сообщает, что Маяковский специально для пражского театра прислал особую версию, скомбинированную из двух предыдущих. Вайль говорит, что эта печатная рукопись хранилась у него до 1939 г., до нацистской оккупации, а затем была им отдана словенскому драматургу, литературоведу и театральному режиссёру Братко Крефту (Bratko Kreft), чтобы он передал ее в Люблянский музей. Затем данные о рукописи теряются. Постановка должна была состояться в театре «Революционная сцена» (Revoluční scéna), однако театр, открывшийся в 1920 г., был закрыт уже в 1922 г. «из соображений безопасности». Тем не менее, под воздействием новостей об уличных

¹³⁴ Ibid. S. 704.

постановках «Мистерии-буфф» в России, чешские рабочие организации осуществили подобную постановку в Промышленном дворце в Праге.

Вайль также указывает на то, что некоторые сведения о современной русской литературе узнавались из немногочисленных привезенных эмигрантами журналов или из публикаций самих эмигрантов, хотя эта информация была искаженной и неполной. Однако в этих журналах печатали произведения А. Блока, С. Есенина, И. Клюева, А. Белого, и Вайлю удавалось с ними знакомиться. Вайль также указывает, что довольно быстро в Чехословакии появились сборники поэтов Пролеткульта, «потому что “пролеткультовцы” имели налаженную связь с рабочим движением уже с 1919 г.»¹³⁵. Так, по словам Вайля, в журналах появились первые переводы стихов В. Кириллова, М. Герасимова, С. Обрадовича, В. Гастева и др. Вместе с переводами стихов были опубликованы и статьи теоретиков Пролеткульта – П. Бессалько, Ф. Калинина и А. Богданова¹³⁶. В то же время Вайль отмечает, что эти «переводы и статьи затерялись из-за их небольшой художественной ценности» и что лишь переводы стихов Василия Казина, по-видимому, повлияли на чешского поэта Ярослава Сейферта, будучи близки ему своим лиризмом¹³⁷. В 1921 г. Вайль публикует первый книжный перевод в издательстве Фр. Борового (Fr. Borový), это «Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом» М. Горького¹³⁸.

Некоторый сдвиг в установлении культурных связей с СССР произошел в 1922 г. после заключения Временного договора об установлении торгово-экономических отношений между Чехословакией и РСФСР¹³⁹ и учреждения в полномочного представительства (Полпредства) РСФСР в Праге. Вайль также указывает, что с 1925 г. из Советского Союза начала регулярно приходить

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Weil J. První překlady... S. 703.

¹³⁷ Ibidem.

¹³⁸ Перевод был выполнен Вайлем совместно с Савой Рацеком (Sáva Racek).

¹³⁹ См.: *Сератионова Е.П.* Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // *Славянский альманах*. 2022. № 1–2. С. 68–85.

литература, поскольку был открыт книжный отдел советского торгового представительства, была также организована первая выставка советских книг в 1924 г. (в статье «Выставка русской эмигрантской книги»¹⁴⁰ Вайль сравнивает ее с выставкой эмигрантских книг) и еще одна – в 1925 г. (ей посвящена отдельная статья – «Заметки к выставке книг СССР»¹⁴¹). Изменения, происходящие в отношении к советской литературе Вайль характеризует так: «Примерно в 1924 г. начинается постепенная перемена. В журналах, главным образом – левых, начинают несмело говорить о русской литературе. [...] Год 1925 ознаменован признанием новой русской литературы *de iure*. Тогда же литературный критик В. Червинка, ранее отрицавший существование советской литературы, заявил, что она существует, что ее нельзя игнорировать. В это же время вышли русские номера журналов “Гост” и “Пасмо”, интерес к новой русской литературе все время увеличивался, и в 1926 г. уже приобрел значительный масштаб»¹⁴². Вайль отмечает, что во второй половине 1920-х гг. на чешский был переведен целый ряд советских поэтов и писателей¹⁴³, чешские литературные журналы занимаются новой русской литературой и регулярно публикуют обзоры о новинках. Кроме того, Прагу посещают отдельные советские писатели, выступающие перед многочисленной аудиторией¹⁴⁴. В это время Вайль продолжает активную переводческую

¹⁴⁰ Weil J. Výstava ruské emigrantské knihy. (Pondělní noviny 16.6. 1924) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 144–146.

¹⁴¹ Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR. (Rudé právo 19.5.1925) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 146–148.

¹⁴² Weil J. Nová ruská literatura v Československu ... S. 374.

¹⁴³ Переводами в это время занимались такие издательства, как «Мелантрих» (Melantrich), издательство К. Борецкого (Nakladatelství Karla Boreckého), издательство Й. Фромека (J. Fromek), издательство Б. Янды (B. Janda, серия «Книги новой России» (Knihy Nového Ruska)), «Коммунистическое издательство» (Komunistické nakladatelství a knihkupectví).

¹⁴⁴ Подробнее об освещении русской литературы в чешской межвоенной печати см. статьи А.В. Амелиной: Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212; Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла // Роль России в распространении знаний о славянстве. М., 2019. С. 81–111; Русская литература в чешской среде 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (журнал «Маяк») // Российская богемистика вчера и сегодня. Материалы круглого стола в честь 100-летия со дня рождения Сергея Васильевича Никольского (29 марта 2022 г.). М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 89–96; Русская литература в чешской

деятельность, издает ряд переводов: повесть В. Каверина «Конец Хазы» (1924), повесть А. Малышкина «Падение Даира» (1923), книгу Б. Лапина «Повесть о стране Памир» (1929) и др.

В это время Вайль занимает удобную позицию для наблюдения за советской культурной жизнью. Будучи сотрудником советского полпредства (советского торгового представительства в Праге) с 1922 (или 1923) по 1930 (или 1931 г.), а затем, работая в Москве в Коминтерне, он имеет широкий круг русских знакомств и постоянную связь с советским миром. Вайль лично общается с советскими писателями, посещавшими Прагу, сам в качестве корреспондента левой печати приезжает в СССР в 1922 г. и 1928 г. Известно, что во время этих поездок Вайль слушал, как уже было сказано выше, выступления В. Маяковского в Политехническом музее, бывал в гостях у В. Шкловского, жил у И. Груздева во время поездки в Ленинград, был знаком с Б. Пильняком. В следующий раз Вайль оказался в Москве в 1934–1935 гг., работал издательстве Инорабочих при Коминтерне, участвовал в съезде писателей в 1934 г. Таким образом, Вайль интенсивно накапливал русские впечатления и знания о советской культуре, много переводил, публиковал в левых периодических изданиях в Чехии¹⁴⁵ множество репортажей и статей о

периодике 1920-х гг. (газета «Литерарни новины») // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 199–208; Восприятие С. А. Есенина в Чехии во второй половине 1950-х – 1960-е годы // Современное есениноведение: научно-методический журнал N. 2 (49) /2019. С. 250–266.

¹⁴⁵ На протяжении всего межвоенного двадцатилетия Вайль сотрудничал с ежедневной официальной газетой компартии Чехословакии «Руде право» (Rudé právo), в которой вел постоянную рубрику «Культурные подробности из России» (Kulturní drobnosti z Ruska), в общей сложности написал для нее около сотни статей; с 1922 по 1924 гг. сотрудничал с журналом «Пролеткульт» (Proletkult), который был основан С.К. Нейманом в качестве платформы коммунистического искусства, Вайль там опубликовал около десяти материалов, большая часть которых – переводы; с 1926 по 1928 гг. писал для журнала «Кмен» (Kmen), всего около 30 статей; в 1928-1934 гг. опубликовал около 20 статей в журнале «Розправы Авентина» (Rozpravy Aventina); в 1935-1939 гг. опубликовал более 30 статей в издании «Литерарни новины» (Literární noviny); в течение десяти лет сотрудничал с журналом «Творба» (Tvorba), который выходил сначала под редакцией Ф.К. Шальды, а затем Ю. Фучика, опубликовал в нем около 50 материалов, вел рубрики «Россия» (Rusko) и «Чешская литература в России» (Česká literatura v Rusku); с 1925 по 1930 гг. опубликовал около десятка статей в журнале «Новая Россия», официальном печатном органе «Общества экономического и культурного сближения с Новой Россией» («Společnosti pro hospodářské a kulturní sblížení s Novým Ruskem»); также печатался в журнале авангардистов «ReD»,

советской культуре, литературных событиях, литературной политике, эстетических тенденциях, литературных новинках, о творчестве отдельных писателей. Даже поверхностно просматривая оглавление томов (I, III), в которых собрана публицистика Вайля 1920–1930-х гг., можно сделать вывод о его глубокой вовлеченности в советский литературный процесс, о широте и глубине его литературного и культурного кругозора. Чтобы дать более полное представление о масштабах литературно-критической деятельности Вайля, целесообразно тематически сгруппировать написанные им в это время тексты.

Часть репортажей посвящена писателям, с которыми Вайль был лично знаком: «Интервью с Александром Безыменским» (Rozhovor s Alexandrem Bezymenskím, 1928), «Гости в Праге: Владимир Маяковский» (Hosté v Praze: Vladimír Majakovskij, 1927), «Об Иржи Тынянове, который приехал в Прагу» (O Jiřím Tuňanovovi, který přijel do Prahy, 1928), «Вечера у Шкловского на девятом этаже с лестницей бродячих кошек» (Večery u Šklovského v devátém patře se schodištěm toulavých koček, 1929), «Разговор с Тарасовым-Родионовым» (Rozmluva s Tarasovem-Rodionovem, 1932), «Трое советских поэтов в Праге» (Tři sovětsí básníci v Praze, 1928).

Также Вайль пишет колонки, посвященные памяти советских писателей и классиков русской литературы: «К годовщине смерти А.С. Грибоедова» (K výročí smrti A.S. Gribojedova, 1929), «Лев Николаевич Толстой» (Lev Nikolajevič Tolstoj 1928), «Лукач о Толстом» (Lukács o Tolstém, 1935), «Д.С. Мережковский: Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского» (D.S. Merežkovskij: Život a dílo L. Tolstého a Dostojevského, 1920), «Сорок лет литературной деятельности Максима Горького» (Čtyřicet let literární činnosti Maxima Gorkého, 1932), «Смерть Горького и вопрос классического наследия в советской литературе» (Smrt Gorkého a otázka klasického dědictví v sovětské literatuře, 1936), «Сергей Есенин» (Sergej Jesenin, 1926), «О смерти Владимира

журналах «Новая свобода» (Nová svoboda), «Право лида» (Právo lidu), «Авангард» (Avangarda), «Руды вечерник» (Rudý večerník), «Рефлектор» (Reflektor), «Червен» (Červen). См. об этом подробнее: Kittlová M. Jiří Weil mezi Ruskem a Čechami, [diplomová práce]. Praha, 2009. S. 29–47.

Маяковского» (O smrti Vladimira Majakovského, 1930), «Маяковский на суде истории» (Majakovskij na soudu dějin, 1936) «Умер Николай Островский» (Zemřel Nikolaj Ostrovskij, 1937) «Дневник Полины о Достоевском» (Deník Dostojevského Poliny, 1931)¹⁴⁶.

Довольно большой блок заметок и рецензий посвящен творчеству отдельных писателей или отдельным произведениям: «Д. С. Мережковский: От войны до революции» (D.S. Merežkovskij: Od války k revoluci, 1920), «Социальная утопия Богданова» (Sociální utopie Bogdanovova, 1921), «Русский роман о Стендале» (Ruský román o Stendhalovi, 1933), «К переизданию Цемента Гладкова» (K novému vydání Gladkovova Cementu, 1933), «Всеволод Иванов» (Vsevolod Ivanov, 1931), «Сентиментальное путешествие Виктора Шкловского» (Sentimentální cesta Viktora Šklovského, 1933), «Горький судит русскую интеллигенцию» (Gorkij soudí ruskou inteligenci, 1933), «Драмы Луначарского» (Dramata Lunačarského, 1921), «В.Г. Короленко и советское правительство» (V.G. Korolenko a sovětská vláda, 1923), «Михаил Булгаков: Роковые яйца» (Michail Bulgakov: Osudná vejce, 1929), «Борис Пильняк: Голый год» (Boris Pilňak: Holý rok, 1928), «Тарасов-Родионов: Шоколад» (Tarasov-Rodionov: Čokoláda, 1928), «Константин Федин: Города и годы» (Konstantin Fedin: Města a roky, 1926), «Константин Федин: Трансвааль» (Konstantin Fedin: Transvaal, 1929), «Владимир Маяковский: 150 000 000» (Vladimír Majakovský: 150 000 000, 1925), «Исаак Бабель: Конармия» (Isaak Babel: Rudá jízda, 1928), «Оптимистическая трагедия Всеволода Вишневского» (Optimistická tragédie Vsevoloda Višněvského, 1936).

Небольшой блок статей посвящен отдельным жанрам в советской литературе: «Советский исторический роман» (Sovětský historický román, 1935), «Советская сатира» (Sovětská satira, 1935), «Две книги о советской молодежи» (Dvě knihy o sovětské mládeži, 1931), «Две детские пролетарские

¹⁴⁶ Имеется в виду рецензия Вайля на книгу А.П. Сусловой «Годы близости с Достоевским. Дневник-повесть-письма» (М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. 196 с.).

книжки» (Dvě proletářské dětské knížky, 1932), «Советские детские книжки» (Sovětské dětské knížky, 1937).

Несколько статей посвящено непосредственно литературным событиям: «Выставка русской эмигрантской книги» (Výstava ruské emigrantské knihy, 1924), «Заметки к выставке книг СССР» (Poznámky k výstavě knih SSSR, 1925), «Возникновение ЛЕФа» (Vznik LEFU, 1927), «После съезда писателей Советского Союза» (Po sjezdu spisovatelů Sovětského svazu, 1934).

Часть статей посвящена советским литературным дискуссиям: «Судьба классиков в советской литературе» (Osud klasiků v sovětské literatuře, 1937), «Споры о новой русской прозе» (Spory o novou ruskou prózu, 1930), «Джон Дос Пассос и советские читатели» (John Dos Passos a sovětští čtenáři, 1936), «Джон Дос Пассос и проблемы советской литературы» (John Dos Passos a problémy sovětské literatury, 1936), «Советские литературные дискуссии» (Sovětské literární diskuse, 1936).

Пожалуй, наибольший по объему блок составляют статьи обобщающего характера, где Вайль комментирует события, имена, литературные новинки с точки зрения поступательности советского литературного процесса: «Поэты русской революции» (Básníci ruské revoluce, 1921), «Русская революционная литература» (Ruská revoluční literatura, 1924), «Статья о новой русской прозе» (Stat' o nové ruské próze), «Дорога новой русской прозы» (Cesta nové ruské prózy, 1925), «Сегодняшний день русской литературы» (Dnešek ruské literatury, 1926), «Новинки русской литературы» (Novinky ruské literatury, 1927), «Десять лет русской литературы после революции» (Deset let ruské literatury po revoluci, 1927), «Тринадцатый год советской литературы» (Třináctý rok sovětské literatury, 1930), «Обзор русского литературного сезона 1930–1931» (Přehled ruské literární sezony 1930-1931, 1931) «Сегодняшняя русская литература» (Dnešní ruská literatura, 1931), «Русская литература 1931–1932» (Ruská literatura 1931-1932, 1932) «Пятнадцать лет советской литературы» (Patnáct let sovětské literatury, 1932), «Поэзия в СССР» (Poezie v SSSR, 1933), «Проза в России» (Próza v Rusku, 1934), «Советская литература 1935» (Sovětská próza 1935,

1936), «Современная советская литература» (Soudobá sovětská literatura, 1936), «Новый русский литературный сезон» (Nová ruská literární sezona, 1936), «Новая дорога советских писателей» (Nová cesta sovětských spisovatelů, 1932), «Возникновение новой пролетарской литературы» (Vznik nové proletářské literatury, 1932), «Проза в России» (Próza v Rusku, 1934).

Важно отметить, что при написании обзорно-критических статей Вайль не забывал о своем адресате – чешском читателе. Поэтому в его статьях о русской литературе встречаются сравнения с чешской литературой: упоминаются, например, произведения К. Чапека, Я. Гашека, имена чешских критиков; также Вайль часто приводит подробный пересказ новинок, комментирует, вышел ли чешский перевод; иногда подробно останавливается на комментарии перевода, упоминает о том, как советская литература освещается и воспринимается в Чехословакии («Новая русская литература в Чехословакии» (Nová ruská literatura v Československu, 1927)), какие научно-критические труды ей посвящаются («Владимир Познер: Современная русская литература» (Vladimír Pozner: Moderní ruská literatura, 1932)).

Наблюдения за разными сторонами советской литературной жизни Вайль обобщал в более крупных публикациях. Первая такая попытка собрать знания об актуальной ситуации в советской литературе была им предпринята уже в 1924 г. – это труд, опубликованный отдельной брошюрой – «Русская революционная литература» («Ruská revoluční literatura»)¹⁴⁷, где содержатся главы, отражающие основные литературные тенденции этого периода, связь литературы и революции, говорится о преобладании поэзии¹⁴⁸. В 1925 г. выходит «Статья о новой русской прозе» («Stat' o nové ruské próze»). В 1932 г. выходит значимая поэтическая антология, составленная Вайлем – «Сборник

¹⁴⁷ Weil J. Ruská revoluční literatura // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 513–563.

¹⁴⁸ Приведем названия глав этой брошюры: «Революция и русская литература», «Догасающий реализм», «Символизм», «Футуризм и левое искусство», «Пролетарская поэзия», «Новая русская проза».

советской революционной поэзии» («Sborník sovětské revoluční poezie»¹⁴⁹) с его обширным предисловием (представлены стихи 21 поэта, больше всего стихов В. Маяковского, А. Безыменского, Д. Бедного). В 1937 г. Вайль публикует труд «Русская литература нового времени» (1917–1935) (Ruská literatura nové doby (1917-1935)), который обобщает отдельные, написанные ранее статьи и продолжает уже упомянутую работу 1924 г. «Русская революционная литература». Все разделы здесь связаны с исторической хронологией литературного процесса: «Литература перед войной и революцией», «Революция 1917 г.: период военного коммунизма», «Период новой экономической политики: литература “попутчиков” и борьба на литературном фронте», «Литература периода первой и второй пятилеток».

Важным ключом для понимания тех принципов, которыми руководствовался Вайль как исследователь литературы, могут послужить, на наш взгляд, его оценки деятельности других литературоведов, писавших о советской литературе тех лет. Так, например, в статье-рецензии «Новая книга о русской литературе» на книгу Йозефа Ирасека «Советская русская литература. 1917-1936» (1937) Вайль вступает в полемику с авторской концепцией и замечает, что значительному труду Ирасека, где он «основательно знакомит читателя с богатствами новой русской литературы», мешает отсутствие широты мышления и «слишком большая привязанность к фактам»¹⁵⁰, от которой происходит неспособность исследователя отличить первичное от вторичного: «Стремясь все включить в свою книгу, Ирасек приводит и множество писателей второстепенных, неинтересных»¹⁵¹. Упрекает Вайль Ирасека и в слишком большой доверчивости по отношению к советским источникам. В отличие от коллеги, сам Вайль понимает, что «развитие русской постреволюционной литературы и критики осуществлялось

¹⁴⁹ Sborník sovětské revoluční poezie poezie. Praha: Nakladatel Karel Borecký, 1932. Сначала издательство, потом место издания?

¹⁵⁰ Weil J. Kniha o nové ruské literatuře. (Literární noviny 25. 9. 1937) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 499.

¹⁵¹ Ibidem.

очень стремительно, точки зрения менялись»¹⁵², «многие писатели, которые почитались за лучших, сегодня забыты или осуждены»¹⁵³. Вайль констатирует: «Так, например, вопрос о русском футуризме хорошо показывает, что метод Ирасека не работает. Как объяснить, что Маяковский, один из основоположников русского футуризма, бесспорно, – лучший поэт русской революции, тогда как футуризм осуждается всей советской критикой?»¹⁵⁴ Вайль подчеркивает, что «формирование новой советской литературы – это движение, в котором присутствует ряд компонентов, это процесс, полный противоречий, процесс диалектический»¹⁵⁵, который нельзя объяснить механическим сбором фактов.

Ложным путем, по его мнению, идут в своих интерпретациях и формалисты, и хотя Вайль очень ценит Ю. Тынянова и В. Шкловского, он утверждает: «Нельзя объяснять литературу прямо из литературы, убежденность формалистов в абсолютной независимости литературы от действительности, в собственном независимом развитии литературы, не подчиняющемся тенденциям, которые проявляются в жизни общества, является мнением абсолютно ошибочным, вывернутым и безосновательным»¹⁵⁶. Также в 1937 г. Вайль отмечает, что все советские труды, посвященные советской литературе (работы П.С. Когана, В.П. Полонского, А.К. Воронского, М.Г. Майзеля, Г.Е. Горбачёва и др.), «были написаны в период борьбы за отдельные направления»¹⁵⁷.

Сам Вайль в своих статьях и репортажах, всегда стремился показать не разобщенные факты и детали, а весь неоднозначный процесс со всеми его сложными взаимосвязями на синхронном и диахронном уровнях: «Чтобы мы

¹⁵² Ibidem.

¹⁵³ Ibidem.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Weil J. Soudobá sovětská literatura. (Tvorba, 31. 1., 7.2. a 14. 2. 1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 545.

¹⁵⁶ Ibid. S. 546.

¹⁵⁷ Weil J. Kniha o nové ruské literatuře. (Literární noviny 25.9.1937) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 498.

поняли развитие этой новой литературы, необходимо постоянно учитывать – опять-таки с исторической точки зрения – политические задачи и события, от которых она всегда напрямую зависела. У литературы было разное положение после революции, во время нэпа, во время первой пятилетки, и сейчас тоже другое. Вопрос народности, намеченный сегодняшней советской критикой, спор с Пастернаком и другие события литературной жизни в последнее время имеют глубокие общественные корни. Обязанность историка литературы замечать именно эти основания»¹⁵⁸. Свой метод Вайль называет «историческим» или «методом диалектического материализма». Нужно сказать, что, будучи переводчиком трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, многих советских коммунистических идеологов, Вайль был, конечно, хорошо знаком с философской концепцией диалектического материализма, которую воспринимал как здравый объективный и последовательный подход к реальности. В то же время, Вайль был далек от крайностей и в этом методе, а в статье 1936 г. «Современная русская литература» он утверждает: «Мы не являемся механическими материалистами, которые объясняют возникновение отдельных литературных тенденций напрямую экономическими условиями»¹⁵⁹, «...было бы смешно заявлять, как это делали последователи Плеханова – Переверзев и другие – что та или иная литературная форма или метафора и размер прямо отвечают тому или иному экономическому образованию. Маяковский также использовал оды, как и поэты времен Екатерины Великой, но какое отношение к этому имеет революционное содержание од Маяковского?»¹⁶⁰. Таким образом, Вайль не старается уложить литературный процесс в четкие схемы, но ощущает тесную органическую взаимосвязь литературы и действительности: «Литература связана с жизнью тысячами нитей, должна подчиняться и подчиняется влиянию тысячи факторов, и как любая идеология, она влияет на действительность»¹⁶¹. Именно

¹⁵⁸ *Weil J. Kniha o nové ruské...* S. 500.

¹⁵⁹ *Weil J. Soudobá sovětská...* S. 545.

¹⁶⁰ *Ibid.* 546.

¹⁶¹ *Ibidem.*

исследование взаимоотношений реальности и литературы, динамики этих зачастую противоречивых связей – главный предмет интереса Вайля и его метод исследования литературного процесса.

При этом объем культурных и литературных знаний Вайля, к которым он апеллирует в своих текстах, очень велик. Этот объем складывается из филологической образованности Вайля, его знаний западноевропейской, чешской и русской культуры и литературы; много дал ему также и опыт работы в советском полпредстве, поездки в СССР, знакомство с советскими литераторами; кроме того, активность и информационная подкованность Вайля связаны с его деятельностью в качестве журналиста в левых изданиях, переводчика идеологической, научно-критической и художественной литературы. Составить полное представление о том, какие имена и тексты упоминает Вайль, можно по двум техническим указателям (именному и произведений), которые размещены в конце каждого из томов (I, III) издаваемого в Чехии тринадцатитомного собрания сочинений писателя.

2.2. Борьба с правой чешской печатью за советскую литературу

Очевидно, что литературное поле с самого начала становится для Вайля не только эстетическим и научным, но и гражданским полем борьбы: советская литература все больше приобретает идеологическую ценность, становится подтверждением жизнеспособности советского мироустройства, альтернативного западному¹⁶². Вайль неоднократно вступает в полемику с чехословацкой и шире – европейской демократической печатью, цель которой часто была обратной – дискредитировать СССР, обесценить его культурную жизнь. В 1921 г. Вайль пишет: «Пусть на Западе говорят, что русская

¹⁶² При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее (*Грасько А.В.* За советскую литературу в Чехии: полемика Иржи Вайля с правой чешской печатью 1920-х годов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30, № 4. С. 80–91.)

литература в упадке, что в России нет искусства, о котором можно было бы говорить с эстетической точки зрения, пусть Запад совсем не заботит русская литература. В России, несмотря на это, сейчас есть искусство, которое ей нужно и которое однажды будет обращаться и к сердцам людей на Западе»¹⁶³.

Вайль отмечает, что западная критика не улавливает сущности культурных, литературных процессов в СССР: «Европейская критика очень надменно презирает новую русскую литературу. Она ей чужда, поэтому ее смысл остается ей непонятен. Она не умеет даже оценить жертвы, которыми она была куплена. Она знает только старую русскую литературу, которая нашла свое место в европейском контексте, и хочет, чтобы новая русская литература продолжала старую традицию. О новой русской литературе молчат, ее не причисляют к мировой, ставят литературный барьер между Россией и Европой. Критика закрывает глаза на великое сотрясение, которое уничтожило старую традицию и заставляет творить новую на новых основаниях. Пяти революционных лет работы над новой русской литературой для Европы будто бы не было. Это естественно и не стоит об этом печалиться, ибо новая русская литература уже пробивает себе дорогу в Европу, как ее пробили великие русские прозаики девятнадцатого столетия. [...] После революции в России настанет великое возрождение литературы. Поляк Штефан Жеромский говорит, что эта литература будет недружественной к европейской культуре. Немец Освальд Шпенглер полагает что она будет “нигилистической”, что она будет “ненавидеть высшие культурные формы”, будет “глубоко националистической”. Оба, как и вообще большинство европейских критиков, не понимают влияния революции, боятся ее. Это можно объяснить именно непониманием...»¹⁶⁴.

¹⁶³ *Weil J. Básníci ruské rvoluce.* (Den 24.1.1921) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933.* Praha: Triáda, 2021. S. 507.

¹⁶⁴ *Weil J. Ruská revoluční literatura.* (samostatná publikace, 1924) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933.* Praha: Triáda, 2021. S. 562–563.

Вайль часто критикует чешскую правую печать: «Вся правая печать в Чехословакии доказывала, что большевики уничтожили в России какую бы то ни было культуру, что в России уже не существует литературы, что все писатели сбежали за границу и что новые писатели не могут возникнуть, поскольку в России нет условий для культурной работы»¹⁶⁵. Вайль не упускает возможности указать на ограниченность правой печати, ее идеологическую ангажированность, допускаемые ею неточности и конструируемые фейки: «В это время литература в советской России или систематически замалчивалась, или порочилась клеветой на Маяковского, Есенина, Блока. Грустную главу в истории чешской литературно-критической журналистики представляет собой бездумное повторение гнусных эмигрантских сплетен о советских писателях. Например, известно, что одно из ведущих чешских изданий обвиняло Блока в том, что он продался большевикам, того самого Блока, о котором несколько дней после его смерти это же издание писало, что он был убит большевиками»¹⁶⁶.

«В “Народних листах” (Národní listy – А.Г.) время от времени появлялись самые фантастические новости о русской литературе. Здесь обвиняли Александра Блока, повторялась злонамеренная ложь З. Гиппиус о Максиме Горьком. О качестве этой информации свидетельствует в том числе факт, что акмеизм (правое направление символизма, к которому принадлежал и активный противник революции Гумилев) был провозглашен в “Народних листах” эксцентричным большевистским направлением. Анатолий Мариенгоф, у которого брат воевал в белой армии и который по происхождению – прибалтийский дворянин, был изображен как кровожадный поэт, восхваляющий большевиков...»¹⁶⁷. Вайль заключает: «В общем, чешскому культурному обществу все время внушалось мнение, что в советской

¹⁶⁵ Weil J. Literární poznámky k desetiletí... S. 170-171.

¹⁶⁶ Weil J. Nová ruská literatura v Československu, několik slov k překladům z nové ruské literatury. (Komunistická revue, květen 1927) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 373.

¹⁶⁷ Weil J. Literární poznámky k desetiletí... S. 171.

России никакой литературы нет, что единственной литературой являются эмигрантские памфлеты и старинная ветошь»¹⁶⁸.

В статье «Замечания к выставке книг СССР» Вайль не только освещает саму выставку, прошедшую в Праге в 1924 г., но и делает критический выпад против публициста и литератора Штепана Ежа, который считает, что разнообразная и богатая выставка советских книг – средство агитации и пропаганды советского правительства, попытка пустить пыль в глаза, чтобы прикрыть бедую культурную жизнь. В этой же статье Вайль критикует позицию Карела Крамаржа, который, по его словам, убежден, что в СССР запрещают Достоевского и сжигают Толстого¹⁶⁹. В качестве остроумного завершения полемики с Крамаржем Вайль приводит арабскую байку про муху, которая села на рога быка и сказала: «Если я для тебя слишком тяжела, я могу улететь». На это бык ответил: «Я не почувствовал, как ты села, и не почувствую, как улетишь»¹⁷⁰. Таким образом, опираясь на свидетельства Вайля, можно представить степень карикатурности того образа советской литературы, который существовал в первой половине 1920-х гг. в Чехословакии.

Отдельного внимания заслуживает статья Вайля «Две книги о советской молодежи»¹⁷¹, где он борется со стереотипами и мифами о советской реальности, для конструирования которых используется советская же литература. Вайль, в частности, говорит о том, что чешскому обществу

¹⁶⁸ *Weil J. Nová ruská literatura v Československu...* S. 373.

¹⁶⁹ Этот факт действительно является искажением советской реальности. В 1926–1930 годах было издано 13-томное полное собрание художественных произведений Достоевского под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева тиражом в 10 тыс. экз. В 1931 году вышли одной книгой избранные произведения (10 тыс. экз.). Что касается отношения к Л.Н. Толстому, то после постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. даже в кругу самых радикальных пролетарских писателей, печатавшихся в журнале «На литературном посту», было принято равняться именно на творчество Толстого. В резолюции РАППа от 1929 г., в частности, был тезис о том, что пролетарские писатели должны учиться у классиков и, прежде всего, у Л.Н. Толстого.

¹⁷⁰ *Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR...* S. 148.

¹⁷¹ *Weil J. Dvě knihy o sovětské mládeži. (Tvorba 7. 5. 1931) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 429–433.*

внушают, что в комсомольской среде не приняты нормальные браки, происходят оргии и проповедуется свободная любовь в соответствии с «теорией стакана воды», которая, якобы, вполне отвечает социалистическим установкам: «К самой часто встречающейся клевете и лжи об СССР также относится легенда о распутстве и извращенности советской молодежи»¹⁷². Вайль показывает, как работает механизм такого внушения: для этого используют повесть советского писателя Льва Гумилевского «Собачий переулочек» (1927), в которой говорится о вольном быте советской молодежи времени нэпа. Вайль указывает, что в Чехии она была переведена в 1931 г. и вышла в национал-социалистическом издательстве «Мlade proudy» (Mladé proudy) с предисловием известного поэта Йозефа Горы, имя которого, овеянное былой славой поэта-коммуниста, должно было служить для привлечения внимания и подтверждения авторитета книги. Книга постулировалась как аутентичное, объективное и точное свидетельство о жизни в СССР, автор же был представлен как наиболее передовой и лучший. Вайль со своей стороны говорит, что это акт политического мошенничества, подчеркивает низкое литературное качество произведения Гумилевского, называет его «низкой литературной спекуляцией» и кичем. Причем, как подчеркивает Вайль, важным является использование именно советского художественного текста, «made in Russia» (цит. по Вайлю), который к тому же выдается как первостепенный, тогда как таковым не является.

О том, что теория «стакана воды» реально оказывала влияние на людей в советской России, Вайль тоже указывает, но говорит, что советское общество это преодолело, а вот на Западе институт семьи давно превращен в бездушный рынок и торг. Эта полемика, отдаленная от нас во времени, сегодня, конечно, требует комментария. Отметим, что проблема увлеченности идеей «стакана воды» действительно существовала, о ней писали, особенно в середине 1920-х гг., и книга Гумилевского была достаточно популярна у молодежи, так как

¹⁷² Ibid. S. 429.

затрагивала болезненные темы. «Сексуальная революция» действительно была одним из флагов коммунистических преобразований. Так, например, в 1923 г. чрезвычайно популярной была статья А. Коллонтай, опубликованная в журнале «Молодая гвардия» «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)». В этом же году вышла брошюра Л. Троцкого «Литература и революция», где проблемы любви, пола, рождения детей были представлены как часть революционно-утопического процесса преобразования общества. В журнале «Сибирские огни» в 1923 г. был опубликован рассказ В. Зазубрина «Общежитие» о бытовом неустройстве и распространении венерических заболеваний в среде коммунистов. Этот рассказ вызвал настоящую полемику. Интересно, что о нем писал даже М. Слоним в русском эмигрантском журнале «Вольная Сибирь», издаваемом в Праге¹⁷³. Однако уже в 1924 г. появилась брошюра «Революция и молодежь», где были перечислены «12 половых заповедей пролетариата»¹⁷⁴, суть которых сводилась к упорядочиванию половой жизни. В целом, рассматривая динамику изменения этой темы в советском обществе и советской литературе, Е.Н. Проскурина, опираясь на исследование Н.Е. Кочетковой¹⁷⁵, пишет: «К концу 1920-х годов дискуссия завершилась полным запретом изображения эротики в литературе, выводя ее за пределы официально дозволенных тем»¹⁷⁶.

Опираясь на исторические свидетельства, очевидно, что реалии неограниченной свободы любви, появившиеся в раннесоветское время в эпоху нэпа в виде кича и вызова, в какой-то мере – авангарда, уже не были характерны к началу 1930-х гг., когда презентовались в Чехии. И в реальности,

¹⁷³ См. об этом: *Проскурина Е.Н.* Советский быт в рассказе В. Зазубрина «Общежитие» и его оценка критикой 1920-х годов // *Человек советский: за и против = Homo soveticus pro et contra: монография / под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной.* Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 117–134.

¹⁷⁴ См. об этом: *Залкинд А.Б.* Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // 58 Брошюра Революция и молодежь. Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1924.

¹⁷⁵ *Кочеткова Н.Е.* Дискуссия о "порнографической литературе" в журналистике 1920-х гг. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2004.

¹⁷⁶ *Проскурина Е.Н.* Указ. соч. С. 126.

и в искусстве тема свободной любви к началу 1930-х гг. была в СССР исчерпана и не поддерживалась официальной властью. Как раз в это время и вышел перевод повести Гумилевского (1931), выданный за животрепещущую реальность сегодняшнего дня и ставший из-за сдвига временных рамок и явного укрупнения масштабов изображаемого, по сути своей фейком. Именно на это и указывал Вайль, пытаясь разоблачить созданный миф о советской молодежи.

Не раз фиксирует Вайль недружественное, подозрительное отношение ко всему советскому в Чехословакии в 1920-е гг. В качестве примера он рассказывает об инциденте, связанном с посещением Праги тремя советскими пролетарскими поэтами – А. Безыменским, А. Жаровым, И. Уткиным в 1928 г. («Интервью с Александром Безыменским», «Три советских поэта в Праге»). Рассказ об инциденте Вайль предваряет таким замечанием: «О любви чехословацких органов к культуре можно было бы написать хорошую сказку, ибо мы не сомневаемся, что волк любил Красную Шапочку, когда хотел ее сожрать»¹⁷⁷. Далее Вайль рассказывает о том, как чехословацкое правительство выставило гостей из страны под предлогом того, что у них была виза на 6 дней, а они хотели задержаться на 7. При этом чешские органы знали, что в последний день планируется выступление поэтов перед чешской публикой. Вайль подчеркивает, что недопустимым является метод, которым воспользовались власти – поэтов задержали, и под надзором двух агентов сопроводили до границы: «О том, как с ними обошлись в Праге, писали почти все газеты. Несомненно, чехословацкие органы имеют свои собственные критические мерки литературы, поскольку не хотели верить советским поэтам, что они на самом деле поэты; министерство внутренних дел даже утверждало, что это большевистские комиссары, скрывающиеся под маской поэтов»¹⁷⁸. Вайль иронизирует, говоря, что полумиллионные издания стихов не убеждают

¹⁷⁷ *Weil J. Rozhovor s Alexandrem Bezymenskím. (Kmen 1928, leden) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 77–78.*

¹⁷⁸ *Weil J. Tři sověští básníci v Praze. (Nové Rusko, březén 1928) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 79–80.*

чехословацкие власти в их неправоте и подчеркивает, что грехом этих поэтов является то, что они пролетарские. Вайль при этом признает не слишком большую художественную ценность их стихов. Но отношение чешских властей и агрессивная подозрительность его возмущают. Также Вайль приводит открытое саркастическое письмо, написанное Безыменским, где тот благодарит господина комиссара за оказанное гостеприимство: «Без сомнения вам подробно рассказывали, что мы не останавливали людей на улице, чтобы раздать им оружие для свержения правительства; что мы не забирались на памятник св. Вацлава, чтобы разжигать восстание своими речами. Мы скромны, господин комиссар. Полагаем, что, если бы мы прочли несколько стихотворений, мы бы в вашей стране не совершили переворот. Полагаем и остаемся в этом уверены, что ваша демократия сильнее трех поэтов»¹⁷⁹.

В 1933 г. в статье «Советская литература и Запад» Вайль резюмирует эволюцию негативного восприятия советской литературы в Европе: «Вначале она “не существовала”, по мнению западноевропейских и эмигрантских знатоков. Потом была “варварской и плохой”. А сейчас она небезопасна. Не только Ленин и Сталин, но также Гладков или Иванов “подстрекают”. И даже полурелигиозная эпопея Блока горела на Оперной площади»¹⁸⁰. Что касается самого Вайля, то он убежден в том, что западная и чешская критика не должны оставаться негативно настроенными по отношению к русской-советской литературе, что это не плодотворно для нее самой: «Презрение к новой русской литературе и ледяное молчание о ней хуже открытой вражды. Ибо может случиться так, что мы не поймем новую русскую литературу, останемся ей чужды, как чужды нам были вначале французский романтизм и русский реализм. И потом будет “Европа догонять”»¹⁸¹.

В отличие от западных критиков, Вайль понимает и подчеркивает аксиологическое значение новой русской литературы: «Сила новой [...]

¹⁷⁹ Weil J. Rozhovor s Alexandrem Bezymenskim... S.79.

¹⁸⁰ Weil J. Sovětská literatura a Západ. (Tvorba 1. 6. 1933) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 685.

¹⁸¹ Weil J. Ruská revoluční literatura... S. 563.

русской литературы заключена в ее цели, в ее новой функции, где писатель является “инженером человеческих душ” [...]. Новая русская литература изображает иные общественные условия, иные цели личности в обществе, иные социальные отношения, нежели литература западноевропейская. Она отмечает новые черты человеческой личности, рассказывает о человеке коллективистского общества и о его новом отношении к окружающей действительности. Она решает “вечные” проблемы литературы – тема смерти, любви, страха, геройства – на основе новой действительности и в новом освещении»¹⁸²; «...революционная поэзия, пусть это будет поэзия футуристов или символистов или рабочих и деревенщиков, говорит лишь о человеке. Ибо из революции после боев, битв, баррикад, выстрелов прогремел крик народа, огромный, громовой: “Верую величию сердца человеческого” (Маяковский)»¹⁸³. Вайль не раз говорит о плодотворном влиянии революции на советскую литературу, подчеркивает, что именно революция вдохнула в нее жизнь, сделала ее по-настоящему современной, помогла ей преодолеть идейный и эстетический кризис.

Отдельного внимания заслуживает еще одна важная для Вайля тема – советская литература в сравнении с литературой русской эмиграции. Советскую литературу, которая ищет новые темы, новую форму, служит строительству новой жизни, Вайль в 1920-е гг. противопоставляет эмигрантской русской литературе. Вайль не питает к эмигрантам симпатии и не всегда справедливо считает эмиграцию и ее литературу отжившей, эстетически и тематически не интересной: «Эмигрантской литературы нет и не было, за исключением одного русского писателя А. Алданова. Эмигрантские писатели со звучными именами, как, например, Бунин, Куприн, Мережковский, не написали в эмиграции ничего, кроме нескольких глупых политических памфлетов»¹⁸⁴. В целом писателей старой школы – Бунина,

¹⁸² Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) // Weil J. Reportáže a statí 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 673–674.

¹⁸³ Weil J. Básníci ruské... S. 507.

¹⁸⁴ Weil J. Literární poznámky k desetiletí... S. 172.

Куприна, Андреева, Зайцева – Вайль называет представителями «угасающего реализма» или «псевдореалистами»¹⁸⁵, подчеркивая, что их творчество содержательно и по своей форме обращено назад, в прошлое. Вайль говорит, что у писателей-реалистов в эмиграции было два варианта творчества: полностью отречься от революции и ее влияния, изображать жизнь, какой она была до 1917 г., уйти в воспоминания, или же отречься от реализма и перейти к новой литературной форме,¹⁸⁶ что, по словам Вайля, смогли сделать лишь несколько молодых писателей, среди которых – Алексей Толстой.

Комментируя эти слова Вайля, можно согласиться с тем, что эмигрантские писатели в большинстве своем тяготели к старому миру и старой традиции. Вместе с тем необходимо учитывать, что данные оценки Вайля относятся к 1920-м гг., когда эмигрантская литература еще не сформировалась, не были опубликованы ключевые произведения представителей старшего поколения, в нее не успели войти имена молодых писателей-эмигрантов. Кроме того, резкость оценок Вайля можно объяснить его идеологически враждебной позицией по отношению к белоэмигрантам. Поэтому он, по журналистски вырывая отдельные факты, не упускает возможности дискредитировать эмигрантское сообщество: «Все эмигрантские журналы держатся на плаву перепечатыванием – без разрешения авторов – произведений советских писателей, таким образом, эти последние вынуждены протестовать в советской печати (например, Л. Леонов в “Известиях”). Эмигрантская литература дошла в своей художественной немощи до пиратства»¹⁸⁷. Надо сказать, что произведения советских писателей действительно печатали в эмигрантских изданиях, например, такую политику проводили редактор газеты «Накануне» Ю. Ключников и редактор журнала «Воля России» М. Слоним, но советские писатели едва ли возражали против «перепечатывания» или даже печатания за границей. К тому же, подобное

¹⁸⁵ *Weil J. Stať o nové ruské próze. (Nové Rusko, duben-prosinec 1925) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 565.*

¹⁸⁶ Эмигрантская проза в сравнении с советской кажется Вайлю формально устаревшей.

¹⁸⁷ *Weil J. Stať o nové ruské próze... S. 565.*

«пиратство» практиковали и советские издания, пользуясь отсутствием официальных соглашений¹⁸⁸.

Резко критикует Вайль и выставку эмигрантских книг в 1924 г.: «В Климентинуме с большой рекламой была открыта выставка русских эмигрантских книг. Выставка должна была стать своего рода демонстрацией против недавно прошедшей выставки советских книг и должна была показать жизненную и культурную силу русской эмиграции. Надо сказать, что ни одной, ни другой цели она не достигла. Выставка советских книг была выставкой одной шестой книжной продукции в России, тогда как эмигрантская представляет почти все, что было издано эмигрантами за границей в Европе, Америке, в Азии и Африке. И книг не так много, поэтому организаторы были вынуждены выставлять и советские книги. Отметим, что книжная выставка советских книг в Париже, прошедшая в 1926 г., также произвела впечатление своим многообразием, присутствием образцов литературы на языках малых народностей¹⁸⁹. Что касается другой задачи, т.е. доказательства жизнеспособности и культурной силы эмиграции, здесь результат

¹⁸⁸ См. об этом: *Ариас-Вихиль М.А.* Критерии оценки иностранных писателей в Советской России: советский индекс (по материалам переписки А.М. Горького и Р. Роллана) // Новые российские гуманитарные исследования, 2014. № 9. С. 15. [Электронный ресурс]. URL: <http://nrgumis.ru/articles/274/> (дата обращения: 20.09.2025):

«При этом советская власть не отказывается вовсе от печати иностранных авторов, но не связывает себя никакими обязательствами перед ними. В 1930-е годы гонорары выплачивались лишь в особых случаях, когда власть желала поощрить писателя за его политическую лояльность советскому режиму или привлечь его на свою сторону. В 1920-е годы гонорары не выплачивались вовсе. Об этом свидетельствует случай с Гербертом Уэллсом. Так Г. Уэллс предложил Горькому для его журнала «Беседа» свою книгу «Люди как боги», но Горький был вынужден отказать Уэллсу, так как узнал, что книга Уэллса без разрешения автора печатается в «дешевеньком» московском еженедельнике «Красная нива» (1923. №1-15. 7 янв.-15 апр., перевод А. Волинского). Горький пишет Уэллсу по этому поводу: «Признаюсь — меня возмущают эти переводы без разрешения автора, возмущают не только потому, что это наносит автору материальный ущерб, но, главным образом, потому, что цельная, хорошая книга будет дана читателю в раздробленном виде и, наверное, в плохом переводе» (П, 171). Обиженный Уэллс больше не присылал своих произведений для горьковской «Беседы»».

¹⁸⁹ Об этом упоминает, например, Т.П. Миронова в статье «Сотрудничество СССР и Франции в области книжного дела в 20-е годы XX века» со ссылкой на книгу А.Е. Иоффе «Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917-1932». См.: Миронова Т.П. Сотрудничество СССР и Франции в области книжного дела в 20-е годы XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №2(79). С. 33.

свидетельствует об обратном. Главное место занимают переиздания классиков: в большинстве своем не критические, неточные и неполные издания, тогда как в России, как все могли убедиться на выставке советских книг, выходят качественные и тщательные составленные издания, как, например, сочинения Пушкина. [...] Что касается беллетристики, то здесь самые лучшие и красивые издания принадлежат издательствам, которые печатают книги писателей, живущих в России, их книги предназначены для России, а не для эмиграции. Художественных изданий, вышедших в эмиграции, на выставке очень мало, и к тому же это издания, напечатанные немецкими издательствами, а не эмигрантскими»¹⁹⁰. Вайль убежден в полной победе советской литературы в этой дуэли: «С проникновением советской литературы на Запад наступает пересмотр мнения об эмигрантской литературе. К выводу, что эмигрантская литература вовсе не имеет художественной ценности, приходит, наконец, и эмигрантская печать, которая начинает внимательно прислушиваться к новой русской литературе...»¹⁹¹.

Говоря о визитах советских писателей в Прагу, собирающих большие аудитории (например, в зале Национального дома, где в 1927 г. выступал Маяковский, собралось около тысячи человек), Вайль отмечает, что визит эмигрантского поэта Бальмонта, напротив, не «имел никакого отклика, как констатировала не социалистическая, а правая печать» и что «сейчас правой печати уже не приходит в голову доказывать, что в Советском Союзе не существует литературы»¹⁹². Противопоставление советской литературе литературы русской эмиграции не уходит и в статьи Вайля начала 1930-х гг. Так в 1932 г. в обобщающей статье, посвященной 15-летию советской литературы, Вайль откровенно смеется над эмиграцией и победно утверждает первенство советского литературного творчества: «Это началось оханьем:

¹⁹⁰ Weil J. Výstava ruské emigrantské knihy. (Pondělní noviny 16.6. 1924) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 145.

¹⁹¹ Weil J. Literární poznámky k desetiletí... S. 172.

¹⁹² Weil J. Literární poznámky k desetiletí Říjnové revoluce, otázka emigrantské literatury. (Nové Rusko, leden 1928) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 173.

“Проклятие вам, большевики!”, – кричал Андреев. “Конец русской литературы!”, – хором кричали Бунин, Мережковский, Зинаида Гиппиус, к ним присоединились порнографист Арцыбашев и прогрессивный сентименталист Чирков. Оханье перешло в плач, когда оказалось, что Россия достаточно спокойно обойдется без этих писателей. Они так долго кричали о загубленной русской литературе, что однажды проснулись и обнаружили, что уже не могут писать по-русски, что погрязли в эмиграции, что ничего не знают о современной России. Тем временем выросшая и окрепшая советская литература переведена на все языки и жадно читается также и русскими эмигрантами»¹⁹³.

При всем этом важен и еще один момент: если в 1920-е гг. советская культура для Вайля – только антитеза европейскому капиталистическому обществу, то в 1930-е гг. она воспринимается им как форпост против фашизма, набирающего силу в Европе. В статье «Советская литература и Запад» (1933) Вайль подчеркивает, что «все советские писатели с 1917 г. были включены в гитлеровские черные списки, их произведения сжигались, были выброшены из библиотек»¹⁹⁴. Для Вайля также важно показать, что и советские писатели осознают эту свою роль: «Как отвечают советские писатели на это отношение фашистских правительств? Мы горды – ответили советские авторы, – что наши произведения составили четвертую часть всех книг, сожженных хакенкройцлеровскими варварами (hakenkreuz – свастика – А.Г.). И это действительно очень интересно, что жесткое притеснение советской литературы фашистскими правительствами помогло советским писателям еще больше осознать европейскую роль советской литературы, ее сегодняшнее первенство в Европе...»¹⁹⁵.

¹⁹³ Weil J. Patnáct let sovětské literatury. (Tvorba 3. A 10. 11. 1932) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 675.

¹⁹⁴ Weil J. Sovětská literatura a Západ ... S. 685.

¹⁹⁵ Ibid. S. 685–686.

2.3. О динамике советского литературного процесса

Анализируя весь комплекс текстов Вайля о советской литературе, можно сказать, что, несмотря на значительные сложности, связанные с получением информации и ее интерпретацией, Вайлю удастся правильно расставить основные вехи литературного процесса, указать на его основные проблемные места. Следуя за Вайлем, его видением и его оценками, мы попытаемся передать его точку зрения, проследить его логику мышления, оценить все это с позиции современности. При этом в данной реконструкции неизбежно придется совмещать как моментальные суждения Вайля изнутри самой социокультурной ситуации эпохи, так и его более поздние оценки, изложенные в обобщающих текстах второй половины 1930-х гг. Эти суждения и оценки будут представлены в хронологическом порядке согласно вектору движения истории.

В самом начале своих наблюдений за советской литературой Вайль отмечает, что литературный процесс в СССР есть нечто действительно серьезное, живое, касающееся всех граждан. В своем путевом дневнике, посвященном первой поездке в СССР в 1922 г.,¹⁹⁶ Вайль рассказывает о том, как стал очевидцем бурной дискуссии левого фронта с имажинистами: «Самый большой зал дома Профсоюзов (Дома Союзов – А.Г.), в который, наверное войдет вдвое больше, чем в зал в Жофине¹⁹⁷, был полностью забит. Преобладала молодежь и рабфаковцы, студенты из рабочих университетов. Встреча началась страшным криком. Приверженцы левого фронта, которых было большинство, заняли места впереди и захватили председательство. Организаторы протестовали, но вынуждены были смириться. Так началась бурная встреча, гораздо более оживленная, чем у нас политические встречи, хотя речь здесь шла о чисто литературном споре, об “искусстве как образе”. Выступали ораторы за и против. Поэт-имажинист Мариенгоф был перебит

¹⁹⁶ Weil J. Rusko na podzim 1922. Cestovní deník. (Komunistický kalendář na rok 1924 (1924))// Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 53–69.

¹⁹⁷ Дворец Жофин на Славянском острове в Праге.

криками, некий унанимист был снят со сцены, а какому-то неоклассику пришлось сбежать через задний выход. Встреча продолжалась громкими выкриками и пылкими речами прямо до полуночи, пока управление дома Профсоюзов не приказало выключить свет, и продолжалась бы до утра во тьме, если бы их не разогнала милиция. Это только малый пример того, как живет Москва, и с ней целая Россия, культурной жизнью»¹⁹⁸. Таким образом, увиденное и услышанное Вайль воспринимает как иллюстрацию того, насколько интенсивна литературная жизнь в СССР и в целом духовный поиск советского общества, потрясенного революцией.

В статье «Литературная политика русской коммунистической партии» (1925) Вайль фиксирует появление значимой резолюции ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года¹⁹⁹. Эту резолюцию Вайль оценивает позитивно и цитирует пункт, который, по его мнению, становится гарантом разумных взаимоотношений литературы и политики: «В классовом обществе нет и не может быть нейтрального искусства, хотя классовая природа искусства вообще и литературы в частности выражается в формах, бесконечно более разнообразных, чем, например, в политике»²⁰⁰. Вайль расшифровывает, выделяя курсивом наиболее значимую, с его точки зрения мысль: «Этим пунктом определено отношение российской коммунистической партии к литературе. Признается, что литература и искусство являются идеологической надстройкой, которая *управляется собственными законами, что на литературу не может быть механически наложено все, что годится для политики*»²⁰¹. Для Вайля важно подчеркнуть, что именно такую позицию в отношении литературы занимал и сам Ленин: «Конечно, резолюция партии справедлива. Ленин при всякой возможности защищал известный

¹⁹⁸ Weil J. Rusko na podzim 1922... S. 59.

¹⁹⁹ Была опубликована в «Правде» и «Известиях» 1 июля 1925 года.

²⁰⁰ Weil J. Literární politika ruské komunistické strany. (Avangarda, červen 1925) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 149.

²⁰¹ Ibidem.

*суверенитет и своеобразие литературы, он всегда подчеркивал необходимость учиться, необходимость использовать материал, накопленный поколениями»*²⁰².

Также Вайль отмечает, что аналогичное мнение высказали на майском совещании ЦК РКП(б) «О политике партии в художественной литературе» (9 мая, 1924 г.) важнейшие советские идеологи – Н. Бухарин и Л. Троцкий: «Бухарин в своей речи верно ответил на эти упреки [Воронского – *А.Г.*] релятивистской позицией, утверждая, что литература является сложной вещью, и что ею нельзя управлять с помощью политических декретов, и что существуют разные слои общества, для которых нужны разные писатели»²⁰³; «Троцкий защищает “попутчиков”. Он доказывает, что пролетарским писателям нужно у кого-то учиться форме, доказывает, что “писательство – это искусство”»²⁰⁴. Эта разумная и не однобокая позиция высшего партийного руководства явно импонирует Вайлю, он позитивно оценивает заявления советских политических деятелей о том, что партия не стремится контролировать литературу, уважая ее разнообразие, что «политика партии направлена, скорее, на помощь пролетарским писателям, однако не гарантирует им гегемонию»²⁰⁵. Все это дает Вайлю повод для оптимизма, заставляет верить в прогрессивность взглядов коммунистической партии на литературу. В более поздней статье 1936 г. Вайль, вопреки изменившейся ситуации, по-прежнему подчеркивает важность этой резолюции и указывает, что она обусловила в свое время подъем литературы²⁰⁶.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Вайль пишет об изменениях в советской литературной политике. В статье «Обзор русского литературного сезона 1930-1931» (1931) с небольшим отставанием он фиксирует, что в советской литературе происходят «централизация и объединение писателей

²⁰² *Weil J. Literární politika...* S. 151.

²⁰³ *Ibid.* S. 150.

²⁰⁴ *Ibid.* S. 151.

²⁰⁵ *Ibidem.*

²⁰⁶ *Weil J. Soudobá sovětská...* S. 556.

вокруг Ассоциации пролетарских писателей и ликвидация других литературных объединений»²⁰⁷, создаются «писательские ударные бригады», возникает понятие «соцзаказа», термин «попутчики» заменяется на «союзники», поскольку «большинство бывших “попутчиков” стали частью пролетарских организаций»²⁰⁸. В 1937 г. Вайль так пишет об этом периоде: «С 1928 г. – начала первого пятилетнего плана – уже до нашего времени (1937 г. – А.Г.) – наступает новый период русской литературы [...]. Пятилетний план потребовал мобилизации всех сил как на экономическом, так и на идеологическом фронте. Литература опять становится оружием, опять становится средством агитации, на этот раз во имя великого плана. Ведется жесткая борьба против той части литературы, которая пренебрегает повседневной действительностью, которая хочет избежать ее изображения»²⁰⁹.

Несмотря на то, что Вайль не разделяет агрессивный характер политики рапповцев, вставших во главе пролетарской литературы, в целом идеологические изменения в советской литературе он считает оправданными, закономерными: «После периода расцвета поэзии, после времени нэпа с профессиональными прозаиками Замятиным, Пильняком и школой Серапионовых братьев, приходит период индустриализации и пятилетки с ее лозунгом социального заказа. Здесь могли бы расплакаться проповедники так называемой “свободы” в искусстве. Здесь мог бы проливать слезы Карел Чапек, известный своими полицейскими рассказами о неизменности и доброте нынешнего порядка, над жестокими большевиками, которые хотят дать закон даже искусству»²¹⁰. Вайль одобрительно говорит о новой функции литературы, которая должна свидетельствовать о великом индустриальном подвиге СССР и его граждан, осветить все участки социалистического строительства в

²⁰⁷ Weil J. Přehled ruské literární sezony 1930-1931. (Rozpravy Aventina 15.10. a 19.11.1931) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S.647.

²⁰⁸ Ibid. S. 648.

²⁰⁹ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917-1935) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 654.

²¹⁰ Weil J. Třináctý rok revoluční literatury. (Tvorba 6. 11. 1930) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 414.

огромной стране: «Пятилетний план – грандиозная стройка – больше не требует литературы, которая бы горела революционным восторгом и воспевала в звучных фразах красоту победы. Пятилетний план и “социальный заказ” требуют, чтобы литература принесла новости об отдельных участках борьбы [...]. Сейчас необходимо, чтобы литература приносила новости обо всем Советском Союзе. И именно о тех местах, где разыгрывается самая тяжелая борьба, о далеких захолустьях, которые подталкиваются строительством к новой жизни, об азиатских областях, где рождается новая промышленность, о жизни сельских жителей, о перевороте, коллективизации и о новой деревне, о Донбассе и нефти, о границах, на которых вынюхивает неприятель, об Арктике, которую нужно осваивать для лучшего будущего. Целый сложный процесс изменения страны с примитивной сельской экономикой в страну индустриальную должна отразить литература и должна это сделать средствами, которые есть у нее под рукой. Наивно злиться на “писательские бригады”. Ведь писательские бригады – это только отдельные детали в целой эпопее, более романтической, чем любое изображение душевных переживаний личности, намного более драматичной, чем интриги, придуманные литературным рутинером. Что же, если вся страна в борьбе, важнее “белая горячка цемента” (Пастернак), чем любые словесные игры или игры идей»²¹¹. Пафос строительства новой жизни захватывает самого Вайля, великую цель преобразования мира, которая стала определять литературу, он в этот момент ставит выше утонченной художественной формы: «У сегодняшней русской литературы нет никакого Пруста. Он бы не соответствовал “соцзаказу”. Зато, однако, есть пролетарские писатели, которые могут показать героизм каждодневной жизни»²¹².

В целом Вайль, как это видно из приведенных высказываний, сопереживает новой литературе. В пролетарской поэзии он отмечает

²¹¹ *Weil J. Dnešní ruská literatura. (Žijeme 15. 10. 1931) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 644–645.*

²¹² *Weil J. Třináctý rok revoluční literatury... S. 415.*

творчество таких поэтов, как А. Гастев, В. Александровский, В. Казин, А. Безыменский, А. Жаров, И. Уткин, приветствует он и новые имена советских писателей-реалистов: Ю. Лебединского, А. Фадеева, Ф. Гладкова, Ф. Панфёрова, М. Шолохова и др. Конечно, пролетарская литература имеет для Вайля в большей степени идеологическую ценность, она важна как детище советского мира, пролетарских поэтов и писателей он называет «рупором великих народных масс»²¹³. Однако Вайль пытается обосновать и художественную ее ценность. Вот, например, что он пишет в 1930 г.: «Речь идет о том, что пролетарским писателям удалось создать живую, современную, здоровую, понятную и художественно ценную литературу. Пролетарская литература пошла дорогой художественного репортажа, указанной конструктивистами. Художественный уровень русской литературы не упал, как об этом пели еще несколько лет назад разные благодетели. Только жанр изменился»²¹⁴; «Лозунг “социального заказа” относится к периоду, когда в литературе был отменен лозунг “назад к классикам”, брошенный по ошибке частью пролетарских писателей. На его место приходит литература факта, репортаж, так называемая фактография. Вместо трагедии Анны Карениной приходит репортаж об образцовом разведении свиней, о колхозах, о тракторных заводах. Новые эпопеи складываются не о нежных чувствах любовников, а о росте промышленной цивилизации. Литература в корне меняется»²¹⁵. Новую художественную ценность пролетарской литературы Вайль видит в сближении с литературой факта, а через нее – с самой жизнью, именно это кажется ему прогрессивным, перспективным и авангардным. В том же 1930 г. видно разочарование Вайля, когда он пишет о том, что пролетарские писатели литературу факта осудили: «Если мы приглядимся к реальному творчеству, а не к литературной теории, мы увидим, что литература факта, т.е.

²¹³ *Weil J. Soudobá sovětská...*S. 552.

²¹⁴ *Ibidem*.

²¹⁵ *Ibidem*.

репортажи и романы-биографии имеют гораздо более высокий художественный уровень, чем творчество новых писателей-реалистов»²¹⁶.

Что касается более позднего периода, а именно – второй половины 1930-х гг., то отношение Вайля к пролетарской литературе становится куда более неоднозначным: он старается быть объективным и уже не идеализирует ее, оглядываясь же назад, отмечает: «Писатели РАППа в художественном плане были намного слабее “попутчиков”. Однако им помогала тематика – они изображали современную жизнь, завод и деревню, их стиль был гораздо понятнее, их язык – более народным»²¹⁷.

В статье «Русская литература 1931–1932», Вайль говорит о постановлении партии о роспуске Ассоциации пролетарских писателей и создании Союза советских писателей²¹⁸. Это решение кажется ему закономерным, поскольку для него очевидно, что политика РАППа была агрессивной, РАПП «жаждал гегемонии, своеобразной литературной монополии, административной власти над всей литературой», резко нападал на попутчиков и на авангардное искусство: «Следующей жертвой нового лозунга становится группа ЛЕФ. Но здесь скорее речь шла о том, чтобы РАПП мог обеспечить себе гегемонию и вынудил писателей ЛЕФа, прежде всего Маяковского, вступить в РАПП»²¹⁹. В то же время для Вайля важно донести до европейского читателя, что временные перегибы внутри литературной политики, формальные преобразования институций не отменяют ориентацию

²¹⁶ Weil J. Spory o novou ruskou prózu. (Rozpravy Aventina 22.5.1930) // Weil J. Reportáže a statí 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 202–203.

²¹⁷ Weil J. Osud klasiků v sovětské literatuře. (Přítomnost 15. 12. 1937) // Weil J. Reportáže a statí 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 682.

²¹⁸ 23 апреля 1932 года, ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Документ содержал директиву, согласно которой все писательские организации, существовавшие в первые годы Советской власти, подлежали роспуску. На их месте создавался единый Союз советских писателей.

²¹⁹ Weil J. Osud klasiků... S. 683.

Отметим, что памяти Маяковского, который, конечно, является для Вайля символом революции и нового советского мира, и с которым его связывает личное знакомство, он посвящает несколько отдельных статей: «Маяковский на суде истории», «Спор о Маяковском».

на пролетарское искусство: «Эта резолюция по ошибке была принята за конец ориентации на пролетарскую литературу, однако быстро стало ясно, что это мера, цель которой – еще больше поддерживать пролетарскую культуру. Это не было нападение с позиций идеологии»²²⁰. Как видим, Вайль точно, подробно, фактологично доносит в своих репортажах и литературных обзорах все нюансы и хитросплетения бесконечно далекой от чешского читателя литературной жизни СССР.

В 1934 г. Вайль становится свидетелем знаменитого Первого Всесоюзного съезда союза советских писателей и подробно передает многое, что там происходило и было сказано, в репортаже «После съезда союза советских писателей» (1934). С самых первых строк в репортаже задается пафос, суть которого – утверждение победы коммунистической культуры, ее противопоставление кризисной Европе, где стремительно нарастают фашистские и нацистские настроения и сама культура ставится под вопрос: «Во время, когда сжигают книги, уничтожают культурное достояние, во время, когда по всей Европе раздаются крики о конце культуры и необходимости ликвидировать образование, собрался съезд советских писателей, семнадцать лет спустя после того, как выстрел с Авроры положил начало русской революции. Семнадцать лет спустя после истерических выкриков Андреева, [...], после рыданий Бальмонта и крокодиловых слез западноевропейских культурных специалистов, пишущих научные статьи о гибели великой русской литературы, общество Советского Союза слушало новости о результатах великого культурного усилия так же внимательно, как на съезде партии о каждом новом заводе и новом колхозе. Точно так же с большим вниманием читал доклады съезда пролетариат западной Европы и Америки»²²¹; «Съезд советских писателей собрался в период упадка мещанской культуры, когда мещанство в науке предает свои лучшие традиции, когда оно само уничтожает,

²²⁰ *Weil J. Ruská literatura 1931–1932. (Tvorba 1.6. 1933) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 665.*

²²¹ *Weil J. Po sjezdu spisovatelů sovětského svazu. (Středisko, listopad 1934) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 281–282.*

сжигает и конфискует произведения своих лучших умов и когда наиболее передовые писатели Европы и Америки находят дорогу к пролетариату, как Андре Жид, Джон Дос Пассос, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Андре Мальро и др., или ищут выход в бегстве в словесную игру, мистику и экзотику, как Джеймс Джойс, Эрнест Хемингуэй и др., или в конце концов, теряют всякую цивилизацию и культуру, как Луи-Фердинанд Селин»²²².

Вайль подробно передает речь Карела Радека, который указывает на кризисные явления в европейской литературе – «упадок гуманистических идей и банкротство пацифизма, который пышно расцвел в послевоенное время», симпатии к фашистам²²³. Мысль Радека Вайль продолжает замечанием о чешском культурном климате, где приветствовались речи о человечестве, о человеке вообще, о независимости литературы от классовой и идеологической составляющей и где в кризисные 1930-е гг. появились прямые высказывания за «классовую фашистскую или полуфашистскую» литературу. Вайль приводит в пример чешского критика Мирослава Рутте, риторика которого изменилась в пользу фашистской литературы²²⁴. Вайль говорит и о реакции на съезд на Западе: «Прямо в лицо всему миру высказал съезд словами Радека свой суд о революционной и фашистской литературе. Поэтому нет ничего удивительного, что сразу же раздались нападки мещанских критиков на съезд и на всю советскую литературу. Однако, кроме нападков появилось и удивление перед мощью съезда и искренней самокритикой (советскими деятелями культуры – А.Г.) своей же литературы»²²⁵. Далее Вайль в своем репортаже развивает важную для него мысль о глубокой народности советской литературы в отличие от литературы западной: «Советская литература не является произведением отдельных личностей, не служит крохотной горстке избранных интеллигентов, не является газетной литературой для развлечения. Это литература миллионных читающих масс, литература народа, культурные

²²² Ibid. S. 281.

²²³ Ibid. S. 282.

²²⁴ Ibid. S. 284.

²²⁵ Ibid. S. 285.

требования которого постоянно растут. Если в фашистских странах, например, в Германии, какой-нибудь фюрер Гитлер отдает литературу на произвол Геббельсам и Йостам, которые сжигают и конфискуют, и заодно указывают, что и как кто должен писать, в Советском Союзе литература принадлежит всему населению, всем читающим массам»²²⁶.

Отдельно Вайль подчеркивает многонациональность советской литературы, которой также уделялось внимание на съезде: «Съезд советских писателей не был, однако, только съездом русской литературы. Он был также плодом правильной советской национальной политики, которая помогала творчеству всех народностей бывшей Российской империи, творчеству на всех национальных языках народов Советского Союза, творчеству народов ранее подавляемых, а ныне свободных, которым советское правительство дает возможность развивать свою духовную жизнь»²²⁷. Вайль отмечает, что во время съезда были произнесены доклады об украинской, белорусской, грузинской, армянской, азербайджанской, туркменской, таджикской и татарской литературах.

Передаёт Вайль и все то, что было сказано на съезде в ходе обсуждения метода социалистического реализма²²⁸, транслируя, прежде всего, мнение Горького, который объясняет, что соцреализм отличается от классического реализма бальзаковского типа тем, что нацелен не только на критику реальности, но и на то, чтобы показать социалистические идеалы. Также Вайль цитирует слова Бухарина, передаёт его рассуждения о природе революционного романтизма, который основан не на идеалистической философии и поисках «других миров», а на героической борьбе с неприятелем

²²⁶ Ibidem.

²²⁷ Ibid. S. 286.

²²⁸ О соцреализме см.: Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка: в двух книгах / Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук; ответственный редактор Кофман Андрей Федорович полностью ФИО не надо указывать. Москва: ИМЛИ РАН: Река времен, 2023; Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.

и природой. Приводит Вайль и отрывок из речи А. Жданова: «...революционный романтизм должен входить в литературное творчество, как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества. Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра готовится планомерной сознательной работой уже сегодня»²²⁹.

Отметим, что метод соцреализма, о котором на съезде говорили М. Горький, А. Фадеев, А. Жданов²³⁰, был воспринят Вайлем скорее позитивно, как один из способов отражения реальности, об этом свидетельствует, в частности, то, как он определяет этот метод в обобщающей работе о советской литературе 1937 г.: «Социалистический реализм, как это видно из главных докладов съезда и, в частности, из доклада Бухарина о поэзии, не был определен в узком смысле, этот лозунг не означает предписания определенного стиля и определенных художественных средств, социалистический реализм означает только отношение к реальности, он направлен против всех попыток оторвать литературу от жизни, сделать из литературы набор приемов, никак не связанный с реальностью. Слово “социалистический” означает угол зрения, с которого писатель смотрит на действительность. Ибо действительность, в которой сейчас живет русский писатель, является социалистической действительностью, которую можно

²²⁹ Цит. по: https://prorivists.org/literature_zhdanov/

²³⁰ См. об этом: Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. Москва: Художественная литература, 1934. VI, [2].; Ревякина А.А. К истории понятия "социалистический реализм" / А.А. Ревякина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения / Редкол.: А.А. Алексеев, Б.С. Бугров, А. И. Василевский, и др.; Вступит. статья от редкол. М.: Советский спорт, 2002. С. 36–50.

понять только с социалистической позиции. Требование соцреализма не означает, что от писателя требуется знание теоретических работ социализма, оно означает только, то, что писатель должен жить со своим временем, что он должен художественно изобразить реальные силы, движущие общество. Лозунг соцреализма является, таким образом, рамкой большого литературного движения, которое не имеет права отставать от действительности»²³¹.

Заканчивается репортаж Вайля о Первом всесоюзном съезде советских писателей так же возвышенно, фундаментально, как и начинается: Вайль приводит слова Сталина о том, что литература – это средство борьбы, которое призвано «наполнять бодростью и уверенностью сердца миллионов, служить им радостью и превращать в настоящих наследников всей мировой культуры»²³². Подводя итог, можно сказать, что в этом репортаже о съезде советских писателей Вайлю удастся передать основной смысл декларируемых на нем идей, содержание наиболее ярких выступлений, общий их пафос, по-своему разумно истолковать принципы соцреалистического реализма.

Отдельно хотелось бы сказать об отношении Вайля к писателям-попутчикам. Это важно, поскольку попутчики – как раз те авторы, которых Вайль ценит за художественное мастерство, кто привлекает его своей экспрессионистской поэтикой, использованием техники монтажа, экспериментами с разными формами повествования. Именно на этих писателей Вайль ориентируется впоследствии в своем художественном творчестве. Говоря о попутчиках, Вайль верно оценивает характер их творчества, отмечает, что они не пытались «сбежать от реальности», однако заявляли о праве художника на «особое отношение к реальности», искали «компромисс с реальностью»²³³. При этом «скептический», «критический», подчас «негативный» взгляд попутчиков на советскую действительность заставляет Вайля сохранять определенную дистанцию по отношению к ним.

²³¹ *Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) // Weil J. Reportáže a statí 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 668.*

²³² *Weil J. Po sjezdu... S. 290.*

²³³ *Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935)... S. 642.*

Характерно, что из писателей-попутчиков Вайлю ближе всего те, кто писал о революции (И. Бабель, Б. Пильняк, Вс. Иванов), тогда как Е. Замятин с его романом «Мы» или Ю. Олеша, автор романа «Зависть», остаются ему чужды, прежде всего, идеологически: «Замятину нельзя отказать в таланте, он также имел значительное влияние на молодых “попутчиков”». Однако неприязненное отношение к действительности диктовало ему какое-то ложное направление, его герои не живые, они становятся абстракциями, события, которые он изображает, напоминают математические формулы, его творчество строго рационалистическое, его сюжеты обращаются в схемы. Творчество Замятина является только другой формой бегства от реальности»²³⁴.

В целом по отношению к попутчикам Вайль солидаризируется с советскими идеологическими оценками: «Это были новые люди, но их творчество не было новым, это необходимо понимать. Они были субъективно убеждены, что преданы революции, по крайней мере, большая часть из них была в этом убеждена. Однако на самом деле они шли навстречу новому мещанству, которое возникло в результате новой экономической политики. Нельзя себе это представлять таким образом, что они сознательно ему служили или что сознательно писали для этого слоя, но объективно они были его писателями, пусть они, возможно, думали, что служат революции»²³⁵. Осуждение «попутчиков» пролетарским журналом «На посту» кажется Вайлю закономерным и «здоровым» явлением, хотя он не оправдывает откровенно грубую политику журнала, в результате которой «писателям диктовали, о чем и как им следует писать, а всякое отступление от этих правил считалось пособничеством мещанской идеологии»²³⁶.

Идеализируя ситуацию и не замечая ее драматизма, Вайль стремится показать, что на литературную ориентацию писателей в конечном счете влияет не политика партии, а сам советский читатель: «Миллионные массы,

²³⁴ Ibidem.

²³⁵ Weil J. Soudobá sovětská... S. 551.

²³⁶ Ibid. S. 553.

пробудившиеся от дремоты, которые только во время революции научились читать и писать, мечтают о литературе, требуют, чтобы литература объяснила им новую действительность, ищут в литературе ответы на вопросы, с которыми они сталкиваются в жизни. Любая литература, которая бы избегала современности побегом в надземные выси, была бы отвергнута этим новым читателем»²³⁷. Как отмечает Вайль, «литература “попутчиков” была новому читателю чужда, хотя и выигрывала перед так называемой пролетарской литературой совершенством формы»²³⁸.

В конце концов, Вайль делает вывод: «Поэтому “попутчикам” пришлось искать дорогу к этому новому читателю, и эта дорога опять-таки ведет через новую тематику. Лучшие и самые значительные “попутчики” нашли эту дорогу, хотя это и не было просто, и они сворачивали в разные стороны, однако они пытались найти материал и художественные средства, которые бы могли отвечать эмоциям нового читателя»²³⁹. Так, Вайль отмечает, что М. Шагинян и В. Катаев обратились к теме индустриализации; заслуга М. Зощенко, по его мнению, в том, что он воспроизводит язык «современной русской улицы»²⁴⁰, хотя в целом отстает от действительности, фокусируясь на «маленьких мещанских героях»; Вс. Иванов отходит от экспрессионизма и в своем автобиографическом романе «Приключения факира» изображает жителей сибирской провинции намного более реалистично, нежели в своих ранних повестях о Гражданской войне; К. Федин пишет роман о современности «Братья» и роман о современной России и кризисе в Европе – «Похищение Европы»²⁴¹; Л. Леонов создает схематичный роман «Соть» об индустриализации севера, также обращается к современности в романах «Скутаревский», «Дорога на океан»; Ю. Олеша – решает вечную проблему мечты и реальности также на материале современности. Вместе с тем, в статье

²³⁷ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917-1935)... S. 662.

²³⁸ Ibid. S. 650.

²³⁹ Ibid. S. 662.

²⁴⁰ Ibid. S. 664.

²⁴¹ Ibidem.

1936 г. Вайль отмечает, что там, где происходило механическое приспособление попутчиков к реальности, можно говорить о снижении художественного уровня. Так, например, он оценивает романы Леонова «Соть» (1930) и «Вор» (1927) как «наиболее слабые», говорит также о «механическом приспособлении» стиля Пильняка²⁴².

Вайль не до конца понимает и драматизм дискуссии о формализме в 1936 г.²⁴³ Истории этой дискуссии посвящена его статья «Советские литературные дискуссии» (1936), замечания о ней также содержатся в статье «Новый русский литературный сезон» (1936). В целом Вайль ее воспринимает как этап естественной борьбы за качество литературы. Статью «Советские литературные дискуссии» он начинает тем, что Советский Союз переживает период мощного культурного подъема, читатели становятся все более требовательными, при этом литература не всегда поспевает за интенсивной советской жизнью. Далее Вайль перечисляет претензии советских писателей и критиков к литературе, рассказывает о статье М. Горького «О формализме» 1936 г., где Горький указывает на «определенный провинциализм современной русской романной продукции»²⁴⁴, поскольку она «избегает международные темы, не занимается кровавым боем пролетариата Европы против фашистов»²⁴⁵, «для советского писателя будто не существует жизнь, борьба, работа, а также культура остальных пяти шестых глобуса»²⁴⁶. Другие критики, по словам Вайля, жалуются на неспособность советской литературы убедительно показать «перемену человеческого сознания и создания нового человека», на то, что большая часть писателей пользуется схемами и готовыми клише, как, например, это чувствуется в романе И. Эренбурга «Не переводя дыхания», романе В. Иленкова «Солнечный город».

²⁴² Weil J. Soudobá sovětská... S. 557.

²⁴³ Материалы дискуссии собраны в книге: Против формализма и натурализма в искусстве. Сборник статей и материалов / сост. В. Малик. Ташкент: Узпрофиздат, 1936.

²⁴⁴ Weil J. Sovětské literární diskuse. (Praha-Moskva, duben 1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 585.

²⁴⁵ Ibidem.

²⁴⁶ Ibidem.

Вайль слышит критические замечания относительно писательской среды, звучащие во время дискуссии, и передает их содержание, никак не рефлексировав на их счет: «Нигде в мире писателю не открывается столько возможностей, как в Советском Союзе. Высокое положение советского художника часто приводит к лени и творческой неповоротливости, как констатировал Горький и даже председатель комсомола А.В. Косарев. Из-за этого появляются разные безумства, о которых писал Горький в статье “О литературных развлечениях”»²⁴⁷. Приводит Вайль и критическое мнение М. Шагинян относительно непоследовательности советской критики, которая то возвеличивает авторов, приравнивая их к Гёте, Бальзаку и Шекспиру, то признает литературным браком и контрреволюционной контрабандой или сентиментальным кичем²⁴⁸. Именно из этой почвы недовольства качеством литературы, по мнению Вайля, рождается дискуссия о формализме и натурализме. Вайль подробно описывает литературные дискуссии в Союзе советских писателей, пытается передать основные тезисы их участников, подробно передает дискуссию Пастернака с его оппонентами²⁴⁹.

При этом нужно признать, что литературные предпочтения самого Вайля не меняются от перемены идеологического климата, он с сочувствием относится к осужденному в ходе дискуссии Пастернаку, сравнивает его травлю с травлей Маяковского во времена существования РАППа и отмечает, что дискуссия «по ошибке зашла слишком далеко и частично превратилась в

²⁴⁷ Ibid. S. 591.

²⁴⁸ Ibidem.

²⁴⁹ По-видимому, речь идет о двух заседаниях в Союзе писателей в Москве 10 и 13 марта 1936 г. На втором заседании присутствовал Б.Л. Пастернак и выступил со смелой речью, защищая многих причисленных к формалистам писателей и критикуя жесткий неуместный в писательском сообществе тон дискуссии. См. об этом: Б.Л. Пастернак: pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике: антология / Северо-Западное отделение Российской акад. образования, Русская христианская гуманитарная акад.; [сост.: Ел. В. Пастернак, М.А. Рашковская, А.Ю. Сергеева-Клятис]. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2012. Т. 1. 2012. С. 680–682.; Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. С. 516–520.

травлю отдельных деятелей искусства»²⁵⁰. Также Вайль констатирует размытость выдвигаемых во время дискуссии требований: «В дискуссии было подчеркнуто требование народности и доступности литературы, правда об этом требовании и велись самые горячие споры, поскольку трудно определить, что это в условиях, когда это понятие меняется в той мере, в какой растет культурный уровень широких народных масс»²⁵¹. Пишет Вайль и о том, что дискуссия политизируется и доходит до абсурдного – писатели сами себя начинают обвинять в формализме. В то же время Вайль подчеркивает, что дискуссия представляет собой диалог, где критики и литераторы друг с другом спорят, не соглашаются, но стараются таким образом найти правильный путь. Он приводит, например, слова польско-советского писателя Бруно Ясенского, автора романа-утопии «Я жгу Париж»: «Формализмом якобы сегодня в советской печати называется все, что можно, импрессионизм и кубизм, Эренбург и Пастернак. Все брошено в один мешок – формализм»²⁵².

В конце статьи «Советские литературные дискуссии» (1936) Вайль слишком оптимистично подводит итог: «Посредством дискуссии о формализме и натурализме советская литература провела обстоятельную самокритику, советские писатели сами сказали друг другу, что у них есть недостатки. Точная самокритика является началом дороги, ведущей к искусству, которое было бы действительно достойно великой социалистической действительности Советского союза»²⁵³. В статье «Новый русский литературный сезон» (1936) читаем: «Бесспорно, что дискуссия имела положительные результаты, пробудила большой интерес к богатству фольклора, провела резкую критику плохой работы отдельных писателей, дала установку на борьбу против халатности и использования великой культурной революции и огромного интереса широких слоев населения к литературе для

²⁵⁰ Weil J. Sovětské literární diskuse. (Praha-Moskva, duben 1936)... S. 586.

²⁵¹ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935)... S. 670.

²⁵² Weil J. Sovětské literární diskuse. (Praha-Moskva, duben 1936)... S. 596.

²⁵³ Ibid. S. 598.

материального обогащения писателей»²⁵⁴. В статье «Новый русский литературный сезон» (1936) Вайль говорит, что осуждению подвергся уже сам критик А.П. Селивановский, который был во главе нападков на Пастернака во время минской и московской дискуссий, большинство советских критиков осудили его книгу о советской поэзии за поверхностность и небрежное использование терминологии, позже он был исключен из Союза писателей вместе со своими сторонниками за участие в троцкистском заговоре²⁵⁵.

В конце концов, Вайль утверждает, что последствия дискуссии о формализме были преувеличены, и что последнее слово все равно принадлежит советскому народу, который способен отличить хорошую литературу от плохой, тенденциозной и схематичной. Он рассказывает о том, как рабочие на поэтическом вечере на Заводе им. Сталина резко высказались против стихов Безыменского, Голодного и Алтаузена: «Рабочие прямо заявили, что им предлагают клише, что в стихах нет ни чувства, ни глубокой мысли»²⁵⁶. При этом, как отмечает Вайль, имели успех стихи Кирсанова и Асеева. Вайль победно утверждает: «Ну что же, каждый, наверное, знает, что кроме Пастернака на минской и московской конференциях²⁵⁷ больше всего нападали на Кирсанова и Асеева. Сейчас рабочие бурно приветствуют “формалиста” Асеева, просят его, чтобы он снова пришел декламировать к ним прямо на завод, а о Безыменском, который тогда резко выступил в дискуссии и обвинял Пастернака, Кирсанова и Асеева в непонятности, никто из рабочих не желает слышать, хотя он выступил с агитационным стихом “Партизан Евлаха”, а Асеев с поэмой “Маяковский”. Подобных историй собралось уже несколько, и

²⁵⁴ Weil J. Nová ruská literární sezona. (Literární noviny 20. 11. 1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 606.

²⁵⁵ Ibid. S. 605.

Речь идет об А.П. Селивановском, который являлся видным деятелем РАППа, литературным критиком, журналистом, выступал в печати с критикой Б.Л. Пастернака, Н.С. Гумилёва, М.А. Шолохова, в 1936 г. издал сборник «В литературных боях», а также книгу «Очерки по истории русской советской поэзии», в 1938 г. был репрессирован.

²⁵⁶ Ibid. S. 609.

²⁵⁷ Вайль имеет в виду 3-й Пленум Союза советских писателей в Минске 10–16 февраля 1936 г. и собрание в Центральном доме литераторов в Москве 10–31 марта 1936 г.

они вынуждают поразмышлять о том, кто, собственно, “формалист”: Безыменский или Асеев, стихотворением которого восхищается главный советский читатель - рабочий»²⁵⁸.

Другая важная проблема советской литературной политики, как отмечает Вайль, – отношение к западной литературе. Вайль фиксирует сложные отношения притяжения-отталкивания, которые развиваются в течение двух межвоенных десятилетий по отношению к западной литературе. С одной стороны, в рамках концепции народного просвещения признается и печатается классика европейской литературы (издательство и одноименная серия книг «Всемирная литература» под руководством М. Горького²⁵⁹). Также переводится и издается современная литература. В 1932 г. Вайль отмечает: «...сейчас на пороге второй пятилетки особое внимание уделяется литературному образованию. Был переведен “Улисс” Джойса, большой популярностью пользуются американские авторы – Ш. Андерсон, Т. Драйзер, С. Льюис, из французской литературы переводятся А. Жид и Б. Сандрар и др. Опять растет большой интерес к европейской литературе»²⁶⁰. В 1936 г. Вайль отмечает, что в СССР читают таких зарубежных авторов, как Гёте, Шекспир, Бальзак, Стендаль, Жид, Пруст, Джойс, Селин, Низан, Мальро, Мориак, Фейхтвангер, Бредель, Ольбрахт²⁶¹. В то же время Вайль отмечает непоследовательность советской критики в отношении к западным писателям:

²⁵⁸ Weil J. Nová ruská literární sezona... S. 610.

²⁵⁹ См. об этом подробнее: *Хлебникова Л.М.* Из истории горьковских издательств: «Всемирная Литература» и «Издательство З. И. Гржебина». [Электронный ресурс] URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/iz-istorii-gorkovskih-izdatelstv-vsemirnaa-literatura-i-izdatelstvo-3-i-grzebina/> (дата обращения: 26.09.2025).

Ариас-Вихиль М.А., Полонский В.В. История издательства «всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum* / 2020 том 5, № 4. [Электронный ресурс] URL: https://studlit.ru/images/2020-5-4/Arias-Vikhil_Polonsky.pdf (дата обращения: 26.09.2025).

Список изданных книг по годам можно найти на сайте издательства: <https://vsemirka-doc.ru/izdaniya/knigi>

²⁶⁰ Weil J. Ruská literatura 1931-1932. (Rozpravy Aventina 3.11.1932) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 666.

²⁶¹ Weil J. Sovětská próza 1935. (Literární noviny 19.6. a 17.7.1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 599–600.

«Случается, что в одном и том же журнале мы вначале читаем похвалу на произведения Хемингуэя, [...] как точно, определенно и кратко он умеет выразить малейшие психологические состояния, похвалу его мастерству, а в следующем месяце мы читаем резкий выпад, статью, в которой Хемингуэя провозглашают вредителем-декадентом, богемным нигилистом и бог знает кем еще»²⁶².

Вайль передает дискуссии, относящиеся к отдельным писателям, несколько статей, в частности, посвящены отношению к Дос Пассосу: «Споры о Джойсе и Джоне Пассосе», «Джон Пассос и советские читатели» (1936) «Джон Пассос и проблемы советской литературы» (1936)²⁶³. Вайль негативно оценивает выпады радикального критика Д.П. Мирского и одновременно подчеркивает, что побеждает здравый смысл, носителем которого является советский народ: «Действительно очень любопытно, что защитником Джойса и Джона Пассоса становится моряк Вишневский, который пришел в литературу прямо из окопов, а противником стал бывший князь, профессор Оксфордского университета [Мирский – А.Г.]»²⁶⁴.

Вайль всегда прекраснодушно подчеркивает, что на литературную ситуацию оказывает влияние вкус советского читателя, за ним остается окончательная справедливая оценка: «Однако Хемингуэя читают и любят в широких читательских кругах за умение писать, нынешний советский читатель не может простить, скажем, Гладкову, его стилистическую неотесанность, его бедный язык и бесцветное изображение. Здесь не спасает сила и большая правдоподобность новой тематики, в которой советские писатели превосходят западноевропейских, советский читатель не зря читал

²⁶² Weil J. Nová ruská literární sezona... S. 609.

²⁶³ По поводу Дос Пассоса и Джойса в первой половине 1930-х гг. также возникла дискуссия. См. о ней: Гюнтер Х. Отношение к модернизму. Дискуссия о Дос Пассосе и Джойсе // Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования: в 2 т. Т.1 / под ред. Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого и М. А. Литовской. М.: Издательский центр «Академия», 2014. С. 34–39.

²⁶⁴ Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři. (Čin 9.4. 1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 576.

русских и западных классиков и способен сравнивать даже без научной критики. Он способен оценить новую тематику, ведь он живет в той же действительности и теми же интересами, как и писатель, но хочет, чтобы советский писатель умел писать. Об этом свидетельствуют опросы и выступления читателей. Таким образом, понятно, что нельзя удовлетвориться пренебрежительным отрицанием западноевропейской современной литературы, которую поддерживала часть критиков и писателей»²⁶⁵. Также Вайль говорит о том, что вся советская критика протестовала против бессмысленной дискуссии о Л. Фейхтвангере, которую организовали ленинградские писатели²⁶⁶.

Вайль также описывает столкновение диаметрально противоположных точек зрения на западноевропейскую литературную традицию. С одной стороны, это стремление отмежеваться от западной традиции, которое провозглашали писатели-рапповцы в 1920-е гг., а в 1930-е гг. против подражания западной литературе выступал также вернувшийся из Лондона критик Д. Мирский. Вторая тенденция, напротив, связана с лозунгами следовать европейской литературе, которые присутствовали в статьях В. Шкловского, Л. Лунца. Отношение самого Вайля к влиянию европейской литературы на советскую сложное, часто противоречивое. В своих статьях 1920-х гг., он стремится отделить советскую литературу от западной, указать на ее уникальный путь: «Революция установила барьер между двумя литературами: русская идет своей дорогой, а европейская – своей. Однажды они встретятся, но до этого еще далеко»²⁶⁷; «Новая русская проза отдаляется своим поиском формы от западноевропейской. Однако, чем больше она отдаляется, тем интереснее она становится для западноевропейского

²⁶⁵ Weil. J. Nová ruská literární sezona... S. 609.

²⁶⁶ Weil. J. Nová ruská literatura a Západ // Weil. J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 628.

²⁶⁷ Weil. J. Ruská revoluční literatura... S. 561.

читателя»²⁶⁸. Советскую литературу Вайль в 1925 г. называет «антитезой» по отношению к европейской²⁶⁹.

О западной литературе в 1920-е гг. Вайль судит довольно категорично, так, в «Статье о новой русской прозе» 1925 г. он пишет, что «западная литература дальше идет традиционной дорогой», то есть держится за фабулу и психологизм, уже исчерпавшие себя в художественном плане: «Когда кинематографу удастся гораздо лучше использовать фабулу, чем самой красивой прозе, когда психологический анализ потерял свою притягательность и становится достоянием бульварного романа, западноевропейская проза продолжает механически идти старым путем»²⁷⁰. При этом отметим, что позиция Вайля не является лишь идеологической, в его рассуждениях видно знание европейской литературы: «...нельзя отрицать, что в западноевропейской литературе делаются и делались попытки найти новые художественные методы в прозе. Мы видели, как быстро вспыхнули и погасли рассказы Эдшмидта, Кёльвела и других немецких экспрессионистов. Так же угасли попытки дадаистов. Французский сюрреализм в прозе угасает. Разве “Большой разрыв” Кокто не является традиционным романом? Разве Доржелес перешел границу психологического романа? И “Три Дон Жуана. Сидящая женщина” Аполлинера, например, разве приносит новые тенденции, разве она не является немного подобием Бальзака, немного Франса? Можно сказать, что не ищутся цельные художественные методы, только сюжет. Поль Моран тому примером»²⁷¹. В целом Вайль в это время считает, что массовая западная литература может предложить лишь авантюрные романы. Характерно и то, что из русских писателей Вайль упрекает И. Эренбурга в следовании западной литературной моде в ее худших вариантах, а также замечает непродуктивность обращения к приключенческому роману Вс. Иванова.

²⁶⁸ Weil. J. Nová ruská literatura a Západ... S. 630.

²⁶⁹ Weil J. Stať o nové ruské... S. 576.

²⁷⁰ Weil J. Nová ruská literatura a Západ... S. 629.

²⁷¹ Weil J. Stať o nové ruské... S. 598.

В 1930-е гг. Вайль уже не так радикален, в обобщающей работе 1937 г. он пишет: «Само собой разумеется, что советская литература местами не может избежать влияния западноевропейской литературы. Так, например, мы замечаем у некоторых писателей, таких как В. Катаев, Е. Габрилович значительное влияние Джона Дос Пассоса, однако это влияние не сравнимо с тем влиянием, которое оказывали французские парнасцы и декаденты на русскую литературу периода символизма»²⁷². В статье «Джон Дос Пассос и советские читатели» Вайль даже указывает на формальное превосходство западной литературы: «Выяснилось, что упущение формы и нежелание учиться у западноевропейских писателей вело к схематичным произведениям, художественно неубедительным, которых появилось великое множество в современной советской литературе»²⁷³.

В целом Вайль старается подчеркнуть, что советская литература не стремится искусственно отгородиться от влияний западной: «Но давайте посмотрим, какие книги достигли за последние годы наибольшего успеха, который констатировала вся советская печать: это новый роман В. Катаева, того самого Катаева, за которого как раз хлопотал Шкловский как за писателя, следующего западноевропейской традиции, и новый роман П. Павленко, того самого Павленко, на которого за книгу «Баррикады» нападали как на экспериментатора и о котором в свое время провозгласил Мирский, что он, вероятно, является единственным учеником Джойса в России. Если не Джойса, то, по крайней мере, Бориса Пастернака. Для традиции новой русской литературы именно это является характерным»²⁷⁴. В 1936 г. Вайль приходит к синтезу: «В конце концов, единственным возможным критерием для марксистского критика является практика, которая показала, что именно взаимные отношения и влияния способствуют обогащению обеих литератур, как западноевропейской, так и советской, причем интересно, что влияние

²⁷² Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935)... S. 673.

²⁷³ Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři... S. 582.

²⁷⁴ Weil J. Osud klasiků... S. 691.

советской литературы по преимуществу тематическое, тогда как влияние западноевропейской литературы на советскую – эстетическое»²⁷⁵.

Важным для Вайля является и еще одно соотношение – он подчеркивает, что советская литература парадоксальным образом становится наследницей и хранительницей европейской культуры. Эта мысль появляется у него уже в статье 1927 г. «Новая русская литература и Запад», где советскую прозу он называет «лидером революционной литературы и одновременно наследницей великой европейской литературы»²⁷⁶. В заметке 1933 г. «Советская литература и Запад» он пишет: «Присмотритесь к очень интересным явлениям: юбилей Гегеля был наиболее широко отмечен в Советском Союзе, и там же больше всего читают его работы. О Стендале в европейской печати выходили статьи в газетах, а в Советском Союзе – книги. Юбилей Спинозы был отмечен в Европе очень мало, а в Советском Союзе стал крупным культурным событием, по случаю которого вышло несколько книг, тысячи статей в прессе, проводились лекции. В то время, когда мещанская культура в Европе отказывается от ценнейшей части культурного наследия великой культуры XVIII и XIX вв., Советский Союз его приветствует с распростертыми объятиями, заботливо его изучает, развивает и старается на него опираться. Советский Союз становится не только центром самой развитой европейской техники, но также и центром европейской мысли. И это в корне меняет смысл советской культуры и ее мировое значение. Советская литература отдает себе отчет в этом новом статусе. Отсюда и это “оевропеивание”, новые темы в советской литературе, опора на европейскую культурную традицию»²⁷⁷.

В 1930-е гг. Вайль пишет о романе К. Федина «Похищение Европы», который, по его мнению, помогает объяснить концепцию нового отношения к Европе: «Дореволюционная история России – это копирование Западной Европы, слепое подражание Европе. Новая история России – это похищение

²⁷⁵ Weil J. John Dos Passos a sovětští čtenáři... S. 584.

²⁷⁶ Weil J. Sovětská literatura a Západ... S. 689.

²⁷⁷ Ibid. S. 686–687.

Европы, похищение ее наиболее передовых идей в интересах строительства новой европейской культуры»²⁷⁸. Вайль отмечает, что Федин и ряд других писателей обращаются к европейской проблематике. Например, Н. Тихонов в романе «Война» затрагивает тему химического оружия на Первой мировой войне, рассуждает о роли науки, которая служит уничтожению людей. Отдельно выделяет Вайль роман Павленко «Баррикады», посвященный Парижской коммуне: «В западноевропейской литературе, даже и во французской, такой роман не был написан. Были только полные ненависти нападки на Коммуну, в которых особенно отличился Дюма-младший и В. Серж, или либерально-гуманистическое отношение к Коммуне, которое проявили Эмиль Золя и Виктор Маргерит. Однако только советский писатель написал в беллетристической трактовке настоящую историю Коммуны, смог оценить ее во всей полноте, при этом на основании марксистского разбора истории Коммуны, прежде всего труда Ленина “Государство и революция”»²⁷⁹. Другая обширная статья Вайля посвящена известному роману А. Виноградова «Три цвета времени», который действительно стал первой и единственной романизированной биографией великого французского классика Стендаля. Интересно, что Вайль любит находить парадоксальные и выразительные примеры, показывающие, как европейские формы приобретают новое содержание в советских реалиях: «Недавно вышла книга пролетарского писателя под названием “Красное и черное” с цитатой из Стендаля. Это репортаж о сборе зерна»²⁸⁰.

Освещая важнейшие дискуссии советской литературы, Вайль не проходит мимо проблемы отношения к классикам, которых на словах то отменяют, то предлагают им неотступно следовать. Так, например, в 1929 г. Вайль, можно сказать, ретроспективно оценивает эту проблему, отмечая, что искусственно создаваемые стратегии порой заводили советскую литературу на

²⁷⁸ Weil. J. Osud klasiků... S. 687.

²⁷⁹ Ibid. S. 689.

²⁸⁰ Weil J. Třináctý rok revoluční literatury... S. 415.

ложный путь: «Группа писателей вокруг журнала “На литературном посту” выдвинула тогда (Вайль говорит о середине 1920-х гг. – *А.Г.*) лозунг “назад к Толстому”. Этот лозунг, по своей сути бессмысленный, как оказалось позднее, имел в какой-то степени влияние на общество. Нужна была основательная социологическая критика в юбилей Толстого, чтобы доказать, что так называемое возвращение к Толстому означает реакцию, как со стороны формальной, так и содержательной»²⁸¹. Меняющееся идеологизированное отношение к классикам Вайль описал со всей полнотой в статье «Судьба классиков в советской литературе» (1937)²⁸². Её первая часть называется «Революция, футуристы, Пролеткульт», и здесь Вайль говорит о том, что в первое постреволюционное время существовали две концепции отношения к классике. Тогда как Ленин и Горький ратовали за просвещение народных масс через классику, русские футуристы и пролеткультовцы выступали резко против, стремясь, как известно, сбросить классиков с «парохода современности», что им сделать, естественно, не удалось.

Вторая часть статьи названа Вайлем «Классики как оружие против литературы “попутчиков”», здесь Вайль говорит о Л. Авербахе, теоретике РАППа, который утверждал, что реализм является «той самой литературной школой, которая ближе всего материалистическому художественному методу»²⁸³, из чего вывел расплывчатый лозунг: «Назад к классике». Последняя часть называется «Классики как выход» – о том, что классика все равно так или иначе взяла свое, вошла в жизнь советских читателей – как образец высокой литературы, а также независимо от всех мнений и дискуссий стала основанием для современной советской литературы.

Вайль также формулирует свое мнение относительно генезиса новой русской-советской литературы. Для него очевидна непрерывность русской

²⁸¹ *Weil J. Alexandr Fadějev: zkázka oddílu Levinsonova. (Nové Rusko, listopad 1929) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 399.*

²⁸² *Weil. J. Osud klasiků... S. 676.*

²⁸³ *Ibid. S. 683.*

литературной традиции²⁸⁴, живая связь советской литературы с классикой: «Создавать новую литературу, не используя старой традиции, перескочить этапы развития и создать совершенно другую литературу как со стороны формальной, так и со стороны содержательной, – вещь невозможная и бессмысленная, как показал опыт с “пролетарской” литературой во времена Пролеткульта. Новая русская литература, таким образом, прежде всего вырастает из традиций старой классической, поскольку эти традиции наиболее питательны. Однако это не означает, что новой русской литературе следует застыть в этих традициях. Эти формальные традиции являются лишь мостом к дальнейшему развитию»²⁸⁵. Свое мнение Вайль подтверждает словами Д. Лукача, много писавшего о советской литературе: «Традиционный русский реализм может быть только мостом, как утверждает известный литературовед Д. Лукач»²⁸⁶. Приводит Вайль в качестве доказательства своей правоты и мнения других современных исследователей, видящих в русской словесности преемственность: «Новейшие историко-литературные работы доказали существование прямой связи творчества Пушкина и Маяковского. Маяковский гораздо ближе Пушкину, чем все, кто размахивает его именем»²⁸⁷. В то же время Вайль не согласен с Д. Мирским в том, что дорога новой русской литературы идет напрямую от традиционного реализма русских классиков. По мнению Вайля, «из традиций старой литературы сохранились те, которые были питательны и отвечали новому социальному основанию»²⁸⁸. Одной из таких безусловно «питательных» традиций он признает русскую модернистскую литературу: «нельзя вычеркнуть большой период – период декаданса и символизма из русской литературы»²⁸⁹. Акмеизм, по мнению

²⁸⁴ О связи советской литературы с литературой дореволюционной пишет Е.Б. Скороспелова, см.: *Скороспелова Е.Б. Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х годов.* Москва: Изд. МГУ, 1979.

²⁸⁵ *Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) ...* S. 674.

²⁸⁶ *Weil J. Smrt Gorkého a otázka klasického dědictví v sovětské literatuře. (Útok 1. 8.1936) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 357.*

²⁸⁷ *Weil. J. Osud klasiků... S. 684.*

²⁸⁸ *Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) ... S. 671.*

²⁸⁹ *Ibidem.*

Вайля «перешел на других основаниях в поэзию Прокофьева, Тихонова, Саянова»²⁹⁰. Очевидна также и связь прозы символистов с прозой «попутчиками»: «Белый и Ремизов оказали значительное влияние на последующую прозу так называемых попутчиков уже после революции, хотя их произведения потеряли читателя и были осуждены на забвение в период революции»²⁹¹; «Революционные годы означают падение так называемого реалистического метода. Хотя реалистический метод умирал еще до войны, однако он имел достаточно сильные корни. Только революция, которая уничтожила старый порядок, доказала неспособность реалистического метода отобразить новую реальность. На место писателей-реалистов приходят, в первую очередь, писатели, которые продолжают символистскую прозу. Из них самым показательным является Борис Пильняк»²⁹².

При этом отметим, что русский символизм ценен для Вайля именно как этап, обогативший русскую литературу, предложивший ей новые средства выразительности, однако сама по себе символистская литература не видится ему какой-то вершиной, напротив, он пишет о том, что именно революция помогла преодолеть этот тупиковый вариант развития, говорит о плодотворном влиянии революции на литературу, подчеркивает, что именно революция вдохнула в нее жизнь, сделала ее по-настоящему современной, помогла ей преодолеть идейный и эстетический кризис. Этой мыслью Вайль начинает «Статью о новой русской прозе»: «... символисты выполнили историческую роль – показали русской новой прозе новые пути, вывели её из тупика реалистического шаблона. Однако символисты после уничтожения реалистического шаблона – уничтожения, которое дало русской литературе такие произведения, как “Петербург” Белого и “Крестовые сестры” Ремизова, – совершили другую ошибку, создали свой шаблон, свои неизменяемые статические законы, которые сжали их прозу и не давали ей возможности

²⁹⁰ Ibidem.

²⁹¹ Ibid. S. 624.

²⁹² Weil J. Dnešek ruské literatury. (Nová svoboda 18. 3. A 15. 4. 1926) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 611.

развития»²⁹³. В статье «Русская революционная литература» пишет о том же: «Революция застала русскую литературу в период кризиса. Основное направление, символизм, разлагался, а новое направление, футуризм, не дал в это время ничего, кроме теоретических статей и пустых манифестов [...]. Литература была вынуждена стать словоплетением и формальным жонглерством. Революция, огромное социальное потрясение, моментально избавляет от кризиса и освобождает литературу из заключения в правила и формулы, приближает ее к жизни»²⁹⁴.

Таким образом, в своих статьях, посвященных литературной жизни СССР 1920-х – начала 1930-х гг., Вайль последовательно воспроизводит все те процессы, которые организуют, направляют и формируют жизнь советских писателей и развитие советской литературы. В фокус зрения Вайля попали, в частности, такие события, как резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г.; образование и роспуск РАППа; Первый Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 г. и обоснование метода «социалистического реализма»; дискуссии о формализме и натурализме 1930-х гг.; взаимоотношения пролетарских писателей и попутчиков; влияние «литературы факта» на пролетарских писателей; споры об отношении писателей и читателей к русской классике и западноевропейской литературе. При этом Вайль выступает не только в качестве журналиста-обозревателя, но и в качестве профессионального филолога, историка литературы, который, обобщая, сопоставляя и комментируя различные факты, события, явления, имена, стремится составить целостную объективную картину советского литературного процесса, выявить внутреннюю логику его развития.

Оценивая сегодня этот корпус текстов Вайля, можно сказать, что чешскому писателю действительно удалось рассмотреть главные события советского литературного процесса 1920–1930-х гг. Вместе с тем видение

²⁹³ *Weil J. Stat' o nové ruské...* S. 565.

²⁹⁴ *Weil J. Ruská revoluční literatura...* S. 513.

Вайля порой можно назвать спрямленным, а оценки излишне оптимистичными прежде всего в силу того, что он, иностранец и человек своего времени, не мог оценить сложность и драматизм отношений советских писателей с властью и идеологией, не мог знать и учитывать множество деталей, оттенков и внутренних перипетий советской литературной жизни, которые, начиная с 1990-х гг., стали предметом досконального изучения специалистов²⁹⁵. Эти особенности, однако, не умаляют ценности наследия Вайля, которое интересно своей точкой зрения современника и иностранца.

2.4. О художественном новаторстве советской прозы

Пытаясь определить специфику советской прозы, ее отличие от дореволюционной русской литературы и литературы европейской, Вайль подчеркивает, что идейно и эстетически она обусловлена революцией 1917 г., которая изменила ее функцию, адресата, заставила искать новые формы воплощения новой реальности. Русскую революцию, считает Вайль, можно было бы сравнить с Великой французской революцией 1789 г., которая тоже стала импульсом для мировоззренческих, философских и, как следствие – литературных изменений, помогла преодолеть классицизм и ускорила переход к романтизму в европейской культуре.

В 1920-е гг. Вайль отмечает, что метаморфозы, через которые проходит советская литература, довольно сложно оценить со стороны: «Западного историка литературы удивит часто в значительной степени лабораторный характер новой русской прозы. Сознательное экспериментирование, попытки использовать старые художественные методы с новой мотивировкой, следование за старыми авторами и использование их художественных средств

²⁹⁵ См. об этом: *Голубков М.М.* Утраченные альтернативы: формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наследие, 1992. История русской литературы XX века 20-е–50-е годы. Литературный процесс. М.: Изд-во МГУ, 2006; История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи: [сборник статей] / под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова. Москва: Новое лит. обозрение, 2011.

– все это кажется необычным в русской прозе»²⁹⁶. В 1927 г. Вайль пишет: «Русская литература сегодня не дает готовых совершенных произведений, она носит характер эксперимента. Эксперимента, без которого “искусство перестает быть искусством”...»²⁹⁷.

Одна из ключевых, основополагающих проблем молодой советской литературы, которую замечает Вайль и о которой подробно говорит в «Статье о новой русской прозе» 1925 г., – **соотношение реализма и романтизма**. Эта проблема, по мнению Вайля, связана с самой реальностью, трудно уловимой, постоянно меняющейся. Писателям оказывается непросто выработать угол зрения на новую реальность, об этом свидетельствуют и приведенные Вайлем слова И.М. Касаткина из сборника «Писатели об искусстве и о себе»: «Революционный стиль жизни является полной противоположностью прошлому стилю жизни. Он настолько динамичный, настолько быстро движущийся, что его не догонят никакие курьеры!»²⁹⁸ С другой стороны, проблема соотношения реализма и романтизма, согласно Вайлю, укоренена в самом русском литературном процессе. По его мнению, еще в начале XIX в. русский реализм возник, объединив в себе традицию романа-воспитания с романтизмом²⁹⁹, и все время сосуществовал с другими нереалистическими тенденциями. В качестве примера Вайль приводит Гоголя, подчеркивая его связь с романтизмом и характерной для него фантастикой, и Достоевского, которого он называет «типичным метафизиком», «надреалистом», говорит о том, что в основе его творчества, как и у Гоголя – мысль, а не жизнь: «Достоевский сначала создал главную идею, а потом согласно ей путем комбинирования создавал действие. Достоевский не изображает жизнь, сам ее создает»³⁰⁰.

²⁹⁶ Weil J. Stat' o nové ruské... S. 593.

²⁹⁷ Weil J. Cesta nové ruské prózy. (Tvorba, prosinec 1927) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 640.

²⁹⁸ Weil J. Stat' o nové ruské... S. 570.

²⁹⁹ Ibid. S. 569.

³⁰⁰ Weil J. Ruská revoluční literatura... S. 553.

Новое положение советской литературы, ее отношения к жизни Вайль в 1925 г. характеризует таким образом: «Возникает парадокс: жизнь, собственно, романтическая, а задача – отразить ее при помощи реалистического метода. Романтический мир фикции уступает место романтическому миру реальности. Синтезом может быть только надреализм»³⁰¹. «Надреализм» как новый синтез, по Вайлю, возникает в результате установления нового равновесия двух полюсов – реализма и романтизма. Отличие этого нового синтеза от предыдущего Вайль формулирует таким образом: «В новой русской прозе мысль теряет доминирующую позицию. Эту позицию обретает реальность. Не философская мысль, а реальность становится законом»³⁰². По мнению Вайля, романтическая и реалистическая теории искусства отступают в прошлое, при этом их инструментарий используется новой прозой так, как это диктует сама реальность. Вайль отмечает, что новый синтез, «на этот раз целенаправленный»³⁰³, дается советской литературе нелегко, маятник постоянно качается: у таких важных авторов как И. Бабель, Б. Пильняк, Вс. Иванов Вайль замечает тяготение к натурализму; молодые прозаики из группы «Серапионовы братья» вдохновляются неоромантизмом, символистской прозой; рапповцы призывают вернуться к старым образцам реализма в искусстве и озвучивают лозунг «Назад к Толстому»; бывший натуралист Алексей Толстой заявляет: «Герой! Нам нужен герой нашего времени. Героический роман. [...] Мы не должны бояться громоздких описаний, ни длиннот, ни утомительных характеристик: монументальный реализм! [...] Русское искусство должно быть ясно и прозрачно, как стихи Пушкина. [...] Оно должно пахнуть плотью и быть более вещественным, чем обыденная жизнь [...] Его архитектоника должна быть грандиозна, строга и проста, как купол неба над бескрайней степью»³⁰⁴.

³⁰¹ *Weil J. Stat' o nové ruské...* S. 570.

³⁰² *Ibid.* S. 571.

³⁰³ *Ibid.* S. 570.

³⁰⁴ *Ibid.* S. 569.

Цит. по: Толстой А.Н. Собр. соч. в 10-ти томах. Т.10. М.: Госполитиздат, 1961. С. 62.

Вообще, поиск «новой рамки формы» привлек, безусловно, особое внимание Вайля: «Быстрый темп новой революционной жизни заставил русскую литературу искать новые формы непосредственного художественного воздействия, так, как их нашел, например, Мейерхольд в театре»³⁰⁵. Вайль неизменно подчеркивает **важность поиска новых форм**, который считает необходимым не только для наиболее адекватного отражения реальности, но и для того, чтобы искусство продолжало отвечать главной своей цели – преодолевать автоматизм восприятия. Этот тезис Вайль не раз повторяет, ссылаясь на «Философию стиля» Г. Спенсера, а также работы В. Шкловского. Характерно, что фиксируя кризис в литературе во второй половине 1930-х гг., Вайль связывает его прежде всего с кризисом творческого эксперимента, а дискуссия о формалистах, как мы уже сказали, ошибочно кажется ему попыткой преодолеть этот кризис: «Недостатки сегодняшней русской литературы происходят от формальных несовершенств, от недостатка художественных средств для изображения постоянно меняющейся действительности. Именно об этих недостатках ведутся споры, которые до сих пор не закончились»³⁰⁶.

Почву для развития новых форм в советской литературе Вайль видит в экспериментах символистской прозы, например, в творчестве А. Белого, который отказался от психологизма в романе, разбил привычную романную форму, включил в роман натуралистические элементы, или в творчестве А. Ремизова, который в романе «Россия в письмах» сделал попытку составить роман из аутентичных документов, писем разного времени. После революции, как отмечает Вайль, поиску новых форм способствует деятельность ЛЕФа и формалистов: «Литературно-научная так называемая формалистская школа, которая тесно связана с ЛЕФом, имеет огромное влияние и на теорию литературы, и на литературу»³⁰⁷; «Целая большая школа русских прозаиков –

³⁰⁵ Weil J. Nová ruská literatura v Československu... S. 375.

³⁰⁶ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917-1935) ... S. 675.

³⁰⁷ Weil J. Vznik LEFu. (ReD, listopad 1927) // Weil J. Reportáže a statí 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 167.

так называемые Серапионовы братья – была основана на теоретических замечаниях “формалистов”, в основном Шкловского»³⁰⁸. Для чешского читателя Вайль переводит работы В. Шкловского, Вс. Мейерхольда, Ю. Тынянова, Вс. Иванова, фиксирует выход сборника «Литература факта» в 1930 г., отмечает роль Б. Томашевского, который обобщил результаты исследований формалистов в своем труде «Теория литературы».

Отметим еще раз, что деятелей советского авангарда и представителей формализма Вайлю довелось знать лично. Как уже было упомянуто, он встречал Маяковского в Москве и в Праге, в Праге ему также довелось общаться с Ю. Тыняновым, которому посвятил отдельные статьи: «О Юрии Тынянове, который приехал в Прагу» (1928) и «О Юрии Тынянове» (1929). Однако наиболее близкое знакомство, по-видимому, связывало Вайля с В. Шкловским, у которого он гостил в Москве и который являлся для него «окном» в мир советской культуры. Шкловский интересовал Вайля и как человек невероятной биографии, и как теоретик, и как писатель-экспериментатор. Вайль говорит о пользе литературоведческих работ Шкловского, посвященных «Дон Кихоту» Сервантеса и роману Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»³⁰⁹, говорит и о художественных экспериментах в прозе самого Шкловского. В статье 1928 г. «Вечера у Виктора Шкловского на девятом этаже с лестницей бродячих котов» Вайль также пытается познакомить читателя со Шкловским-человеком и передать ту атмосферу культурного бурления, которую застает у него в доме. Здесь Вайль встречает режиссера Эсфирь Шуб³¹⁰, писателя и биографа Горького Илью Груздева³¹¹, студента и ученика Шкловского, репортера Клюкова, поющего «Ave Caesar, ave Viktor, formalisti te salutant», других

³⁰⁸ Ibidem.

³⁰⁹ Weil J. Stat' o nové ruské... S. 596.

Вайль в своей статье имеет в виду известные работы В. Шкловского «"Тристрам Шенди" Стерна и теория романа» (1921) и «О теории прозы» (1929).

³¹⁰ Э.И. Шуб (1894–1959) – советский кинорежиссёр, сценарист, киномонтажёр, киновед.

³¹¹ И.А. Груздев (1892–1960) – литературовед, биограф и исследователь творчества М. Горького.

представителей советской культуры³¹². В этой статье и в статье «Сентиментальное путешествие Виктора Шкловского» Вайль стремится нарисовать живой портрет мэтра, характеризует его как прекрасного рассказчика, передает его слова и суждения, которые могут быть интересны чешской аудитории: «Он умеет рассказывать даже о Чехословакии очень забавные вещи, как, например, получил поддержку, будучи принят за эмигранта. Умеет рассказывать и о чехословацких железных дорогах, которые никуда не ведут, и сравнивать их с романами Толстого, умеет рассказывать и об автомобиле “Татра”, очень хорошо, как специалист, потому как Шкловский отличный шофер и разбирается в автомобилях»³¹³. Вайль остроумно подчеркивает единство жизни и творчества Шкловского – отмечает, что даже подушки для своих гостей он делает такими же курьезными и эклектичными: «Шкловский делает подушки из самых разных вещей, также, как делает свою литературу. Моей подушкой оказались сочинения Ларисы Рейснер, полотенце и дамская комбинация»³¹⁴. Завершает заметку Вайль таким образом: «Повторяю о Шкловском не то, что он сам говорит о себе, а то, что он сказал о Бабеле: “Он единственный сохранил в революции стилистическое хладнокровие ”»³¹⁵.

Важным вкладом формалистов в литературный процесс Вайль видит то, что они активизировали **обращение к нелитературным жанрам** – журналистской хронике, текстам плакатов, политическим лозунгам, письмам, автобиографии, литературе факта. Вайль неизменно отстаивает художественность такой литературы: «Роман-биография, литература факта тоже являются деформацией действительности. Поскольку точное жизнеописание является невозможным, и систематизация фактов уже означает

³¹² *Weil J.* Večery u Šklovského v devátem patře se schodištěm toulavých koček. (Signál, květen 1929) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933*. Praha: Triáda, 2021. S. 116.

³¹³ *Weil J.* Sentimentální cesta Viktora Šklovského. (Tvorba 20. 4. 1933) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933*. Praha: Triáda, 2021. S. 474.

³¹⁴ *Weil J.* Večery u Viktora Šklovského... S. 117.

³¹⁵ *Ibidem*.

художественное произведение»³¹⁶. В статье «Роман-биография» (1930) он отмечает: «Победа романа факта не означает художественное ухудшение, наоборот, она представляет большие возможности развития формы»³¹⁷. В 1930 г. в статье «Споры о новой русской прозе», защищая литературу факта от нападок пролетарских писателей, Вайль пишет, что «литература факта, т.е. репортажи и роман-биография имеют гораздо более высокий художественный уровень, чем творчество новых реалистических писателей»³¹⁸. Интересно также наблюдение Вайля о том, что с эстетическим освоением нелитературного материала в литературе СССР связана популярность эпопеи Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» в советских литературных и читательских кругах. Тогда как в Чехии этот текст считается нелитературным, а в России специалисты его ценят за новаторство формы, интерес к нему проявляет и Шкловский, собирается написать о нем монографию, а Тынянов сравнивает Гашека с Рабле: «Ведь это же Рабле, новый Рабле. Посмотрите на эту совершенную технику романа Гашека, посмотрите, какая стройная композиция, неужели это не художественное произведение?»³¹⁹.

На практике к использованию нелитературных жанров, как отмечает Вайль, обратились сами формалисты – Шкловский, «Сентиментальное путешествие» которого состоит из афоризмов, дневниковых записей, анекдотов, отдельных историй³²⁰, Ю. Тынянов: «Романы Тынянова появились вовремя, то есть в то время, когда русская литература меняет свое направление и ориентируется на литературу фактов, репортаж, воспоминания, путевые записки. Бывшие нелитературные жанры повышены до литературы, и Тынянов

³¹⁶ *Weil J. Román-biografie.* (Odeon, březen 1930) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933.* Praha: Triáda, 2021. S. 193.

³¹⁷ *Ibidem.*

³¹⁸ *Weil J. Spory o novou ruskou...* S. 203.

³¹⁹ *Weil J. O Jiřím Tyňanovovi, který přijel do Prahy.* (Tvorba 5. 1. 1929) // *Weil J. Reportáže a stati 1920–1933.* Praha: Triáda, 2021. S. 111.

³²⁰ *Weil J. Sentimenální cesta...* S. 476.

первый об этом написал»³²¹; «... роман Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара” означает значительный вклад в русскую литературу»³²². Интересно, что романы-биографии Тынянова «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» Вайль называет историческими репортажами, где автор развивает факты биографии конкретной исторической фигуры так, что из них складывается художественная композиция. Эта техника, по его мнению, является «чисто художественной работой» и требует от писателя большого художественного таланта.

Очевидна для Вайля связь с литературой факта, репортажем в творчестве И. Бабеля: «Литература факта имела успех с самого начала, этим она обязана Бабелю – он первый начал печатать в ЛЕФе свои совершенные художественные репортажи³²³, которые сейчас составляют его книгу “Конармия”»³²⁴. При этом Вайль отмечает, что в советских журналах проза Бабеля сначала воспринималась как инородная: «Шкловский рассказывает, что редакция журнала “Огонёк”, куда Бабель послал свой рассказ “Смерть Долгушова”, долго раздумывала, нужно ли его поместить в очерки, то есть репортажи, или в раздел беллетристики»³²⁵.

В прозе Б. Пильняка Вайль отмечает тесную связь с журналистикой: «Пильняк, ученик Андрея Белого, попробовал создать хронику революции. Хроника Пильняка отличается использованием журналистского стиля, это соединение журналистских заметок с лирическими отступлениями. Это значит, как это было у Белого, разбивание синтаксиса, использование новых

³²¹ Weil J. O Jiřím Tyňanovovi, který... S. 110–111.

³²² Weil J. Spory o novou ruskou... S. 203.

³²³ В журнале «Леф» Бабель печатал рассказы, однако Вайль, очевидно, знакомый с репортажами Бабеля, видел в его прозе продолжение репортажной техники.

О публикациях Бабеля в «Лефе» см.: *Погорельская Е.И.* И. Бабель в журнале В. Маяковского. Леф.: биографический и текстологический аспекты // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 5: Междисциплинарные подходы и мировая рецепция (к 130-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. В.Н. Терехина, А.А. Россомахин. М.: ИМЛИ РАН, С. 181–194.

³²⁴ Ibid. S. 202.

³²⁵ Weil J. O Jiřím Tyňanovovi. (Kmen, únor 1929) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 182.

языковых элементов, эмоциональное строение предложений. Пильняк вырабатывает для себя художественный метод, основанный на статичных мотивах. Этот метод, который, в сущности, является опасным, поскольку остается неизменным и трафаретным, позволяет Пильняку по желанию перемещать не только отдельные мотивы, но и истории, предложения, абзацы из романа в рассказ или из рассказа в роман. [...] Несмотря на опасность неизменного стиля, на частые повторения, Пильняк принадлежит сегодня к лучшим русским прозаикам»³²⁶. Надо сказать, что в дальнейшем Вайль все больше упрекает Пильняка в том, что его особый стиль стал, в конце концов, застывшей «манерой».

Отдельный раздел в статье «Обзор русского литературного сезона 1930-1931» (1931)³²⁷ посвящен непосредственно русскому репортажу, о котором Вайль говорит, что «это тот литературный жанр, которым может похвастаться русская литература перед западноевропейской»³²⁸. Вайль отдельно выделяет книги-репортажи Б.М. Лапина «Повесть о стране Памир» и «Тихоокеанский дневник», Б.А. Кушнера «Джон-Дир и украинка», С.М. Третьякова «Вызов: Колхозные очерки», повесть Л.М. Леонова «Саранчуки», очерки Н.С. Тихонова «Кочевники», И.Ф. Жиги «Новые рабочие».

Статья Вайля «История заводов» (1935) посвящена такому феномену, как документальные книги об истории заводов и социалистических стройках, которые стали издаваться по инициативе М. Горького, автора статьи «История фабрик и заводов» (1931)³²⁹. Вайль подчеркивает отличие этих книг от аналогичных европейских, которые написаны на заказ (например, в Америке компанией Business Historical Society) и представляют собой или толстые

³²⁶ Weil J. Dnešek ruské literatury ... S. 611–612.

³²⁷ Přehled ruské literární sezony 1930-1931. (Rozpravy Aventina 15.10. a 19.11.1931) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 655–656.

³²⁸ Weil J. Dnešní ruská literatura... S. 645.

³²⁹ В постановлении ЦК партии от 10 октября 1931 г. говорилось: «Одобрить предложение М. Горького и приступить к созданию серии сборников “Истории заводов”». См. об этом подробнее: А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М.: Соцэкгиз, 1959.

описания технического характера или проплаченную рекламу, прославляющую сильную личность создателя завода и его дорогу к богатству, то, что сегодня мы бы назвали «история успеха». Работа над советскими книгами о заводах – коллективная, в ней участвуют сами рабочие, историки, писатели, она основана на личных свидетельствах, воспоминаниях, исторических, архивных сведениях. История заводов в них показана как героическая народная эпопея, большое внимание уделяется и судьбам самих рабочих, «новых людей», «которых создала советская власть на Сталинградском тракторном заводе и на Беломорканале»³³⁰. Вайль упоминает разнородную, собранную монтажным методом книгу «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина: История строительства» (1934), книгу «Люди сталинградского тракторного завода» (1934), представляющую собой биографию 32 рабочих, среди которых есть и пролетарии-иностранцы, книгу С.И. Завьялова «История Ижорского завода» (1934).

В 1930 г. Вайлю кажется, что литература факта, репортаж, становится мейнстримом советской литературы: «Литература факта оказала глубокое влияние на пролетарскую литературу...»³³¹; «Расцвет репортажа был подготовлен в 1928 г. теоретическими суждениями о литературе факта, однако он стал преобладать только с 1930 г. Можно смотреть на нее как угодно, можно ее даже не признавать за литературу. Однако нет сомнений в том, что этот литературный жанр является решающим для суждений о русской литературе, что она лучше всего отвечает задаче, возложенной на нее, что она может лучше всего и художественно наиболее правдиво отразить грандиозную борьбу за осуществление плана, самого большого в истории»³³².

Вайль также использует интересную европейскую параллель: «Она (советская литература – *А.Г.*) напоминает английскую литературу с ее романом

³³⁰ Weil J. Dějiny závodu. (Tvorba 24.1.1935) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 293.

³³¹ Weil J. Spory o novou ruskou... S. 202.

³³² Weil J. Přehled ruské literární sezony 1930-1931. (Rozpravy Aventina 15. 10. A 19. 11. 1931)// Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 650.

восемнадцатого века, здоровую и “фактографическую”. Это было время самого большого подъема английской буржуазии, время трех Георгов, когда были заложены новые заводы, запущены станки и когда английский флаг реял во всех морях. Тогда английская литература не знала психологического анализа чувств личности, стремилась только к фактам»³³³. Вместе с тем уже в 1931 г. Вайль отмечает, что волна репортажа «начала спадать»: «Писатели начали изображать пятилетний план, строительство нового общества, коллективизацию деревни уже в форме романа. От сырого материала совершился переход к его художественной обработке»³³⁴.

Вайль отмечает и еще одну характерную особенность советской прозы, развитие которой поддерживали формалисты – **работу с языком, ориентацию на живую речь**. Истоки обращения к живой речи Вайль видит в творчестве Гоголя, Лескова, Ремизова, Белого. Эта традиция, как считает Вайль «идет к Всеволоду Иванову, Михаилу Зощенко и Леониду Леонову»³³⁵. Отметим, что рассуждения о языке совмещаются у Вайля с рассуждениями о несобственно-авторском повествовании и сказовой форме: «Живая речь тогда является самым действенным художественным средством, когда рассказывает не сам автор или его маска, а когда повествование ведется от лица, которому автор дает языковую характеристику, индивидуальность, которая все подсвечивает в своем свете. Это искусство знал Гоголь... Искусство Гоголя в том, что он никак не характеризовал своего повествователя. Его повествователь стоит над событиями, оценивает их, связывает их собственным сознанием. При помощи этого метода Гоголь получает художественно правдивую мотивацию, мотивацию всего фантастического, преувеличенного и удивительного. Ибо его повествователь смотрит по-своему на мир...»³³⁶.

Говорит Вайль и об **использовании ритмизованной прозы**: «Новая русская проза также попробовала освоить язык в его поэтической функции.

³³³ Weil J. Třináctý rok revoluční literatury... S. 415.

³³⁴ Weil J. Ruská literatura 1931–1932... S. 669.

³³⁵ Weil J. Stat' o nové ruské... S. 590.

³³⁶ Ibid. S. 589.

[...] Новая русская проза обратилась к этому средству выразительности, когда было необходимо создать иллюзию героической реальности, времени необычного, патетического в своем напряжении»³³⁷. Обращение к ритмизованной речи Вайль отмечает у В. Иванова, Н. Никитина, А. Малышкина. По словам Вайля, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова основан на ритмике богатырских народных песен, а «Падение Даира» и «Вокзалы» А. Малышкина имеют ритм традиционного русского «слова» («Слово о полку Игореве»). Интересно, что Вайль находит и здесь европейскую параллель, рассуждает о том, что современной советской литературе может быть близок Ч. Диккенс – Вайль объясняет, что Диккенс, как и Гоголь, мастерски работает со словом, вспоминает его «Повесть о двух городах», в которой, по его мнению, используется ритмизованная проза. В целом работу с языком Вайль оценивает очень высоко и, противопоставляя советскую литературу чешской, отмечает отсутствие речевой характеристики у героев К. Чапека: «У Чапека слово это только буквы. Однако слово – это не буквы, это живая речь, за которой скрывается интонация и артикуляция»³³⁸.

Кроме того, Вайля очевидно увлекают яркие **экспрессионистские контрасты** в советской прозе, которые проявляются и на содержательном, и на стилистическом уровне. Это контрасты обыденного и героического, ужасного и прекрасного, которые были свойственны самой реальности. Больше всего Вайль говорит о них, обращаясь к стилистически и тематически яркой прозе о революции и гражданской войне. Замечает их, например, в творчестве Бабеля: «Творчество Бабеля основано на контрасте отвратительной грязной действительности, из которой, однако, вырастает героизм и великие романтические страсти. Бабель достигает яркости, его простые солдаты оказываются легендарными героями, при этом остаются людьми – эгоистическими и brutальными»³³⁹.

³³⁷ Ibid. S. 592.

³³⁸ Ibid. S. 588.

³³⁹ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) ... S. 648.

Контрасты героического и обыденного, которые позволяют представить настоящую правду революционных событий, Вайль отмечает и в рассказах Вс. Иванова «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра», в которых речь идет о том, как пробудилась сибирская деревня, чтобы «в борьбе достичь свободы». Вайль отмечает, что Иванову «удалось показать простой героизм мужиков, умирающих лишь за то, чтобы увидеть, как “приходят из России красные”». Они только предчувствуют, за что воюют, но убеждены, что это бой справедливый. В этом отчаянном бою, в гражданской войне и ее свирепости Иванов увидел, как пробуждается народ»³⁴⁰. То же Вайль замечает и в романе «Голубые пески»: «простое геройство, о котором рассказывается без всяких прикрас»³⁴¹; «Крестьяне не умеют говорить о своей правде, не умеют о ней рассуждать, они умирают за нее молча. Они сражаются с теми, кто “стекает как гной из раны”, с японскими атаманами, с “людьми из чужих стран”. Иванов не скрывает любовь к крестьянам, таким обыденно-героическим»³⁴²; «Здесь нет ничего специально изобретенного, ничего тенденциозного и необычного. Романтика гражданской войны превращается в обычную историю, которая заканчивается субботником. Однако же это лучший роман о русской революции из всех тех, которые были о ней написаны. Он отражает революционный вихрь с помощью простого описания людей и увлекает нас в этот вихрь. Простым содержанием и расцвеченным слогом Иванов достигает большего результата, чем Пильняк революционной хроникой и трактатами. Иванов изображает только человека, как он поступает в революции, и в этом сила его творчества. Лучше всего нас в этом убеждают его рассказы о жизни азиатских народов. Там, где бы мы ожидали экзотику, есть только истории о людях»³⁴³.

Характерно, что своеобразным «антигероем» для Вайля с точки зрения новаторских художественных форм и содержания становится И. Эренбург,

³⁴⁰ Ibid. S. 571

³⁴¹ Weil J. Ruská revoluční literatura... S. 559.

³⁴² Ibid. 559.

³⁴³ Ibidem.

который, по словам Вайля, «не принадлежит ни к прошлому русской литературы, ни к ее настоящему»³⁴⁴. В своем стремлении подражать западной прозе Эренбург, как отмечает Вайль, не улавливает тенденций советской литературы: «Главная черта русской прозы – это поиск новых творческих методов, у Эренбурга, однако, мы не найдем ни следа от этих попыток»³⁴⁵. Интересно отметить, что скептически о творчестве И. Эренбурга отзывался и Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня», заявляя, что писатель занят «массовым производством западных романов»³⁴⁶ и отказывая его произведениям в художественной ценности: «Роман Эренбурга – это отраженный роман, тень от романа. Эренбурга читают так, как ходят в кинематограф. Кинематограф не решает проблемы театра. Теневой роман Эренбурга не решает проблемы романа»³⁴⁷.

Ценным приобретением советской литературы Вайль считает новую **сатиру**. По его мнению, советская литература даёт новый смысл сатире и юмору: «Советская сатира представляет собой в высшей степени интересный материал. Мещанская печать долго твердила и ещё до сих пор твердит: “Какой может быть смех в Советском Союзе?” Тем временем переводы советских юмористов уже выходили на всех языках. Однако же советский юмор отличается от юмора западноевропейского. В советских юмористических журналах вы не найдёте шутки о тещах, свадебных генералах, злых женах и других реквизитах западноевропейского и американского юмора. Советские писатели-юмористы не пишут о юмористических, эротических приключениях, не придумывают фантастические истории. Советский юмор является здоровым смехом, который бьёт по разным искажениям, который высмеивает остатки мелкого мещанства и показывает зеркало западноевропейским капиталистам. Советские юмористы изображают действительность, [...] это

³⁴⁴ Weil J. Stat' o nové ruské... S. 604.

³⁴⁵ Ibid. S. 600.

³⁴⁶ Тынянов Ю. Литературное сегодня // История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 440.

³⁴⁷ Там же. С. 442.

истории из повседневной жизни или обобщенная действительность»³⁴⁸. Также Вайль пишет о том, что сатирические истории и карикатуры можно найти всюду в советской печати, начиная от местных заводских газет, где «бичуется несознательность лентяев и оплошности директоров столовых», до газет «Правда» и «Известия»³⁴⁹. Отдельно Вайль пишет о знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Двое советских юмористов предлагают, кажется, старую историю, которая повторялась в тысяче мещанских романов. Однако эта история имеет неожиданное решение, возможное только в Советском Союзе. Остап Бендер, который потратил столько энергии и изобретательских способностей, чтобы завладеть желанным миллионом, обнаруживает, что то, за что он столько боролся, собственно, ничего не значит в СССР»³⁵⁰. Вайль делает вывод: «Так эти два автора-юмориста коснулись большой темы, темы судьбы собственничества в социалистическом обществе и отмирания фетиша денег, который казался всем буржуазным дельцам, политикам и творцам бессмертным и непреходящим. Таким образом, и здесь проявилась сатира как поборник нового искусства. У Остапа Бендера, гениального мошенника, от всего миллиона останется только золотой фетиш, орден золотого руна, золотой теленок»³⁵¹. Советской сатире, по мнению Вайля, может быть близка только острая довоенная социальная сатира, тогда как современному капиталистическому европейскому обществу она чужда: «Мещанство в начале своего развития могло показывать зеркало увядающему классу феодалов. Сегодня только пролетариат умеет использовать смех как оружие, тогда как мещанство запрещает любую сатиру на свои институты и воюет с сатирой любыми средствами, вплоть до сжигания книг и заключения в тюрьму ее авторов»³⁵².

³⁴⁸ Weil J. *Sovětská satira*. (Tvorba 30. 8. 1935) // Weil J. *Reportáže a stati 1933–1937*. Praha: Triáda, 2022. S. 310.

³⁴⁹ Ibidem.

³⁵⁰ Ibid. S. 313.

³⁵¹ Ibid. S. 314.

³⁵² Ibid. S. 317.

Добавим, что в целом советская литература для Вайля – конечно, грандиозное, беспрецедентное, романтическое по своей сути явление. Романтическим является и ее тематическое содержание – обращение к теме революции и гражданской войны (произведения Бабеля, Вс. Иванова, К. Федина, Б. Пильняка и др.), масштабного строительства, индустриализации («Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. Катаева, «Соть» Л. Леонова и др.), коллективизации в деревне («Поднятая целина» М. Шолохова, «Бруски» Ф. Панфёрова), формирования нового общества, нового человека («Как закалялась сталь» Н. Островского, «Я люблю» А. Авдеенко, «Голубые конверты» Б. Левина, «Поход “Победителя”» Л. Соловьева). Романтической является, согласно Вайлю, и цель советской литературы – как мы уже говорили, Вайль часто подчеркивал, что она не только изображает реальность, но и борется за новую жизнь, формирует ее, создает новые ценностные парадигмы. Например, о повести А. Тарасова-Родионова «Шоколад» Вайль пишет, что она «представляет собой нечто большее, чем литература», «является книгой о новом понимании жизни и смерти»³⁵³. Характерно, что в 1937 г. Вайль подчеркивает: «Эти две составляющие – с одной стороны, литературный факт – новая тематика, с другой стороны – нелитературный факт – новая функция искусства – оказывают решающее влияние на дальнейшее развитие новой русской прозы»³⁵⁴.

Интересно замечание Вайля о том, что советская литература охватывает всю гигантскую географию СССР: «Почти все писатели отлично знают всю страну – как европейскую, так и азиатскую ее часть. Они участвуют в наиболее знаменательных событиях, таких, как открытие Турксиба или, в последнее время – открытие канала между Ленинградом и Белым морем. Их роль иная, нежели у европейского писателя, они больше связаны с ежедневной жизнью и

³⁵³ Weil J. Tarasov-Rodionov: Čokolada. (Nové Rusko, březen 1928) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2022. S. 381.

³⁵⁴ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) ... S. 675.

ежедневной борьбой»³⁵⁵. Вайль фиксирует, что советские писатели часто обращаются к Дальнему востоку и даже Японии (роман А. Дмитриева «Адмирал Макаров», произведения Б. Лапина – книги «Повесть о стране Памир», «Тихоокеанский дневник», «Дальневосточные рассказы», «Подвиг», повесть Л. Рубинштейна «Тропа самураев»), к теме Средней и Центральной Азии (повесть П. Павленко «Пустыня» и повесть К. Паустовского «Кара-Бугаз»).

Вайль являлся свидетелем формирования советской литературы, в какой-то мере – ее постоянным и заинтересованным референтом. Поэтому безусловный интерес представляет его система оценок, на которую влияло глубокое, чуткое понимание русской и советской литературы, сочувствие творческому эксперименту советских писателей, а также симпатия к коммунистической идеологии. Важным свойством публицистики Вайля является ее непрерывность: на протяжении двух десятилетий Вайль оперативно отзывался на все новые тенденции советской культуры, осветил практически все литературные дискуссии 1920–1930-х гг., охарактеризовал творчество весьма значительного ряда советских писателей, регулярно комментировал литературные новинки. При этом разрозненные литературные явления Вайль, как это видно из его текстов, пытался объединить объективной логикой, искал взаимосвязи внутри советского литературного процесса, выстраивал параллели с западноевропейской литературой. С позиций современности можно утверждать, что, хотя Вайль и не мог знать о весьма неоднозначных и даже трагических сторонах советской литературной жизни, недооценивал роль цензуры, не знал всех имен, известных нам сегодня, ему все же удалось подобрать в целом правильный ключ к советской литературе, и взгляд Вайля во многом соответствует современным научным оценкам литературного процесса 1920–1930-х гг., дополняет их и расширяет.

³⁵⁵ *Weil J. Literární sezona v Rusku. (Rozpravy Aventina 9. 11. 1933) // Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 518.*

Глава 3. Вайль о культурном и промышленном строительстве в Средней Азии

Соприкосновение Вайля со Средней Азией не было добровольным – как мы уже писали, его пребывание в Азии было вынужденной ссылкой, результатом московской чистки, прошедшей в январе 1935 г., на которой Вайлю представили формальные надуманные обвинения в жалобах на советскую жизнь и недостаточно качественной партийной работе. Однако, явная несправедливость, допущенная по отношению к Вайлю, компенсировалась тем, что в ссылке ему не пришлось менять род занятий, в Азии он оставался работником печати, переводчиком, корреспондентом, обладал относительной свободой перемещения. Таким образом, полгода ссылки в Азию превратились, по сути, в длительное путешествие, которое позволило ему составить представление о периферии советского мира, дало возможность объемного видения громадных сложных процессов социалистического строительства. Наблюдения и впечатления Вайля отразились в его репортажах и очерках, часть из которых он публиковал, находясь в ссылке, часть – по возвращении в Москву (осенью 1935 г.) и Прагу (в декабре 1935 г.), часть репортажей была опубликована в брошюре «Чехи строят в стране пятилеток» в 1937 г. Сегодня все эти статьи и репортажи опубликованы в III томе собрания сочинений Вайля. В переработанном виде впечатления о советской Средней Азии вошли в роман «Деревянная ложка» (1938).

Конкретные территории, которые довелось наблюдать Вайлю – это Киргизия и Казахстан. В Киргизии он работал с 14 марта до мая 1935 г. в знаменитом чехословацком промысловом кооперативе Интергельпо (в переводе с языка идо – «взаимопомощь»)³⁵⁶. Однако уже 21 мая, согласно

³⁵⁶ Кооператив Интергельпо был основан близ города Фрунзе в 1925 г. и являлся действенным откликом на резолюцию о пролетарской помощи СССР, принятую Коминтерном на IV съезде в 1922 г. и поддержанную в 1923 г. чехословацкой компартией, направившей в Советский Союз пять кооперативов. Первый – «Prago-Mašina» – в Тифлисе;

обнаруженным нами архивным данным, Вайля сократили с должности заготовделом в связи с сокращением административно-хозяйственных расходов товарищества³⁵⁷. В июне Вайль находился в г. Фрунзе, где занимался переводом брошюры председателя Интергельпо И.И. Самуэля «Интергельпо. Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии»³⁵⁸. С середины июня по середину июля Вайль пишет репортажи для газеты «Творба» о путешествии вокруг оз. Иссык-Куль, которое, вероятно, предпринял в то же время или ранее, во время работы в Интергельпо (см. цикл репортажей «Вокруг озера Иссык-Куль»³⁵⁹). 22 июня Вайль, не имея работы и средств к существованию, отправил письмо московским партийным товарищам с вопросом о своей дальнейшей судьбе³⁶⁰, на которое 4 июля получил ответ, где было сказано, что партия заинтересована в том, чтобы он еще некоторое время оставался в Средней Азии и лучше познакомился с этим советским регионом³⁶¹. О дальнейших перемещениях Вайля остается лишь догадываться, здесь в его документах и репортажах образуется провал, который до сих пор не удается заполнить исследователям. Известно, что уже в конце октября Вайль вернулся в Москву, при этом он выезжал из Алма-Аты: «В Алма-Ате была жара, меня

второй – «Kladenská komuna» – Армавирской области (вблизи станции Овечка); третий – «Slovacká komuna» в Сталинградской области (г. Фролово); четвёртый – «Reflektor» в Саратовской области»; Пятый – «Interhelpo». Именно туда приехал с семьей разочаровавшийся в Америке Штефан Дубчек, отец четырехлетнего на тот момент Александра Дубчека, будущего деятеля «Пражской весны», автора лозунга «социализм с человеческим лицом».

Об истории Интергельпо подробнее см.: Шульц И. Стахановцы из Европы знак препинания Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР // Пражский экспресс [Электронный ресурс] URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 25.08.2025); Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno: Host, 2020; Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina: Absynt, 2023.

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 28. См. Приложение 7 – Приказ о сокращении Вайля в числе других работников.

³⁵⁸ Самуэль И.И. Интергельпо. Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. Ленинград: КОИЗ, 1935.

³⁵⁹ Weil J. Kolem jezera Issyk-Kul. (Tvorba 20.06., 27.06, 4.07., 19.07. 1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 59–99.

³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 29. См. Приложение 8.

³⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Л. 33. См. Приложение 9.

никто не провожал на вокзал. Я долго ждал поезд, он опаздывал, поскольку в Сибири уже были снежные метели. Сначала я сидел в вокзальном ресторане, а когда меня оттуда выгнали мухи, я сел как русские и азиаты, – на голую землю между мешков яблок. Я смотрел на горный массив Тянь-Шаня и читал написанную по-русски биографию Оноре де Бальзака. [...] Я ждал с одиннадцати утра, но поезд пришел в пять часов дня. В конце концов, какая разница, если до Москвы семь дней и семь ночей пути? Я возвращался на родину, хотя еще долго не знал об этом, и узнал это только в Москве. Но я покидал Азию, где прожил полгода. Я радовался и грустил одновременно»³⁶². 27 октября Вайль прибыл в Куйбышев, где задержался на две недели, поскольку вывихнул ногу (см. репортаж «27 октября в Куйбышеве»³⁶³). В середине ноября Вайль вновь оказался в Москве, а 27 ноября уже выехал в Прагу. Остается вопрос, что делал Вайль с августа до второй половины октября? Вероятно, в это время он работал на стройке горнометаллургического комбината «Балхашстрой»³⁶⁴, по крайней мере, об этом косвенно свидетельствует его роман «Деревянная ложка», а также анкета, приведенная в мемуарах Я. Вондрачковой: «В колонии [Интергельпо – А.Г.] я работал в редакции “многотиражки”, а затем на Балхаше в качестве корреспондента. После этого мне было позволено вернуться в Чехословакию»³⁶⁵.

3.1. Впечатления о Средней Азии и социалистических преобразованиях в ней

За полгода пребывания в Средней Азии Вайлю удалось составить представление о масштабе социалистического строительства, об изменениях бытовой жизни людей, влиянии нового строя на их судьбы, а также о

³⁶² Weil J. Cesta zpátky. (Panorama, duben 1937) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 275–276.

³⁶³ Weil J. 27 října v Kujbyševě. (Tvorba 7.11.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 115–120.

³⁶⁴ Или «Прибалхашстрой». Позднее – «Балхашцветмет».

³⁶⁵ Vondračková J. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 46.

специфической красоте азиатской земли. В своих репортажах Вайль реализует объемное восприятие: описывает увиденные им места в их исторической ретроспективе; наполняет пространство советской Средней Азии людьми с их конкретными судьбами. Рассказы этих людей, жителей среднеазиатских республик, являются для Вайля своеобразным комментарием к происходящему. Одним из постоянных средств выразительности стал для Вайля прием контраста, когда то, что происходит в реальном времени, сопоставляется с тем, что было в прошлом. Использует Вайль в своей публицистике и определенную символику, когда конкретные детали или предметы фокусируют в себе определенные смыслы (юрта – символ старого строя, кофе, заводской гудок – символы европейской цивилизации). Попробуем более подробно рассмотреть, какие явления, факты и детали стали предметом журналистского интереса Вайля.

Отдельный репортаж Вайля посвящен Турксибу³⁶⁶, легендарной железной дороге длиной в 2375 км, которая была построена в 1927–1930-х гг. по плану первой пятилетки незадолго до его приезда: «На станции Луговая (Турксиб), которая является железнодорожным узлом, на вас повеет ветром первой пятилетки»³⁶⁷. Вайль говорит о подвиге советских строителей и старается передать мощное значение железной дороги, которая совершенно изменила облик Азии и жизнь людей, позволила вести борьбу с пустыней, основать новые поселения, начать налаживать новую жизнь, такую же интенсивную в промышленном и культурном отношении, как на всей остальной территории Советского Союза: «Здесь, в азиатской пустыне, по которой когда-то тянулись орды Чингисхана и Тамерлана, железная дорога прокладывает дорогу социализму. Нет больше азиатской пустыни там, где

³⁶⁶ Weil J. Turksib. (Tvorba 10.10.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 100–105.

³⁶⁷ Ibid. S. 102.

дымит Джезказган³⁶⁸, Бозшаколь³⁶⁹, откуда вывозится олово, медь, никель, кобальт и золото, где грохочет душ и шумят деревья. Вечером так же, как везде, в бывшей казахской пустыне, как и в Семипалатинске или Караганде, звучит марш “Веселых ребят” и молодежь идет танцевать в клуб, школьники идут из новых школ, а инженеры дискутируют о новом романе Эренбурга. В общем, обычная рабочая советская жизнь, ритм которой одинаков в Москве и на чукотском мысе Уэлен»³⁷⁰. Свою статью, посвященную Турксибу, Вайль заканчивает строчками, в которых подвиг социалистического строительства в Азии поднимает до общечеловеческого значения: «Песнь о вечной борьбе человека с природой, песнь об отваге, о завоевании мира работой и энергией. О, пионеры!»³⁷¹.

Еще один репортаж «Как исчезает пустыня» Вайль посвящает **борьбе советской власти с азиатской пустыней**, борьбе за воду, которая означает жизнь³⁷²: «С Октябрьской революцией в Среднюю Азию пришел новый хозяин. Первый раз раздались слова “Пустыни больше не будет!”. Большевики пришли в пустыню, вооруженные научным знанием, первый раз наука участвовала в экономике Средней Азии и доказала, что пустыню можно одолеть... [...] Это грандиозное сражение людей, оснащенных наукой, ознаменованное победами и поражениями, страстными научными спорами. Научная работа сосредоточена в лабораториях и институтах в Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде, гидротехники рассеяны по целому краю, экспериментальные станции стоят у всех рек и высокогорных ледников. Борьба ведется с большим упрямством и энергией, культурная почва все время увеличивается, завоеваны новые тысячи гектаров. И это означает новое

³⁶⁸ Вайль имеет в виду Джезказганский медеплавильный комбинат.

³⁶⁹ В Бозшаколе в 1930-х гг. располагался горно-обоганительный комбинат, производилась геологическая разведка под руководством Института цветных металлов Главного геологоразведочного управления СССР.

³⁷⁰ *Weil J. Turksib...* S. 104.

³⁷¹ *Ibid.* S. 105.

³⁷² *Weil J. Jak mizí poušt’.* (Haló noviny 19. 1. 1936) // *Reportáže a stati 1933–1937.* Praha: Triáda, 2022. S.136–141.

население, новые деревни, новые школы, журналы, детские ясли, звуковые кинотеатры и другие культурные возможности, которые сопровождают победу. Об этой борьбе с пустыней слагаются песни, новости летят до Китая и Афганистана, и даже до Индии, откуда приходят бедствующие семьи»³⁷³.

Еще один репортаж – «Хлопок в Средней Азии»³⁷⁴ – Вайль посвящает **развитию важного для Средней Азии хлопкового производства**, традиционного для Узбекистана и Таджикистана. При этом он отмечает, что благодаря расширению оросительных систем и распространению хлопка на территории, где раньше хлопок не выращивали – в Туркменистан, Киргизстан, Казахстан, советской власти удалось сделать хлопковую отрасль гораздо более эффективной, чем в царское время. Царская власть, по словам Вайля, запрещала строительство текстильных фабрик, поскольку прежде всего оберегала интересы купцов и промышленников, которые не были заинтересованы в производстве качественного хлопка на окраинах империи.

Сильное впечатление на Вайля произвела **Алма-Ата**, которая появляется в трех его репортажах – «Алма-Атинские яблоки»³⁷⁵, «Изгнанник из Алма-Аты»³⁷⁶ и «Дорога обратно»³⁷⁷. Этот казахский город, бывший г. Верный, первый русский форпост в Азии, расположенный посреди пустыни и гор, представляется Вайлю «замечательным европейским городом», почти раем после «азиатской» станции Луговая, где он провел двое суток в жаре в гуще людей и откуда чудом сумел выехать. В Алма-Ате Вайль сразу находит все приметы европейской цивилизации: «У вокзала стояли такси и автобусы, вдыхая вечерний холодный воздух, я ехал по дороге, обрамленной деревьями, вниз в город – в город с электрическими лампами, тротуарами, магазинами,

³⁷³ Ibid. S. 139–140.

³⁷⁴ Weil J. Bavlna ve Střední Asii. (Svět práce, leden 1936) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 130–136.

³⁷⁵ Weil J. Alma-Atinská jablka. (Tvorba 24.10.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 105–110.

³⁷⁶ Weil J. Vypovězenec z Alma-Aty // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 258–266.

³⁷⁷ Weil J. Cesta zpátky... S. 275–278.

кинотеатрами. Из автобуса я увидел надпись “кафе” из красных неоновых лампочек, и сердце сжалось от радости. Здесь был конец пустыни. Я уже не думал о Голодной степи и безумной езде без воды по раскаленной пустыне. Здесь моя остановка и место отдыха»³⁷⁸. Алма-Ата нравится Вайлю своим внешним обликом и образом жизни, он старается передать её образ и ритм в своих зарисовках: «В городе есть три больших парка культуры и отдыха, в одном парке большой пруд с купальней и прокатом лодок. В бывшем соборе расположен музей казахской культуры. По улицам вечером гуляют казахи в костюмах от “Москвошвея” и слушают джаз, доносящийся из кафе. В парке на лавочках сидят казахские девушки в крепдешиновых платьях, в косых беретах, таких же, как их глаза, одна играет на дутаре, а другая поет старые казахские девичьи песни... [...] По городу ездят автобусы, которые по какой-то неизвестной причине зовутся трамваями, и казахский шофер кричит девушке на мимо проезжающем грузовике “элди-ай”. Девушка бросает ему в кабину яблоко, и все это на большой скорости, когда автобус скачет по бугристой дороге. Шофер снова что-то кричит девушке на грузовике, и она поправляет цветок за ухом (эту моду ввели в Средней Азии узбекские девушки, самые красивые из всех) и грузовик исчезает. “Элди-ай Айша” – раздаётся еще долго из автобуса. Наверное, раньше казахский шофер так скакал на коне»³⁷⁹.

Особый колорит Алма-Ате, по словам Вайля, придают яблоки, запах которых разносится по всему городу и которые окружают людей буквально на каждом шагу: Вайль видит яблоки в службе водного обеспечения, на партсобраниях, на улице: «...вы в плену у яблок, они глядят на вас из всех магазинов, домов и контор. Ибо Алма-Ата означает “Отец яблок”. Наверное, вы слышали старинную легенду о саде Гесперид. Это было сказание об Алма-Ате»³⁸⁰. При этом Вайль отмечает не только особый яблочный колорит Алма-Аты и красоту яблоневого сада, в которых она утопает, но также говорит о

³⁷⁸ Weil J. Vypovězenec z Alma-Aty... S. 260.

³⁷⁹ Weil J. Alma-Atinská jablka... S. 107

³⁸⁰ Ibid. S. 108.

том, что лишь советская власть смогла оценить промышленный потенциал яблок, недооцененный до революции, ведь именно при советской власти в Алма-Ате построили огромный завод по переработке яблок, чтобы производить из них продукты массового потребления – мармелад, джем, консервы.

Свой день, проведенный в Алма-Ате после путешествия по Турксибу, Вайль описывает так: «Чистым горным воздухом хорошо дышалось. Целый час я провел под душем, смывая с себя пыль пустыни. В кафе я заказал кофе со сливками и прочел газеты. Посетил Союз писателей Казахстана, спорил о Прусте и Хемингуэе. Сходил в общественную библиотеку и взял Мопассана на французском. Потом лег на балконе в доме, где я остановился, там читал и спал. Ни о чем не думал. Азия исчезла. Я просто лежал на балконе и дремал, пока не увидел первые звезды и не почувствовал вечерний холод. Потом я завернулся в одеяло и заснул»³⁸¹. Интересно и то, что, гуляя по Алма-Ате, Вайль находит «чешский след»: на улице Алма-Аты висят портреты чешского инженера Шальды, которому город обязан электрическим освещением, а сам Вайль встречает чеха-скульптора Вашека (ученика чешского скульптора Й.В. Мысльбека), который вначале был отправлен в Алма-Ату в ссылку из Тифлиса, но затем сам не захотел из нее уезжать и работает на стройке Дворца культуры.

Отдельная серия очерков Вайля посвящена **путешествию вокруг озера Иссык-Куль**. В нее вошли 5 очерков: «Боомское ущелье», «Дорога вдоль северного берега», «Аксакал», «На южном берегу», «Конец дороги». Вайль подробно описывает путешествие, длиною в 900 км, которое возглавил товарищ Ф. Маречек, чех, основатель Интергельпо и бывший красный партизан, воевавший в Средней Азии. В своих путевых очерках Вайль старается передать колорит, этнографические подробности, но главное – зафиксировать важные социально-экономические явления, наглядно показать

³⁸¹ Weil J. Vypovězenec z Alma-Aty... S. 261.

культурное развитие самой отдаленной советской периферии на границе с Китаем.

Вначале Вайль пишет о живописной дороге от города Фрунзе к озеру Иссык-Куль по Боомскому ущелью, которое лежит между озером, г. Фрунзе и долиной реки Чу, сравнивает его с американским Великим каньоном. Вайль упоминает, что в начале ущелья расположен совхоз, где проводится скрещивание высокогорных и домашних овец, при этом подчеркивает, что это одна из важных проблем Киргизии наравне с разработкой сахара, и «часть большой борьбы за улучшение жизни киргизского народа»³⁸². Описывая дорогу, он также упоминает, что именно по этой дороге едут автомобили, груженные зерном, поскольку Иссык-Куль – житница Киргизии, а также описывает увиденную им несколько фантазмагоричную стройку Памирского тракта – Памирстрой³⁸³, на которой бывшие басмачи и бандиты трудятся под звуки духового оркестра: «В дождь, снег и ветер нас сопровождает музыка, нет, это не музыка ветра, это настоящая музыка, духовой оркестр с барабаном и тарелками. Это чекисты играют заключенным, строителям дороги, чтобы им лучше работалось, чтобы у них было лучше настроение копать и укатывать дорогу на высоте 2000 метров над морем»³⁸⁴.

Описывая приближение к озеру, Вайль старается передать динамику путешествия, дать читателю почувствовать просторы, которые открываются перед ним: «Вначале появляется голубая полоска, которая сливается с небом, а за ней – горы и ледники Тянь-Шаня. Мы приближаемся к озеру, миновали долину реки Чу и сейчас едем по горному плато прямо к озеру Иссык-Куль, что означает в переводе “Теплое озеро”, потому что оно, хотя и лежит на такой высоте, никогда не замерзает. Мы уже видим первые лодки и вдалеке пароход,

³⁸² *Weil J. Kolem jezera Issyk-Kul* (1. Průsmyk Boamský). (Tvorba 20.6. 1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 65.

³⁸³ См. о Памирском тракте: <https://incredibleosh.kg/2022/11/22/osh-pamir-трасса-м41-его-еще-называют-памирски/> (дата обращения: 07.09.2025).

³⁸⁴ *Weil J. Kolem jezera Issyk-Kul* (1. Průsmyk Boamský)... S. 64.

который медленно приближается к пристани»³⁸⁵. Вайль подчеркивает, что пароходы на Иссык-Куле появились только при советской власти и были доставлены по частям через Боомское ущелье на подводах, запряженных несколькими парами лошадей. Отдельно Вайль описывает небольшой город Рыбачье (Балыкчы) – «ворота к озеру Иссык-Куль», главный порт, через который проходит 400 тысяч кг. зерна и где живут капитаны, ранее ходившие в открытом море, а сейчас изучающие озеро – его глубину, подводные течения, ветра, составляющие судоходные карты.

Особое место в своих заметках Вайль уделяет горной деревне Чолпон-Аты Иссык-Кульского района, которая по колориту отличается от общего пейзажа «...вскоре мы выезжаем на широкую, красивую дорогу, окруженную по обеим сторонам тополями. Вместо дикой природы по сторонам мы видим фруктовые сады или высокие заборы. Будто мы очутились в совершенно другом крае, который выглядит, скорее, как часть Европы. Мы в деревне Чолпон-Аты, на конезаводе № 54³⁸⁶, или так называемом Иссык-Кульском конезаводе, который знают почти во всем Советском Союзе»³⁸⁷. История конезавода кажется Вайлю показательной. Его руководителем является товарищ Л.Л. Рапопорт³⁸⁸, делегат седьмого съезда советов, бывший красноармейский командир, воевавший с Деникиным, Колчаком, Врангелем, басмачами в Средней Азии, с бандами Энвера Паши в памирских горах в Таджикистане. Вайль подчеркивает, что работа над выведением выносливых лошадей, о необходимости которых на пятнадцатом съезде партии говорил Сталин – новая область борьбы бывшего красного командира. Вайль отмечает и то, что конезавод органично вписывается в быт и нужды местных жителей-прирожденных наездников, кроме того, здесь же разводят коров, возделывают

³⁸⁵ Ibid. S. 65.

³⁸⁶ Ранее – Урюктинский конный завод, 22 февраля 1926 г. переименован в Иссык-Кульский государственный племенной конный завод №54. Подробнее об истории завода см.: https://youtu.be/-gw23vwDjAs?si=YJJ_ox1sV91AVEvT (дата обращения: 07.09.2025).

³⁸⁷ Weil J. Kolem jezera Issyk-kul (2. Cestou po severním břehu). (Tvorba 27.6.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 71.

³⁸⁸ Л.Л. Рапопорт был назначен на должность руководителя завода С.М. Буденным.

землю с помощью современных тракторов и комбайнов, высаживают огромные фруктовые сады, заготавливают корм, деревня при этом становится местным культурным центром с телефонной связью, клубом, кинотеатром, школой и конной школой.

Интересно описывает Вайль город Каракол, бывший Пржевальск³⁸⁹, ворота СССР на границе с Китаем, куда во время гражданской войны «приходили банды с английскими и японскими ружьями», а сейчас через Каракол из Китая тянутся семьи бывших киргизских беженцев, а также беженцы других народностей (кашгарцы, уйгуры, сарт-калмыки), которые затем получают землю, основывают колхозы. Вайль отмечает, что Каракол несмотря на то, что является одним из самых отдаленных советских форпостов, совсем не производит экзотическое впечатление: «Однако он не экзотический, а советский, ему не знакома лень азиатских базаров и чайных – из окон контор доносится стук пишущих машинок...»³⁹⁰. В бывшей мечети, построенной ранее татарскими купцами и символизирующей старую жизнь, организован кинотеатр, а местные жители ждут новый советский фильм – «Чапаев».

Благодаря председателю Каракольского района Тоялимову, который рассказывает о своей жизни, для Вайля оживает история всей Киргизии. Она кажется Вайлю почти мифологической, требующей соответствующей атмосферы, поэтому свое повествование он начинает так: «Эту историю нужно рассказывать у горящего огня, потому что его языки, поднимающиеся ввысь, напоминают красные знамена. Её нужно рассказывать в горах людям гор, потому что она об их жизни, любви и ненависти. Нужно, чтобы ее сопровождал свист ветра и биение сердца»³⁹¹. Вайль отмечает, что история Тоялимова была ему рассказана по-другому, однако тоже в особенных обстоятельствах – во время поездки на грузовике, когда по дороге из Каракола

³⁸⁹ В 1889 – 1922 и 1939 – 1992 гг. – Пржевальск.

³⁹⁰ Weil J. Kolem jezera Issyk-kul (4. Na jižním břehu). (Tvorba 27.6.1935) // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 86.

³⁹¹ Weil J. Aksakal. (Tvorba 4.7.1935) // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 76.

до Покровского машина встретила с грузовиком, полным киргизской и русской молодежи: «Красные флаги развевались при быстрой езде, девушки и парни перескакивали в нашу машину, сделали ее шумной, пестрой, заполнили ее цветом и песнями. Красные платки девушек и белые рубашки парней складывались в плотную стену, за которой мы сидели. Казалось, что мы уже не едем, а плывём на безумной скорости под парусами красных флагов, плывем куда-то в новый мир посреди звуков, цветов и выкриков. Тогда и начал свой рассказ Тоялимов, председатель Каракольского района: “Вы знаете, товарищ, я бы хотел вам кое-что рассказать... Я потомок малаев, и сам был малаем. А сейчас я (улыбнулся) аксакал. [...] Я забыл, вы не издевающийся. Малаями назывались рабы манапов и баев, позднее их называли челядины. А “аксакал” – это значит первый человек, начальник, старшина. Человек, которого все уважают. Человек, который умеет читать и писать. А я научился грамоте только в 1924 г.”»³⁹². Через рассказ Тоялимова Вайль узнает о несправедливости и нищете людей до Октябрьской революции (до царской власти, когда официально существовало рабство, и после ее прихода, когда рабство отменили, но жизнь не стала лучше), о киргизском восстании 1916 г.³⁹³, о приходе коммунистов, о жестокой борьбе с басмачами, которая продолжалась до конца 1920-х гг., о гордости киргизского народа за тот новый мир возможностей и достойной жизни, который им дала коммунистическая власть.

Далее в совхозе Тон, расположенном в 300 км от поселка Рыбачье, Вайль записывает еще одну историю, дающую наглядное представление о том, как советская власть включает местное население в новую культурную жизнь: жена начальника политотдела рассказывает о том, как пастух, увидевший ее за рисованием, тоже загорелся интересом к искусству и попросил дать ему краски и кисть с собой в горы. Когда он вернулся через полгода, то принес

³⁹² Ibid. S. 77–78.

³⁹³ Среднеазиатское восстание 1916 г. См. об этом: <https://histrf.ru/read/articles/sredneaziatskoe-vosstanie-1916-goda-zapredelnaya-zhestokost-i-nevyuchennye-uroki>

целую стопку самобытных рисунков, которые начальник политотдела отправил во Фрунзе. Там в пастухе распознали талантливого художника и послали учиться в художественную школу в Ташкент.

В Джети-Огузском районе Вайль отмечает еще одно удивительное явление – местную газету «На ленинской страже», которая пока представляет собой только один печатный лист и которую составляет, редактирует и распространяет товарищ Хмелевских. Вайль отмечает, что газета, несмотря на свой миниатюрный вид, содержит статьи о второй пятилетке, о посевной кампании, критику или похвалу отдельным колхозам, призывы к читателям. Хмелевских жалуется, что люди пока мало пишут в газету, и что ему приходится «летать на коне по всему району за материалом»³⁹⁴, однако гордится тем, что число подписчиков стремительно растет – с двухсот человек оно уже увеличилось до трех тысяч.

Еще в одном киргизском колхозе Вайль видит двенадцатилетнего школьника-пионера, который забирается на импровизированную трибуну и приветствует приехавших речью о том, что колхоз выполняет план, а дети в колхозе учатся в школе, и просит передать коммунистический привет пролетарским детям на Западе. При этом Вайль подчеркивает, что речь эта не выученная, ведь посещение колхоза было спонтанным. Отмечает он и реакцию местных жителей, которые явно гордятся мальчиком и мечтают его отправить учиться, чтобы он мог стать инженером или врачом. Сам мальчик на вопрос, кем он хочет быть, отвечает так: «Партийным работником. Но это нужно заслужить»³⁹⁵.

Вайль отмечает, что во время дороги их машину все время останавливают колхозники, которые стремятся показать свое хозяйство, угостить местной едой – бешбармаком, каймаком, напоить узбекским кокчаем.

³⁹⁴ Weil J. Na jižním břehu. (Tvorba 12.7.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 89.

³⁹⁵ Ibid. S. 91.

Сотни людей, по словам Вайля, твердят одно и то же: «мы жили плохо, теперь живем хорошо»³⁹⁶.

Свои выводы Валь представляет в форме контраста: «было – стало», что, конечно же, должно убеждать, производить впечатление на читателя: «Мы вернулись из края, который считается самым глухим и самым труднодоступным, из края “темного”, Иссык-Куля, о котором когда-то ходили легенды, из края экспедиций, где еще совсем недавно – ведь Киргизской советской республике только десять лет – велись кровавые бои, где царило средневековье и феодализм, зверская эксплуатация и варварство. [...] Мы видели перемену целого края из отсталого азиатского захолустья в край социалистической экономики, мы видели колхозы и совхозы, снабженные современными станками, с племенным скотом и рациональным хозяйством, мы видели, как народ, ранее отсталый и эксплуатируемый, сейчас сам управляет собой, имеет своих инженеров, зоотехников, управляет огромными территориями и сложными станками. Мы видели целые районы, где раньше умели читать и писать три человека, а теперь там не найдется ни одного неграмотного. Мы видели, как ото дня ко дню улучшается быт. Мы видели, как ломаются обычаи и привычки, как вместо варварства приходит социалистическая культура, вместо грязных юрт и дыр в земле стоят светлые и чистые дома. Мы видели неустанную борьбу каждого человека за каждую пядь земли»³⁹⁷. Для Вайля важно подчеркнуть, что Киргизия уже не является экзотикой, что это обычный узнаваемый советский мир, для которого характерно стремление к культуре и промышленному развитию: «Мы не видели “экзотики”, зато видели больницы, школы, библиотеки, драматические кружки, кинематограф, электричество. Мы слышали разговоры о посевной кампании, тракторах, второй пятилетке, сталинских “Вопросах ленинизма”, о выращивании хмеля на высоте 3000 метров, о скрещивании диких и домашних

³⁹⁶ Weil J. Konec cesty. (Tvorba 19.7.1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 96–97.

³⁹⁷ Ibid. S. 98–99.

овец, о линолите, о последней книге Эрнеста Хемингуэя и Перл Бак. Из “экзотики” были только дикие животные – рысь, дикобраз, горный баран архар, козёл тэк, антилопа джейран, куропатка кеклик. Однако эта экзотика является валютой, зверей продают в зоопарки в Европу и Америку, и за них Киргизия получает станки, лекарства, сырье»³⁹⁸.

3.2. Цикл репортажей об Интергельпо: чехи в советской Киргизии

Отдельный цикл репортажей Вайля посвящен героической истории создания и жизни чехословацкого Интергельпо³⁹⁹, в который входят части «Как была завоевана пустыня», «Вечера в Интергельпо», «Социалистическое соревнование», а также отдельные репортажи: «Перед десятилетием союза Интергельпо», «Десять лет Интергельпо». При этом репортажи, посвященные Интергельпо, превращаются в почти эпическое сказание Вайля-летописца о чехах-первопроходцах, которые устояли перед многочисленными трудностями и разочарованиями и смогли создать небольшой благоустроенный промышленный город практически посреди пустыни – своего рода социалистическую утопию. Репортажи и очерки Вайля пронизывает гордость за соотечественников, восхищение их стойкостью и мужеством, искренняя любовь к ним. Другая важная доминанта этих очерков – революционный и строительный пафос: для Вайля важны темы борьбы, преодоления, самоотверженного труда, социальных и материальных изменений, которые становятся возможными благодаря человеческой стойкости, вере, самопожертвованию и труду.

В репортажах «Десять лет Интергельпо» и «Как была завоевана пустыня» Вайль с некоторыми вариациями воспроизводит историю путешествия чехов в Киргизию и создание Интергельпо. Используя рассказы поселенцев, воспроизводя их эмоции, он передает, как люди, большую часть которых составляли чехи и словаки и среди которых также были немцы и

³⁹⁸ Ibid. S. 98.

³⁹⁹ Об Интергельпо также писал Юлиус Фучик, несколько раз посещавший Киргизию в 1930-е гг. См.: *Фучик Ю. О Средней Азии*. Пер. с чеш., сост. и предисл. О. Малевича. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1960.

мадьяры, триумфально выезжали из словацкого города Жилина на поезде, украшенном красными флагами. Они воодушевленно ехали в незнакомую землю, которую совсем себе не представляли. Азия для них была связана только с полумифическими именами Атиллы, Чингисхана, Тамерлана, знакомым по школьным учебникам, также они читали отдельные замечания о Киргизии в книге шведского путешественника Свен Гедина «Сердце Азии»⁴⁰⁰, изданной еще в конце XIX в. и представлявшей Киргизию как «царскую провинцию, отсталую, с отсталым магометанским населением и царскими колониальными чиновниками»⁴⁰¹. Однако в целом граждане Чехословакии надеялись, что советская Киргизия – солнечная и плодородная страна с горами, реками и лесами, где можно жить, почти как на родине. Вайль подчеркивает, что некоторые поселенцы имели коммунистические взгляды и осознанно стремились в Советский Союз, некоторых толкала в Азию обманчивая мечта о новой Америке, желание быстрого обогащения.

Путешествие поселенцев в Киргизию длилось целый месяц. Вайль, передавая рассказы самих поселенцев, пишет о том, что уже на Украине в пограничном городе Волчанск их приветствовали рабочие, с гордостью говорящие о своей стране трудящихся, но в то же время предупреждающие иностранцев, что они здесь не найдут готовый рай, что им предстоит большой труд и борьба. Можно сказать, что в этом месте заканчивается своеобразная увертюра к истории чехословаков в Азии, которую Вайль предлагает своим читателям. Повествование о прибытии в Киргизию, начале жизни там, полно драматического напряжения, связанного с чередованием надежды и отчаяния, которые попеременно охватывали колонистов.

Вживаясь в воспоминания поселенцев, Вайль описывает, как по мере приближения к точке назначения – городу Пишпеку – меняется настроение людей: «Потом за Оренбургом они первый раз увидели степь – так начиналась

⁴⁰⁰ Гедин С. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан со 140-ю рисунками и 1-картой. С.-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1899.

⁴⁰¹ Weil J. Deset let Interhelpa. (Svět práce, květen 1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 53.

Азия. Им было тоскливо, несколько дней подряд они видели лишь голую степь, пыль и песок, и постоянно спрашивали, так ли выглядит место, где они будут жить»⁴⁰². Вайль умело создает атмосферу, подчеркивая детали, вводя несобственно-авторскую речь: «Поезд, груженный станками, медленно ехал по пустыне; казалось, что ей не будет конца. У них болело сердце, когда они видели огромные трещины на земле, которая трескалась от жары. Их охватил ужас. Так вот, значит, какая она, Азия, – с враждебным солнцем, спаленной травой и песком, который летит в глаза»⁴⁰³. Враждебное впечатление производят на поселенцев и первые местные люди – киргизы: «Они тупо глядели на иностранцев, казалось, без интереса; в их взгляде не было ничего человеческого, ни удивления, ни злобы, ни радости, только тупое животное непонимание»⁴⁰⁴. В виде символической детали враждебного мира Вайль использует упоминание о кислом кумысе, из которого у женщин не получается сделать привычный кофе с молоком: «Но дети хотели кофе: “кофе с молоком, мама”. Так Горакова отправилась к местным за молоком. Она взяла грязные бутылки от водки, в которых местные продавали молоко, и сразу перелила молоко в кувшин. “Ничего”, – говорила она, – “хорошо его прокипячу, и у детей будет кофе”. [...] Кофе приятно пах в спальном вагоне, другие женщины смотрели с завистью на Горакову, дети уже были в нетерпении. “Вот бы еще маковый рогалик” – вздохнула Горакова, когда наливала кофе в чашку. Дети набросились на кофе, но сразу раздалось: “Мама, это нельзя пить, это кисло”. Горакова напустилась на детей, что они избалованные и привередливые, и попробовала кофе. Его действительно было невозможно пить. Ее охватила безысходность. Значит, они уже никогда не будут пить кофе с молоком, раз здесь такое молоко, горькое и кислое. Зачем она только поехала в эту дикость, где у ее детей не будет даже молока? Только в Пишпеке через несколько недель она узнала, что то, что она купила у местных, было не молоко, а кумыс,

⁴⁰² Ibid. S. 56.

⁴⁰³ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 229.

⁴⁰⁴ Ibidem.

скисшее кобылье молоко, местный алкоголь»⁴⁰⁵. Кумыс, подобный молоку, но не являющийся им – это также символ узнавания и неузнавания, которое связано с первым знакомством с азиатским миром. Так же поселенцы узнают и не узнают пейзаж, в котором они стремятся угадать знакомые очертания гор, рек, лесов: «Однако в остальном настроение их было радостным, поскольку они приближались к цели – городу Пишпеку. И к тому же они видели горы. Их вершины блестели в весеннем солнце, на более низких горах светилась зелень, это были горы, похожие на словацкие и чешские, только на них не было леса»⁴⁰⁶. Но, оказавшись в Пишпекке, люди увидели лишь небольшой грязный азиатский город и пустыню, ничем не напоминающую родную Чехословакию: «Они были на месте, но разве это место, где можно жить? Это место, где можно построить заводы, выгонять коров на пастбище, собирать ягоды в саду, срывать груши и кормить свиней?»⁴⁰⁷.

Решение чехословаков остаться на незнакомой враждебной земле и попробовать создать на ней свой остров цивилизации Вайль представляет как символический, почти мифологический момент, он подчеркивает, что данное историческое решение секретарь товарищества, рабочий из Лоун Богумил Шульц за неимением бумаги записал в книгу, которую всегда имел при себе, и этой книгой был легендарный «Лабиринт света и рай сердца» чешского гуманиста XVI–XVII вв. Яна Амоса Коменского. Интересно, что эту книгу Вайль делает символом чешского духа, стойкости, упоминая, что Шульц обращается к ней каждый раз в кризисной для поселенцев ситуации. Сам Вайль находит ее в библиотеке Интергельпо, стоящей рядом с «Огнем и мечом» Г. Сенкевича.

Далее Вайль описывает героический труд членов товарищества Интергельпо, которые на сухой голой земле, претерпевая страшную жару, тяготы бытовой неустроенности, тяжелые азиатские болезни, смерть

⁴⁰⁵ Ibid. 229–230.

⁴⁰⁶ *Weil J. Deset let Interhelpa. (Svět práce, květen 1935) // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 56.*

⁴⁰⁷ *Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 230.*

маленьких детей, пожары в только что построенных цехах, смогли найти питьевую воду, построить промышленные цеха и жилые дома – основу своего будущего поселения. Вайль упоминает и о том, что не все члены товарищества смогли поверить в возможность осуществления утопии, не все выдерживали предельно тяжелые условия, и покидали Интергельпо. Были и те, которых из Интергельпо выгоняли, как выгнали афериста Ланичка, обвиненного в растрате средств. Однако Вайль «поет гимн» именно тем, кто остался, честно трудился на общее благо, выстоял и победил пустыню. Своему повествованию он часто придает былинно-эпический тон: «Десять лет назад они праздновали 1 мая с железнодорожными работниками. За несколько дней до этого они приехали из Чехословакии. Они тогда стояли посреди пустыни и пели чешские революционные песни. Они выглядели как горстка чужаков в бесконечной пустыне. Они хотели перекричать песнями свою тоску, хотели укрепить свою веру в будущее. Они празднично оделись, их шляпы и европейская одежда вызывали удивление у киргизов. Они встали лицом к лицу с чужой землей, над ними развевались красные флаги с чешскими лозунгами, щурили глаза под палящим солнцем и пели...»⁴⁰⁸.

При этом Вайль подчеркивает, что именно с чешского Интергельпо началось приобщение киргизов к технике, технологиям, электричеству: «Со всей округи приезжали киргизы смотреть на работу удивительных иностранцев. Они смотрели на чехословаков как на сказочных людей. Какой дьявол их подгоняет, чтобы они крутились вокруг станков, чтобы бегали с кирпичами по пустыне?»⁴⁰⁹. Вскоре киргизы стали приносить чехам чинить свои вещи: «До последнего аула у китайских границ долетела новость, что в крае появились иностранцы, которые все умеют делать и починить. Киргизы приносили им чинить свои старые ручные молотилки для зерна, сделанные где-то в Китае или в Индии. Приносили примитивную металлическую посуду,

⁴⁰⁸ Weil J. Interhelpo: 3. Socialistické soutěžení // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 253.

⁴⁰⁹ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 233.

дырявые миски и разбитый китайский фарфор. [...] Слава о новых людях, людях станков [...] летела по всему краю»⁴¹⁰.

Первую крупную победу, по словам Вайля, чехи праздновали осенью 1925 г.: «В сентябре 1925 г. все было готово еще до холодов. Музыка играла победные марши, люди со всего края пришли посмотреть на чудо. Алфелди и Янич запустили дизельный двигатель, и в новых цехах и домах Интергельпо засиял электрический свет. Первый раз в городе Пишпек, первый раз в истории Киргизии. Уже стоят металлообрабатывающий и деревообрабатывающий цеха, а дальше в конце строительного участка у грязного, вечно пересыхающего ручья, гордо возвышается кожевенный завод. Флаги развевались, и музыка играла. С песнями колонисты переезжали из разваливающегося барака в новые жилые дома»⁴¹¹. Еще одно знаменательное достижение чехословаков – строительство и открытие текстильной фабрики 2 марта 1927 г.: «До сих пор Мерц, инженер из Брно, а сейчас заместитель председателя товарищества, не может забыть торжественное открытие новой текстильной фабрики. Это был праздник, которого еще не видели в Киргизии. Тысячи киргизов приехали на лошадях. Пришло все правительство, представители учреждений всего района. И тогда наступил самый знаменательный момент. Монтер парового котла Стейскал запустил первый гудок. Первый заводской гудок в Киргизии, первый звук европейской промышленной цивилизации в пустыне, где раньше рос только чертополох»⁴¹².

Кроме того, Вайль рассказывает, что именно чехи, несмотря на недоверие местных жителей и чиновников (которые, однако, выделили на эксперимент 6000 рублей), начали выращивать в Киргизии сахарную свеклу, которая вскоре стала важной промысловой отраслью в Киргизии и Казахстане: «Когда он (член Интергельпо) им (работникам лаборатории в Ташкенте)

⁴¹⁰ Ibid. S. 233–234.

⁴¹¹ Ibid. S. 235.

⁴¹² Ibid. S. 241.

сказал, что свекла из Киргизии, они не хотели ему верить. “Там ведь не может расти свекла, там засушливая почва”. “А она растет”, – упрямо ответил Незвал. “Растет, и мы собрали немаленький урожай”. “Сейчас на нее посмотрим”, – сказали в лаборатории. “Содержание сахара 18–20%”, – объявила лаборатория. Так возникла огромная сахароварная промышленность в Киргизии и Казахстане, плантации свеклы и гигантские сахароварни в Канте, Беловодске, Кара-Балт. Восемнадцать тысяч гектаров было засеяно в 1935 г., и Киргизия стала вторым центром сахароварения в Советском Союзе. Фотографии первой сахарной свеклы, выращенной в Интергельпо, сейчас выставлены в музее города Фрунзе»⁴¹³. Об этом достижении чехословаков, их вкладе в советскую жизнь, Вайль пишет в стилистике летописи: «Была осень 1925 г. Это историческая дата в истории Киргизии. В этом году Чехословаки подарили Киргизии сахарную свеклу»⁴¹⁴.

Таким образом, Вайль подчеркивает, что чехи и словаки в Киргизии – это первопроходцы, стахановцы, способные трудиться, умелые, дружные, сумевшие «соединить западноевропейскую практичность с русским революционным энтузиазмом»⁴¹⁵. За два года им удалось запустить 4 завода, построить 17 домов на 91 квартиру, возделать 260 гектаров нетронутой земли⁴¹⁶. Особенно ярко о вкладе чехов в промышленное развитие Киргизии Вайль пишет в статье, посвященной празднованию десятилетия Интергельпо: «Праздник Интергельпо будет праздником всей Киргизии, в нем примут участие и местные представители власти. Поскольку Интергельпо имеет большое значение для всей социалистической Киргизии. Интергельпо было первой промышленной единицей в Киргизии. Рабочие из Интергельпо помогают в создании промышленности в Киргизии. В цехах Интергельпо работал первый местный киргизский пролетариат. Бывшие кочевники в цехах

⁴¹³ Ibid. S. 237.

⁴¹⁴ Ibid. S. 236.

⁴¹⁵ Weil J. Deset let Interhempa: Svět práce, květen 1935 // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 58.

⁴¹⁶ Weil J. Interhempa: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 241.

Интергельпо становились профессиональными рабочими, текстильщиками, слесарями, механиками. Сейчас в Интергельпо работает 10 процентов местного киргизского пролетариата»⁴¹⁷.

Говоря об Интергельпо и его членах, Вайль показывает и то, как постепенно в течение 10 лет происходит интеграция товарищества в советское пространство, как с 1928 г. Интергельпо начало принимать чехословаков со всей территории СССР, а затем в него стали вступать русские, киргизы, уйгуры, украинцы. Многих членов Интергельпо, напротив, призывают на новые ответственные должности в Киргизской республике и по всему Советскому Союзу. Интересно замечание Вайля о языке, который создается в смешении народностей и национальностей: «Появился особенный язык, “Интергельповский”, это смесь чешского, словацкого, русского и киргизского. [...] На правильном чешском уже говорит мало людей, на правильном русском – еще меньше. Даже сами русские не говорят. Но все друг друга понимают»⁴¹⁸. В качестве примера этого языкового обмена Вайль упоминает, что «председатель общества и многие другие с удовольствием используют узбекское слово “чоп”, которое означает “хорошо”»⁴¹⁹.

Интеграция чехословаков в советский мир происходит и через их детей, которые вырастают, учатся, становятся инженерами, военными, врачами. В качестве примера Вайль приводит историю молодого чешского парня Карела Марека: «На велосипеде из города приехал Карел Марек. Он тоже немного принадлежит Интергельпо, но он здесь только на каникулах, а вообще учится в Москве на инженера-механика, специализируется на турбинах. Отец Марека – председатель объединения портных, того, которое отделилось от Интергельпо и имеет свои цеха на главном проспекте во Фрунзе. Карел Марек до учебы работал в Интергельпо слесарем. Однако он больше никогда там не будет работать инженером, поскольку Интергельпо никогда не будет

⁴¹⁷ Weil J. Před desítiletím družstva Interhelpo: Tvorba 1.5. 1935 // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 45.

⁴¹⁸ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 242.

⁴¹⁹ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 242.

производить турбины. Поэтому каждые каникулы он приезжает в Интергельпо, будто хочет проститься со всеми приятелями, с которыми работал на заводе, и со всеми девушками и парнями, с которыми учился в школе, прежде чем его поглотит великая советская страна. Для Карела Марека, который приехал в Среднюю Азию маленьким мальчиком, Интергельпо – родная земля. Несмотря на то, что он хорошо говорит по-чешски, он уже не чувствует своего прямого отношения к Чехословакии, он ее не представляет и нисколько по ней не скучает. Зато каждые каникулы он приезжает в Интергельпо, хотя и мог бы ехать на практику на завод, где заработал бы много денег. Марек всегда созывает молодежь и рассказывает ей, как это прекрасно – учиться; какая она – студенческая жизнь в Москве; много рассказывает о студгородках под Москвой и работе в лабораториях. Молодежь, дети чехословацких колонистов, напряженно слушают, каждый год часть молодежи отправляется учиться в университеты в Москву, Ленинград, Ташкент, Алма-Ату, становятся докторами, инженерами, агрономами, зоотехниками. Однако они никогда уже не вернутся в Интергельпо, они получают работу где-то в России, и так чехословацкая колония постоянно уменьшается»⁴²⁰.

Отмечает Вайль и то, что чехословацкое Интергельпо втянуто в социалистическое соревнование, напряжение которого растет перед 1 мая и больше всего напоминает напряжение на футбольном матче: «Соревнуются между собой и отдельные заводы. Самые большие шансы у кожевенного завода, которым руководит Крайчевич. Завод всегда выигрывал – у него уже три переходящих флага, и он крепко их удерживает. Сейчас он надеется получить четвертый, праздничный флаг к десятилетию. Однако вдруг в первой половине апреля оказалось, что у текстильной фабрики тоже большие планы. Рабочие контрольной комиссии бегают между текстильной фабрикой и кожевенным заводом туда и обратно. Цифры растут, всех одолевает азартное

⁴²⁰ Weil J. Interhelpo: 2. Večery v Interhelpu // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a statí 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 248.

настроение. Выиграет текстильная фабрика или кожевенный завод? Вагнер или Крайчевич? Вагнер и Крайчевич встречаются в кабинете. Результаты последних недель склоняются в пользу текстильной фабрики. Крайчевич злится: “Можете у нас забрать все флаги, но этот к десятилетию мы обязаны получить!” Крайчевич угрожает и клянется своей пролетарской честью, ругает текстильную фабрику, говорит, что там сидят “бракоделы”, растягивают ткани, чтобы было больше метров, что в последние недели работают не со смешанной, а с длинноволоконной шерстью лучшего качества, и что после соревнования будут снова работать со смесью, и снова не выполняют норму. Вагнер меньше злится. Он уверен в своей победе, он горд, что текстильная фабрика первый раз выиграет в истории Интергельпо; она будет на первом месте, и именно в год десятилетия. Однако и он теряет равновесие после наступательных речей Крайчевича: “Давай, расскажи нам это на нашем собрании”, – кричит на Крайчевича, – “там тебя наши девчата так поколотят. Будем тебе скорую вызывать”»⁴²¹. Не менее вовлечены и сами рабочие, об их противостоянии Вайль пишет с юмором: «Рабочие с кожевенного завода едва не дерутся с текстильщиками. К счастью, они встречаются только за обедом, а здесь всегда мирное настроение»⁴²². Результат определяет не только реальные достижения, но и воспитательный элемент: «Приходится собрать группу доверенных лиц со всех заводов и там решить этот вопрос. Вагнер и Крайчевич снова бурно ругаются. Однако собрание решает, что флаг достанется текстильной фабрике. Это необходимо и справедливо, это будет крупная победа для тех, кто годами отставал, но в честь десятилетия напряг все силы, чтобы, наконец, первый раз победить. Теперь текстильной фабрике предстоит упорно работать, чтобы сохранить флаг»⁴²³. Эпилог истории о соревновании двух заводов – картина разных переживаний их руководителей – Вагнера и

⁴²¹ Weil J. Interhelpo: 3. Socialistické soutěžení // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 256–257.

⁴²² Weil J. Člověk na Džergalčaku // Češi stavějí v zemi pětileték. Praha, 1937 // Reportáže a stati 1933-1937. Praha: Triáda, 2022. S. 267.

⁴²³ Weil J. Interhelpo: 3. Socialistické soutěžení... S. 257.

Крайчевича: «Старый Крайчевич печально уходит. Он проходит по улице Интергельпо, вдоль которой стоят тонкие белые тополя, идет один и бурчит какую-то грустную словацкую песню. Даже напиться от ярости не может, над ним бы смеялись целый год. Он печально бредет к своему дому, а там будет работать на огороде до упаду, чтобы не думать о таком поражении, чтобы потом упасть обессиленным и уставшим на постель и уснуть. Зато Вагнер идет праздновать свою победу в парк. Он посадит на плечи своего шестилетнего сынишку, купит ему мороженого и апельсинов, возьмет себе пиво и в кругу своих мастеров с текстильной фабрики будет рассказывать, как утер нос Крайчевичу. Празднество не будет длиться долго, сынишке нужно спать, в начальной школе тоже социалистическое соревнование»⁴²⁴.

Культурная жизнь в Интергельпо также устроена на светский лад: люди активны, ходят в клуб, смотрят фильмы, гуляют в парке, где стоит бронзовая статуя Ленина, танцуют, играют в волейбол: «Перед клубом и в соседнем парке очень шумно; это общественный центр всего городка. Чешская речь мешается с киргизской и русской»⁴²⁵. Вайль отмечает, что эта жизнь отличается от той, которую бы чехословаки вели в Чехии: «Наверное, если бы Глозл был где-то дома у Пелгржимова, он бы сидел на пороге своего дома и спорил бы с соседями о политике; но здесь в Азии, на киргизской земле, он идет в парк, чтобы там почитать газеты, послушать музыку, посмотреть на танцы молодежи и выпить немного пива»⁴²⁶.

Однако, даже говоря об интеграции Интергельпо в парадигму советской жизни, Вайль все-таки показывает, что жизнь в Интергельпо – особенная, подчеркивает ее своеобразие, сравнивая с облагороженным за десять лет Фрунзе (Пишпек), где за это время появились кинотеатры, государственный театр, парки, стадионы, заводы, университет. По мнению колонистов и Вайля, благодаря труду поселенцев Интергельпо не уступает Пишпеку: «Однако на

⁴²⁴ Ibid. S. 257–258.

⁴²⁵ Weil J. Interhelpo: 2. Večery v Interhelpu... S. 246.

⁴²⁶ Ibidem.

майской демонстрации в течение всех десяти лет идет Интергельпо. Однако цех металлообработки в Интергельпо работает лучше, чем новый государственный металлический завод. Поселенцы Интергельпо живут лучше, чем большая часть жителей города. Интергельпо всегда должно быть впереди. С одного края Интергельпо соединяется с новой русской коллективизированной деревней. На одной стороне улицы дома Интергельпо, на другой – деревенские дома. И между этими домами разница в сто лет. Люди, которые случайно оказываются в Интергельпо, удивляются. Это поселение, которое не сравнится ни с каким другим в крае, даже с образцовыми поселениями рабочих-сахароделов в Кара-Балте. Городок напоминает чешские промышленные городки в краях, где земледелие соединяется с промышленностью. Я все время вспоминал деревни у Кладно или дома в предместье Праги. Однако они были построены из местного материала, по большей части из необожженных кирпичей. Это не русское поселение, и тем более – не азиатское»⁴²⁷. Кроме того, сохраняются в Интергельпо и собственно чешские реалии, такие, например, как пиво: «В парке разливают пиво, это хорошее пиво, которое варит пивовар Томашек, тоже чех, который приехал в Среднюю Азию с Украины, где он был пивоваром до войны»⁴²⁸.

Отдельно Вайль отмечает гордость чехословаков за себя, радость созидания: «Уже десять лет колонисты не видели свою бывшую родину. Каждый кусок земли, каждый кирпич были добыты тяжелой работой и кровавым потом. Они любят свое Интергельпо, и не хотят расстаться с ним ни за что на свете»⁴²⁹. Сами чехи, как свидетельствует Вайль, могут часами подробно рассказывать о строительстве Интергельпо, о своих тяготах и победах. Верный своему портретному методу, Вайль рассказывает историю электромонтера Паленкаша, который, несмотря на болезнь и рекомендации докторов сменить климат, не хочет уезжать. Также Вайль использует взгляд

⁴²⁷ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 243.

⁴²⁸ Weil J. Interhelpo: 2. Večery v Interhelpu... S. 246.

⁴²⁹ Weil J. Interhelpo: 1. Jak bylo dobyto pouště... S. 244.

чеха-возвращенца, чтобы оценить Интергельпо: «В парке уже сидит много людей; все любопытны, потому что приехал Скалицкий, который спустя годы вернулся из Чехословакии. Он еще полон новостями с далекой родины, но еще больше он удивлен прогрессом, которого достигло сообщество – он смотрит на бетонный танцевальный круг, на высокие деревья, на фонтан и бронзовую статую Ленина, стоящую посреди парка. [...] Скалицкий сидит удивленный, и вместо того, чтобы отвечать на вопросы, все время спрашивает, как такое возможно, что Интергельпо так окрепло за те пять лет, что его не было»⁴³⁰.

Подводя итог размышлениям, посвященным публицистике Вайля о советской Средней Азии, можно сказать, что в своих очерках и репортажах он оказался верен себе: старался не только точно, детально, иногда иронично, иногда поэтично воссоздать окружающую его реальность, но и полностью ею проникнуться – вслушаться в рассказы местных жителей, узнать и пересказать читателю историю тех мест, поселков и городов, которые ему удалось увидеть. При этом в «среднеазиатской» публицистике Вайля отчетливо выделяются две содержательные доминанты: утверждение социалистических преобразований, направляющих жизнь бывших российских окраин в русло промышленного развития, просвещения и культуры; обозначение роли граждан Чехословакии в этом грандиозном строительстве.

⁴³⁰ *Weil J. Interhelpo: 2. Večery v Interhelpu... S. 246.*

ЧАСТЬ II.

Изображение советского мира в художественном творчестве Иржи Вайля: роман «Москва-граница»

Роман Вайля «Москва-граница» (1937) представляет собой уникальную художественную попытку постижения советского мира – это один из первых художественных текстов о советской России, написанных в Европе. Найденная художественная форма, аналитическое мышление и личный опыт позволили Вайлю не только передать самые разные оттенки отношения европейца к советской России межвоенного времени, но и создать свой способ изображения и осмысления формирующегося советского мира.

Роман, кроме того, интересен и с точки зрения поэтики – как результат художественных поисков Вайля-публициста и переводчика, живо интересовавшегося литературной теорией и практикой, вопросами жанра и стиля. Он был написан именно в то время, когда остро стал ощущаться всеевропейский кризис романа как эпического жанра, когда сама эстетическая форма романа с ее идейно-философским наполнением активно приспосабливались к новой меняющейся реальности. О кризисе романа в советской России писал, например, О. Мандельштам в своей статье «Конец романа» (1922)⁴³¹, Ю. Тынянов в статье «Литературное сегодня» (1924)⁴³² о нем говорили и многие европейские писатели и мыслители (Г. Уэллс, Ж. Дюамель, Дж. Голсуорси, В. Беньямин и др.). Этот процесс в той или иной степени затронул всю европейскую и русскую литературу и способствовал появлению новых романских нарративов в первой половине XX в.: романы М. Пруста, Д. Джойса, Т. Манна, У. Фолкнера, Дж. Дос Пассоса, А. Дёблина,

⁴³¹ Мандельштам О.Э. Конец романа // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. М.: Худож. лит. 1990. С. 201–205.

⁴³² Тынянов Ю. Литературное сегодня // История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 435.

Ф. Кафки, А. Белого, А. Платонова, Б. Пильняка, Ю. Олеши, Е. Замятина и др., где воплотились такие литературно-эстетические явления, как поток сознания, экспрессионистская поэтика, авангардные композиционные построения (монтаж, коллаж), литература факта, где совместились старые и новые литературные приемы, переплелись архаические и новаторские жанровые формы. Все эти тенденции в той или иной степени были характерны и для чешской литературы⁴³³, к которой Вайль с ранней юности был приобщен, входил в авангардную группу «Девятсил», члены которой активно экспериментировали с новыми формами в поэзии и в прозе (романы В. Ванчуры), а также в группу левого «толка» «Блок»⁴³⁴. Значительное влияние на художественное творчество Вайля оказала и русская литература, с которой он был знаком глубоко и обстоятельно.

Глава 1. Полемика в чешском литературоведении по поводу романа «Москва-граница»: 1937–2024 гг.

Роман «Москва-граница» был опубликован в Чехии в 1937 г. и сразу вызвал оживленную полемику в чешской культурной среде. Чешские литературные критики, привыкшие видеть в Вайле публициста, в один голос начали писать о том, что роман «Москва-граница» представляет собой документальное свидетельство и отнесли его к «литературе факта». Так, например, Карел Сезима в газете «Народни листы» (*Národní listy*) утверждал по поводу жанровой формы романа, что «это форма репортажная,

⁴³³ О тенденциях чешского межвоенного романа см.: Кузнецова Р.Р. Чешский межвоенный роман: эволюция жанра и стиля. М.: МГУ, 1980.

⁴³⁴ «Blok» – левое чехословацкое писательское объединение в г. Брно, существовавшее с 1935 по 1938 гг. и ориентированное на соцреализм. Манифест группы был опубликован в журнале «Index» 12.2.1936. Среди основателей были такие литераторы, как Б. Вацлавек, П. Илемницкий, К. Конрад, И. Тауфер. Объединение издавало ревью «U Stvrtletník Skupiny Blok».

фактомонтажная»⁴³⁵, а в ежемесячнике «Люмир» (*Lumír*) добавлял, что Вайль больше свидетельствует, чем творит, в его романе, по мнению критика, больше эмоциональных воспоминаний, нежели образов⁴³⁶. Вацлав Черны в газете «Лидове новины» (*Lidové noviny*) представлял роман как «три вырезки из жизни» и говорил, что произведение представляет собой «прежде всего документ или свидетельство»⁴³⁷. Литературный критик, специалист по русской литературе Богумил Матезиус в своей рецензии отмечал, что речь идёт о первой попытке автора писать в эпическом жанре и называл «Москву – границу» «полуроманом»⁴³⁸.

Таким образом, критики-современники сосредоточились на интерпретации фактического и идеологического содержания романа, восприняв его как один из источников информации о советской России – таким же, как публицистические книги об СССР А. Жида, Л.-Ф. Селина, Ю. Фучика, И. Ольбрахта, М. Майеровой, В. Незвала, и др. К. Сезима, анализируя роман, говорил, что это первая попытка «представления о современной России», где «русская реальность изображена в перспективе нашего человека, западника»⁴³⁹.

Содержательная интерпретация романа зависела, прежде всего, от политических убеждений самих критиков. Непроясненность авторского взгляда, нежелание Вайля использовать черно-белую оценочность при описании Страны Советов сделали роман уязвимым для критиков-коммунистов (Ю. Фучик, Й. Рыбак и др.), которые восприняли его как антисоветский, порицали слабого безвольного героя Яна Фишера, не без оснований открыто сопоставляли его с автором. Так, Ю. Фучик, который по заказу К. Готвальда написал разгромную рецензию «Роман сплетен о

⁴³⁵ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 396.

⁴³⁶ Ibidem.

⁴³⁷ Ibidem.

⁴³⁸ Ibidem.

⁴³⁹ Ibid. S. 397.

Москве»⁴⁴⁰ и для которого Вайль и Фишер были тождественны, открыто обвинял автора и его героя в мещанстве и вредительстве⁴⁴¹. Другой критик-коммунист, Й. Рыбак, также в официальной коммунистической газете «Руде право» (*Rudé právo*) писал, что в романе изложена концепция политическая, антисоветская, реакционерская, а главный герой – «лентяй, не интересующийся ничем неличным, чуждый всему великому, что происходит в СССР, отлынивающий от работы»⁴⁴². Однако в среде чешских «левых», где во второй половине 1930-х гг. уже назрели политические противоречия, связанные с оценкой советского сталинизма⁴⁴³, не было единства в оценке романа. Я. Бухар, например, воспринял его как свидетельство о том, как в СССР появился особый азиатский социализм, не соответствующий изначальной высокой идее коммунизма⁴⁴⁴. Критик-социалист В. Черны (*Lidové noviny* 10.1.1938) также увидел в романе предупреждение о темных сторонах сталинизма, по его мнению, «последним критерием и мерой политического режима или экономической организации является ответ на вопрос: Что вы сделали с человеком?»⁴⁴⁵.

Таким образом, часть рецензентов и критиков уже в 1930-е гг. видели в романе обличение советской действительности, отмечали, но теперь уже со знаком плюс, разочарование автора в советском мире, писали о том, что главной темой романа является конфликт личности и коммунистической диктатуры. В этом же ключе некоторые критики трактовали роман Вайля и в период попытки либеральных преобразований в 1968 г., когда готовилось (не состоявшееся) переиздание романа, которому приписывали антитоталитарный

⁴⁴⁰ Fučík J. Pavlačový román o Moskvě // *Tvorba*, ročník 13, 1938. S. 34–35.

⁴⁴¹ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. *Moskva-hranice*. Praha: Triáda, 2021. S. 399.

⁴⁴² Ibidem.

⁴⁴³ См. об этом: Siostrzonek P. JEŠTĚ JE MOSKVA? Román Moskva-hranice ve sporech a rozporech své doby//A2 #13/2015 / [Электронный ресурс] URL: <https://www.advojka.cz/archiv/2015/13/jeste-je-moskva> (дата обращения: 5.08.2025).

⁴⁴⁴ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. *Moskva-hranice*. Praha: Triáda, 2021. S. 399–400.

⁴⁴⁵ Ibid. S. 398.

пафос, интерпретировали как роман о «деформациях социализма», приоткрывающий ту искаженную форму русского варианта коммунизма, из-под власти которого стремится выйти Чехословакия⁴⁴⁶. Похожая реакция, еще более открытая, безо всяких оправдательных оговорок, что это все-таки не антисоветский роман, последовала после переиздания «Москвы-границы» в 1991 г., когда эмпирическое восприятие новых исторических событий подталкивало к уже по-новому идеологизированной, упрощенной интерпретации. Например, В. Новотный в газете «Млада фронта днес» (*Mladá fronta dnes*) писал, что Вайлю удалось верно отразить «ужасный абсурдный механизм партийной администрации, управляемой тираном и его пособниками»⁴⁴⁷. Однако и в эту эпоху переоценки прошлого отношение к Вайлю, прочтение его романа, конечно же, не было однородным. Так, исследовательница А. Едличкова в 1991 г. отмечала, что в «Москве-границе» речь шла «об идеалах, в правду которых Вайль, очевидно, никогда не переставал верить в их “изначальном”, чистом, “неиспорченном” виде, не нарушенном властными интересами амбициозных лидеров и “лжепророков”»⁴⁴⁸.

Характерно, что сам Вайль едва ли считал свой роман антисоветским. Еще будучи в СССР, он писал Я. Вондрачковой, что хотел бы, когда вернется домой, создать книгу «о жизни иностранцев в Москве и о строительстве Метростроя»⁴⁴⁹. Впоследствии в своей заметке «Только несколько слов», опубликованной в 1937 г. по поводу выхода романа, Вайль так определил его главную тему: «Роман “Москва-граница” рассказывает о великой Стране Советов в годы второй пятилетки (год 1933 и 1934)»⁴⁵⁰. В этой же заметке

⁴⁴⁶ Подобная оценка романа встречается, например, в издательской характеристике-рекомендации к переизданию романа, написанной М. Юнгманом 30 апреля 1968 г. См.: Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 390

⁴⁴⁷ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 404.

⁴⁴⁸ Ibid. S. 405.

⁴⁴⁹ Vondráčková J. Mrazilo-tálo (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 373.

⁴⁵⁰ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 384–385.

Вайль подчеркивал, что «только человек, ослепленный сумасшедшей ненавистью, не увидит в Советском Союзе светлые стороны»⁴⁵¹. В то же время писатель понимал, что его роман отличается от дифирамбов в адрес СССР, писавшихся его современниками, и, как ему кажется, недостойных самой советской реальности. В своей заметке Вайль объясняет: «Однако, я бы написал плохой роман, если бы изображал только светлые стороны. Мой роман тогда бы уподобился заказным романам, которые по праву осуждает вся советская критика»⁴⁵².

Как видим, сам Вайль был далек от резкого осуждения СССР, и его роман трудно интерпретировать лишь в этом, однозначно критическом ключе. Гораздо ближе к истине те исследователи, которые улавливают и учитывают всю его сложность. Так, например, К.Й. Бенеш⁴⁵³, издатель Вайля и автор первой рецензии на его книгу, отмечает, что этот роман с одинаковым интересом могут читать и противники, и сторонники СССР, так как он лишен какой-либо тенденциозности: «Чувство критически настроенного западноевропейского человека переплетается в романе Вайля с не менее впечатляющим и страстным прославлением советского строительства нового мира»⁴⁵⁴. Отметим, что Бенеш первый указал на эстетический и стилистический аспекты произведения. Уже упомянутый Б. Матезиус выдвигает свою интерпретацию, говоря о «сопротивлении материала» в тексте Вайля. По его мнению, писатель хотел создать роман не порицающий, а, скорее, прославляющий СССР, но сам материал взбунтовался против автора: «моральное отношение автора к его роману перевесило его интеллектуальное намерение»⁴⁵⁵. Б. Вацлавек в статье 1938 г. писал, что «Вайлю было необходимо через свое произведение объяснить, как получилось, что на

⁴⁵¹ Ibid. S. 385.

⁴⁵² Ibid. S. 384.

⁴⁵³ К.Й. Бенеш (1896-1969) – чешский писатель и сценарист, с 1934 по 1937 гг. руководил издательством «Družstevní práce».

⁴⁵⁴ Ibid. S. 376.

⁴⁵⁵ Ibid. S. 398.

практике он оказался в определенных разногласиях с советской действительностью, за которую выступал теоретически»⁴⁵⁶. В то же время Вацлавек отмечает, что «защита Вайлем человека перед системой стоит на слабых опорах»⁴⁵⁷. Достаточно объективно оценивал роман Вайля поэт Й. Гора в своей рецензии на роман, опубликованной в 1938 г. в «Чешском слове» (České slovo): «вечно повторяющийся конфликт личности с абсолютной идеей, которая требует от человека в интересах большинства всего и без вознаграждения», «конфликт единицы с общественной справедливостью, человеческого идеализма с психозом толпы, страха и героизма...»⁴⁵⁸. Отмечал Гора и то, что «в чешскую прозу с романом “Москва-граница” влился дух редкого для нее морального напряжения, дух высокой взволнованности струн человеческой души»⁴⁵⁹.

Особо следует сказать о Ружене Гребеничковой, которая в своих обширных и глубоких исследованиях в начале 1960-х гг. впервые сделала предметом научного анализа художественную составляющую романа «Москва-граница», постаралась объяснить, как «репортажная форма перерастает в художественную», обратила внимание на особенную форму повествования Вайля, в которой объективный, документальный взгляд на реальность совмещается с субъективным восприятием героев. Неоднородность и в то же время цельность авторской стилистики, жанровая неоднозначность романа, его глубокая проблематика убеждают исследовательницу в особом значении романа в чешской и мировой литературе: «В связи с этим необходимо включить “Москву-границу” в один ряд с самыми известными романами этой эпохи, возникшими вблизи левых

⁴⁵⁶ Ibidem.

⁴⁵⁷ Ibid. 399.

⁴⁵⁸ Ibid. 398.

⁴⁵⁹ Ibidem.

движений, и констатировать, что “Москва-граница” ставит вопрос “судьбы человека” в рамках истории европейского общества двадцатого века»⁴⁶⁰.

Завершая краткий обзор мнений и концепций прочтения романа «Москва-граница», нужно сказать, что за последние 30 лет в Чехии появилось достаточно большое количество работ, посвященных Вайлю и, в частности, его нашумевшему роману, где оказались проанализированы разные аспекты поэтики и содержания. Отметим имена таких исследователей, как А. Едличкова, Й. Вогрызек, Я. Крыл, И. Поспишил, Й. Галик, Э. Штедроньова, Я. Шефчикова, М. Киттлова, М. Брунова⁴⁶¹. Важно и то, что в 13-ти томном собрании сочинений Вайля роман «Москва-граница» вышел отдельным томом – IV том собрания (2021). При этом текст произведения снабжен подробным историографическим дискурсом, где представлены разные точки зрения на книгу.

Глава 2. Жанровая специфика и структура романа

Художественную природу и жанровую специфику романа «Москва-граница» определить непросто. Свидетельствуют об этом только что приведенные мнения той широкой литературной полемики вокруг романа, которая длится вот уже почти 90 лет.

Сам Вайль, стремясь объяснить жанровые особенности своего романа и подготовить читателей к его восприятию, в статье «Только несколько слов» (1937) говорил, что свой опыт в СССР он мог бы воспроизвести в приключенческом романе, однако не может писать о Советском Союзе в этой

⁴⁶⁰ Grebeníčková R. Weilova Moskva-hranice // Grebeníčková R. O literatuře vápravně. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 366–372.

См. также другие статьи Р. Гребеничковой об И. Вайле:

Grebeníčková R. Jiří Weil a normy české prózy po patnácti letech // Grebeníčková R. O literatuře výpravně. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 356–365.

Grebeníčková R. Jiří Weil a moderní román // Grebeníčková R. O literatuře výpravně. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 376–394.

⁴⁶¹ Подробнее об этих исследованиях см.: Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 405–407.

литературной форме. По его словам, роман, предлагаемый читателю, можно назвать *историческим*⁴⁶², поскольку многие описанные реалии, относящиеся к 1933-34 гг., уже потеряли свою актуальность в 1937 г., когда роман издавался (разумеется, это субъективная авторская трактовка, по формальным признакам «Москву-границу» едва ли можно отнести к историческому жанру).

Композиционно роман разделен на три большие части, которые названы именами трех героев: «Ри», «Ян Фишер», «Рудольф Герцог». И эти три имени, выведенные в названиях частей, с одной стороны, фокусируют внимание на героях и построении сюжета вокруг них, с другой, – говорят о разнородности, сюжетной разнонаправленности текста. Пытаясь сложить воедино все три сюжетные линии, можно сказать, что три части романа объединены не судьбой отдельного героя, а одной большой темой и одним большим сюжетом – жизнью иностранцев в советской Москве 1930-х годов. Причем советское пространство является здесь не только местом действия, но и главным конфликтным полем, каким, например, может быть в произведении война или другие экстремальные обстоятельства. Однако если обыкновенно экстремальные обстоятельства служат поводом для раскрытия героев, их личных психологических качеств и установок, отношений с другими персонажами, то в тексте Вайля наблюдается обратная ситуация – герои здесь представляются, скорее, поводом, удобным для автора способом оценить советский мир: на сюжетные линии, связанные с ними, «нанизываются» важные подробности о бытовых, ментальных, идеологических особенностях советской действительности. Конфликт каждого героя с этой реальностью приоткрывает какой-то значимый элемент ее самой со всеми множественными противоречиями, а то, как герой этот конфликт преодолевает или не преодолевает, показывает очевидные для автора и реально существующие способы взаимодействия с советским миром. Иными словами, автор вводит

⁴⁶² Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 384–385.

разных героев специально для того, чтобы как можно адекватнее описать и концептуировать советскую действительность.

В первой части романа автор стремится познакомить читателя с советской Москвой. Для этого избрана героиня-европейка, чешка Ри, которая, после неудачного опыта строительства утопического «прекрасного мира» в Палестине, едет следом за своим мужем, польским инженером Робертом, в другую, почти осуществленную утопию – советскую Москву. Способ освоения советской реальности в первой части романа близок жанру *травелога*. В самом начале мы видим Ри в поезде, который идет в Москву, при этом ей свойственна вся гамма чувств путешественника, впервые преодолевающего границу с СССР – и страх, и тоска по удаляющейся Европе, и любопытство к новому, никогда не виданному. Вместе с Ри читатель познает самые разные пласты советской жизни: быт советских людей в его мелочах, мир вещей, правила поведения советских людей. Также, как в травелоге, подробное описание бытового пласта жизни дополняется оценочной рефлексией наблюдателя: в данном случае – героини-иностранки. Наличие оценочного сознания героини дает возможность зафиксировать внешнюю бытовую сторону этого мира не формально-описательно, а более живо, экспрессивно, объемно и детально. Часто вводимая несобственно-авторская речь позволяет автору частично стереть посредничество между сознанием героини и читателем, ведь читатель получает особую точку зрения на советский мир, будто бы исследует его вместе с героиней.

Однако для травелога характерно экстенсивное, поверхностное узнавание чуждого мира, когда повествователь выхватывает из реальности то, что может, что успевает увидеть и понять. В романе же Вайля узнавание нового мира – «мира другого» – является последовательным и интенсивным, героиня не просто видит его со стороны, но глубоко и системно осваивает и частично присваивает себе, продвигаясь от малого к большому, от поверхности к тому, что под ней скрыто. Кроме того, ее сознание, в отличие от познающего субъекта в травелоге, не статично. В романе Вайля мы видим

динамику в восприятии героиней окружающего мира, и эта динамика связана с ее судьбой, эволюцией ценностных установок.

В самом начале автор показывает бытовой конфликт Ри с советской реальностью, характерный в целом для европейцев. Советская жизнь вызывает в ней ужас и неприятие своей внешней непривлекательностью (грязь, хмурые и вечно спешащие люди, отсутствие привычных магазинов и развлечений), однако постепенно эта реальность становится ей все более привычна: героиня учится в ней жить и, в конце концов, становится ее частью – идет работать на Шарикоподшипниковый завод, осваивает разные виды труда, становится ударницей, руководит просветительской работой среди жен иностранных рабочих, вступает в чешскую секцию клуба иностранных рабочих, становится даже политическим руководителем большой группы новоприбывших австрийских эмигрантов. Так «европейка» Ри превращается в советскую работницу. При этом, с одной стороны, она чувствует, что новый мир ее победил, но с другой, – искренне гордится своим трудом, становится уверенней, сильнее и, кажется, обретает смысл жизни, который не могла найти в Европе.

О Европе, надо сказать, Ри почти перестает думать и мечтать, только изредка до нее доносятся отголоски оттуда. Воспоминания о Европе вместе с легкой влюбленностью пробуждает в ней Ян Фишер, чешский интеллектуал, литератор, который работает в Москве в качестве переводчика и является членом компартии. Здесь читательские ожидания требуют дальнейшего развития событий: кажется, что дальше речь должна идти об истории любви этих героев, должна сформироваться их новая общая сюжетная линия. Однако любовная линия в романе не становится основной, и постепенно читатель почти теряет из виду Ри, а в центре оказывается новый сюжет, связанный с судьбой Яна Фишера (вторая и третья части романа).

Таким образом, линия Ри, которая занимает центральное место в первой части романа, представляет собой законченное целое. В ней можно проследить основные сюжетные элементы: экспозицию (ретроспективный рассказ о

прошлом героини), завязку (столкновение Ри с московской жизнью), кульминацию (Ри сознает мощь советского общества и хочет оказаться в его рядах), развязку (она становится работницей, ударницей, примиряется с советской реальностью). Этапы эволюции героини напоминают сюжеты советских *романов воспитания*, а также советский *производственный роман* конца 1920–1930-х гг., где важны такие компоненты, как приобщение человека к труду, описание его выдающихся достижений, изображение процесса производства и рабочего коллектива⁴⁶³. Однако в отличие от советских производственных романов у Вайля даже в этой главе, где героиня, казалось бы, идет тем самым «правильным» советским путем, нет советского оптимизма, уверенности в правильности этого пути: «Если б только она была так же твердо в своих убеждениях, как Тронин или Маруся, если б только к ней не возвращался страх, что и эта мечта исчезнет, как исчезла мечта о всеобщем братстве в Палестине...» (130)⁴⁶⁴. Оптимизм героини приглушается интонацией сомнения и неуверенности, ведь Ри, хоть и принимает советскую жизнь, все равно в глубине души воспринимает ее как что-то инородное и чужое: «Где-то там в глубине прячется неприятие, враждебность, еще не все подавлено и выпрямлено...» (150), она чувствует, что «сильное, всемогущее, но чужое общество позволяет ей жить» (там же), что она шагает «вместе со всеми в ряду долгих будничных рабочих дней» (130), но подлинного единения с ним не происходит.

В конце первой части, по логике которой должен бы прозвучать аккорд, прославляющий советский народ и социалистический труд, мы слышим грустную, задумчивую интонацию: «Работница Ри – как это смешно, неестественно, плохо придумано. И все же это действительность, за которую

⁴⁶³ См. о производственном романе: *Гаганова А.А.* Производственный роман. Стадиальное развитие жанра Москва: монография. У Никитских ворот, 2022; *Земскова Д.Д.* Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2016.

⁴⁶⁴ *Вайль И.* Москва-граница / Перевод с чешского Ю.В. Преснякова. М.: МИК, 2002. Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

Ри расплачивается, все же это путь, по которому она идет. Он похож на московские длинные улицы, которые начинаются с больших дворцов в середине города и заканчиваются деревянными рабочими домишками в предместье» (Там же). Таким образом, внешне подражая советскому производственному роману, Вайль полемизирует с ним, ставит под сомнение его оптимистический пафос. Характерно, что вместе с потерей индивидуального, личностного начала героиня теряет и особую точку зрения в тексте самого романа, уходит с центрального плана на периферию.

Во второй части точка зрения перемещается к другому персонажу – Яну Фишеру. Функционально появление этого персонажа означает, что, казалось бы, положительный опыт освоения советской реальности героиней Ри не до конца удовлетворяет автора. Можно сказать, что переключение его внимания с одного героя на другого в романе свидетельствует о финале одного проигранного сценария и начале нового.

Главный герой второй и третьей частей, Ян Фишер, движется по обратной траектории – если Ри все более и более принимает советский мир, то Ян Фишер, наоборот, все более отдаляется от него. Можно сказать, что именно этот герой несет в себе наибольший психологический и отсюда – романский потенциал, именно он является персонажем, который оказывается противопоставлен советскому обществу, причем его конфликт с этим обществом лежит уже не в бытовой сфере, но гораздо глубже, вскрывает его, этого общества, глубинные противоречия.

Для Фишера вопрос о принятии советской реальности изначально не стоял, он член компартии, переводчик, встроен в коммунистический контекст. В отличие от Ри, внешние трудности, связанные с бытовыми неудобствами, его не слишком пугают, однако каких-то вещей в советской реальности он не может принять. Фишера тяготит отсутствие свободы, отсутствие выбора вариантов поведения, он страдает от того, что все в советской стране происходит слишком прямо, как по линейке, и люди зажаты между работой, домом и политическими кружками, не имея времени и сил ни мыслить, ни

получать удовольствие от жизни. Он также замечает плохие, абсурдные стороны советского мира, которые лежат гораздо глубже бытовых неудобств и противоречат идеальным представлениям о советском мире – бюрократия, формализация, нездоровая атмосфера подозрительности. Вместе с тем, Фишер не готов бороться с несовершенствами советской системы, сам говорит о себе как о «слабонервном обывателе», не способном к открытой борьбе. В то же время нельзя сказать, что Фишер осуждает советское общество, напротив, он во многом восхищается им, его мощью и его успехами, и осуждает, скорее, самого себя за то, что ему не хватает духа и сил отказаться от собственного индивидуализма. В результате Фишер оказывается против своей воли выброшен из советского социума – он попадает в жернова сталинских «чисток», последовавших после убийства Кирова в 1934 г., его исключают из компартии, лишают работы, отправляют в ссылку в Среднюю Азию на Балхашстрой.

В сюжете, посвященном Яну Фишеру, как и в первой части романа, связанной с героиней Ри, можно выделить завязку (начало неприятностей, когда герой заступает за машинистку) и кульминацию (тайная поездка в Берлин, прохождение «чистки»), однако развязка не наступает, в конце романа автор покидает героя в неопределенной, кризисной ситуации, его дальнейшая судьба нам неизвестна, финал сюжетной линии Фишера, остается открытым (мы узнаем о нем уже во второй книге Вайля, «Деревянной ложке»). Сюжет, связанный с Яном Фишером, транслирует другую, не столь оптимистичную максиму советского мира: несмотря на то, что советское государство создано, казалось бы, для народа, реальный живой человек в нем не защищен и одинок, и все индивидуальное, личное, по законам этого общества, должно вытесниться коллективным. Судьба Яна Фишера становится примером отторжения личности, которая не хочет слиться с массой. Герой Вайля в этих своих исканиях очень напоминает «лишних» героев романов Федина, Бабеля, Олеси, Пильняка, Платонова *о поисках интеллигентом своего места в революции.*

Кроме того, развитие этой линии напоминает и советские *более поздние антитоталитаристские романы*, в которых герой противостоит системе государственного насилия. Несобственно-авторская речь приближает читателя к герою и дает понять, что именно на его стороне стоит автор, его глазами смотрит на советский мир, поэтому и оппозиция «Фишер – советское общество» прочитывалась некоторыми критиками однозначно как осуждение коммунистической системы. Однако Вайль разрушает эти рамки – рамки антитоталитаристского романа. Своего героя он не старается идеализировать, сделать однозначно положительным. Показывая отрицательные стороны советского государства, Вайль, вместе с тем, отмечает и слабые качества самого Фишера. В конце романа герой, выброшенный из советского общества, далек от того, чтобы противостоять ему, он искренне страдает и пытается понять, кто виноват – коммунистическое государство или он, маленький человек, не умеющий жить по его законам. Таким образом, критический пафос антитоталитаристского романа тоже снимается, а проблема противопоставленности человека государству так и остается до конца не решенной.

Еще одна форма взаимодействия с советским миром, которую выделяет Вайль, связана с сюжетной линией румынского коммуниста Рудольфа Герцога, именем которого названа **третья часть романа**, но который, тем не менее, не является ее главным героем. Несмотря на внешнюю бесконфликтность фигуры Герцога по отношению к советскому миру, его судьба тоже обнаруживает противоречия советской системы. Герцог свято верит в СССР и является действующим бойцом коммунистической революционной идеи, ради которой готов терпеть любые лишения. Герцог – идеалист, бессребреник, на посту председателя месткома в переводческом бюро ему не раз приходится бороться с несправедливостью, но никаких противоречий в нем эта борьба не вызывает, ведь он убежден, что борется с отдельными людьми, само же советское государство – прекрасно и справедливо. Однако, когда понадобилось, это государство отправляет

Герцога на верную смерть – выполнять интернациональный долг в нацистской Германии. В конце романа погибшего Герцога, выполнившего свою последнюю революционную миссию ценой собственной жизни, пышно хоронят как героя, павшего в интернациональной коммунистической борьбе. Его смерть оказалась советской стране гораздо нужнее, чем его жизнь: «Тело Рудольфа Герцога возносилось над процессией, оно было лозунгом и флагом, за которым шагали победители...» (293). Сцена похорон представлена в романе в торжественном, возвышенном, величественном тоне. Кроме того, ее значение в книге глубоко символично – не случайно этой сценой роман заканчивается, ведь в сильной позиции финала смерть Герцога выглядит утверждением необходимости жертвы, необходимости героической гибели во имя коммунистической идеи и нового социалистического государства.

В отличие от Ри и Яна Фишера, Герцог духовно не трансформируется, так как перед ним не стоит вопрос о преодолении внутреннего конфликта с советской действительностью. Он заведомо выступает психологически статичным персонажем, своеобразным типом чистого идеалиста, романтически влюбленного в идею коммунизма, поэтому в романе лишается и своего субъектного взгляда – Герцог показан только извне, с точки зрения Яна Фишера и Ри. Такое изображение, очевидно, связано с тем, что писатель сочувствует романтическому типу сознания и уважает его, хотя в целом смотрит на чистый идеализм со скепсисом и пессимизмом. Герцог – это святой, борец и жертва, настоящий мученик коммунистической веры, а Вайль хочет понять, как может и должен жить в советской стране не святой, не герой или мученик, а простой обыватель, со своими недостатками, своим прошлым, своим внутренним миром. В целом же линия Герцога вполне может трактоваться в рамках сюжета советского романа *о героях-революционерах*⁴⁶⁵.

⁴⁶⁵ Сюжет сакральной героической жертвы и ее необходимости был чрезвычайно распространен в советской литературе 1920–1930-х гг. Можно вспомнить здесь повесть А. Тарасова-Родионова «Шоколад», «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка, роман Н. Островского «Как закалялась сталь».

Также очевидна связь романа Вайля с *литературой факта*, документальным романом и романом-биографией, которыми Вайль, интересовавшийся деятельностью ЛЕФа, читавший романы Ю. Тынянова, теоретические работы В. Шкловского, был увлечен: «Если мы присмотримся не к литературной теории, а к реальному творчеству, мы увидим, что литература факта, т.е. репортаж и роман-биография имеют гораздо более высокую художественную романную ценность»⁴⁶⁶. Не удивительно поэтому, что «Москва-граница» имеет биографическую и документальную основу, а все описанное в ней является производным из личного опыта писателя: многие детали, наблюдения перекочевали в роман из репортажей и личных писем Валя, а главные герои имеют узнаваемые прототипы. Так, прототипом главного героя, Яна Фишера, является сам писатель, который не пытался скрывать близкое биографическое и психологическое сходство. Как и Ян Фишер, Вайль работал в качестве журналиста и переводчика в Москве, подвергся чистке, был исключен из компартии и отправлен в ссылку в Среднюю Азию. При этом интересно, что попал в роман даже такой эпизод биографии Вайля, как его тайная поездка в Европу с миссией от советского Коминтерна, которую, согласно архивным данным РГАСПИ, он осуществил с 19 по 31 августа 1934 г. (см. приложение 1, 2).

Прототипом главной героини Ри послужила чешка еврейского происхождения Хелла Фришер (Гласова) (1906–1984), с которой Вайль познакомился в Москве. Хелла, как и героиня романа Ри, была дочерью фабриканта, происходила из моравского городка Простейов. В советскую Москву она приехала вслед за мужем, польским инженером-коммунистом Абрахамом Фришером (в романе – Роберт), который, потеряв работу в Кракове, стал в Москве заместителем начальника техотдела завода «Москабель». Реальное знакомство Вайля с Хеллой Фришер (Гласовой), его визиты в их с мужем квартиру в Телеграфном переулке (Телеграфный пер., д.

⁴⁶⁶ Weil J. Spory o novou ruskou prózu. (Rozpravy Aventina 22.5.1930) // Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. S. 203.

11/16, в романе – ул. Мясницкая) подтверждает письмо Вайля Соне Бартаковой, написанное уже после возвращения в Прагу, в 1936 г. и приведенное в мемуарах Я. Вондрачковой: «Потом я наконец дошел до Телеграфного переулка [...] и остановился на ступеньках дома иностранных специалистов, где жила моя знакомая, сейчас стахановка, а тогда бывший интеллигент, можно сказать, коллега. Я поднялся по лестнице. Позвонил в европейскую квартиру. Эли (Heli), как звали мою коллегу, которую русские называли очень красиво Елена Густавовна, открыла мне дверь. Затем одна нога помогла другой снять галоши, и в конце концов я зашел в комнату с диванами, креслами и коврами»⁴⁶⁷. Как и героиня романа Ри, Хелла Фришер в Москве становится стахановкой, также преподает немецкий язык детям шущбундовцев (участников венского вооруженного восстания рабочих 1934 года), вывезенных в Москву.

Таким образом, говоря о жанре романа, можно констатировать, что «Москва-граница» является художественным текстом, который несет в себе начала самых разных жанровых форм, характерных для литературы 1920–1930-х гг.: литературы факта, романа-биографии, травелога, советского романа воспитания, производственного романа, романа о поисках интеллигентом своего места в революции, романа о героях-революционерах, более позднего антитоталитаристского романа. Все эти жанры контаминируют, обретают особенный, иногда полемический смысл, подчиняясь авторской философской концепции. Стержнем романа является глубокое и всестороннее осмысление неоднозначной советской действительности 1930-х гг. и шире – общечеловеческих проблем, вставших в полный рост в первой половине XX в.: противостояние человека и государства, человека и толпы, вопрос о возможности реального осуществления социально-политической утопии, вопрос о соотношении

⁴⁶⁷ Vondračková S. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 69.

великой идеи всеобщего равенства и сложной, по сути своей антигуманной действительности, ею порожденной.

Основным принципом изображения современной автору реальности становится в романе техника монтажа и, можно было бы сказать, что и «Москва-граница» является «*романом-монтажом*»⁴⁶⁸. Именно монтаж позволяет Вайлю соединить разные точки зрения на советскую действительность, создать иллюзию полного отсутствия однозначной авторской оценки, сцепить воедино разные фрагменты реальности, вставные истории и наблюдения из реальной жизни. К.Й. Бенеш, издатель, публиковавший роман «Москва-граница», также характеризовал его как «фактомонтажный»: «...работа Вайля не является романом в обычном смысле, проработка героев и их индивидуальных судеб, сюжетные комбинации, интриги и решение ситуаций – все это отступает в нем на задний план. Это роман фактомонтажный, т.е. калейдоскоп все новых и новых фактов, разной действительности, которая влияет на жизнь русского коллектива, при этом отдельные герои играют в нем ту же роль, что и индивидуальность в советском строю, то есть роль простых колесиков в цельном механизме»⁴⁶⁹. Интересно и то, что сам Вайль понимал экспериментальность своего текста, посылая К.Й. Бенешу первые 200 страниц романа, он спрашивал совета и сомневался, удалось ли организовать содержание, нужную ли он избрал технику⁴⁷⁰.

Отметим, что очень схожую жанровую форму монтажного романа Вайль использует и во втором своем художественном тексте об СССР – романе «Деревянная ложка» (1938). В нем Вайль изображает новые грани советской

⁴⁶⁸ О романе-монтаже писал один из крупнейших критиков и литературных теоретиков русского зарубежья В.В. Вейдле в трактате «Умирание искусства» (1937): *Вейдле В.В. Умирание искусства // Вейдле В. В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 7–108.* Также см. кандидатскую диссертацию И.Г. Драч «Поэтика романа-монтажа (на материале американской, немецкой и русской литератур)»: *Драч И.Г. Поэтика романа-монтажа: на материале американской, немецкой и русской литератур. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2013.*

⁴⁶⁹ *Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 375.*

⁴⁷⁰ *Ibid. S. 373.*

реальности: московскую жизнь советского бюрократа, чехословацкое Интергельпо в Киргизии, и главное – стройку второй пятилетки Балхашстрой. Как и в романе «Москва-граница», автору оказывается мало одной точки зрения на советскую реальность, поэтому с самого начала он ведет четыре параллельные сюжетные линии, связанные с персонажами, разными идейно и психологически, находящимися в разных исходных точках, но в силу тех или иных обстоятельств попадающих на Балхашстрой.

Один из этих героев – Ян Фишер, оказавшийся, как мы знаем, на Балхашстрое в результате московской «чистки». Его конфликт с собой и коммунистической системой на Балхаше продолжается, он так и не может слиться с массой, хотя был бы рад находить утешение в труде. Судьба Фишера, однако, как и судьба самого Вайля решается счастливо – ему позволяют вернуться на родину. Еще один герой из «Москвы-границы» – австрийский коммунист-вольнодумец и добросовестный рабочий Тони Штрикер, обвиненный в заговоре против Кирова и сосланный на Балхаш в арестантском вагоне. В отличие от рефлексизирующего интеллигента Фишера, Тони находит свое место даже на Балхашстрое, становится образцовым рабочим, с юмором относится к трудностям, однако именно Тони по трагической случайности погибает в конце романа, становится невольной жертвой на коммунистической стройке. Следующий герой, выделенный Вайлем – советский высокопоставленный чиновник, глава «Общества по научным связям с заграницей» Александр Александрович, впавший в немилость за свой «буржуазный» образ жизни в столице, обвиненный в троцкизме и сосланный на Балхаш. Его трагедия – это трагедия человека, сломленного, побежденного, потерявшего чувство собственного достоинства. Еще одна сюжетная линия связана с чешской девушкой Лидой Раисовой, выросшей в Интергельпо и с детства усвоившей коммунистические идеалы и образ мысли. На Балхаш Лиду посылает комсомол в качестве врача, и для нее это не только личное испытание, но и повод для гордости, трудности на стройке ее не пугают. Судьбы основных персонажей, их опыт и рефлексия относительно

окружающей действительности становится для Вайля, как и в романе «Москва-граница», попыткой оценить советскую реальность в человеческой перспективе.

Глава 3. Образ советской Москвы

Название романа говорит о том, что главным местом его действия и главным предметом изображения окажется столица советского государства. Топос Москвы 1930-х гг. многое в этом произведении определяет: соединяет (как уже было сказано выше) главных героев, придает особый колорит их отношениям и внутренней эволюции, служит семиотическим центром изображаемого писателем советского мира. В представленной главе мы попытаемся раскрыть специфику московского топоса, включающего в себя бытовое измерение, ментальное, идеологическое и экзистенциальное⁴⁷¹.

3.1. Москва – особое социально-бытовое пространство

Знакомство с городом происходит в романе «Москва-граница» постепенно – знания о Москве расширяются вместе с сюжетом, согласно которому город узнает Ри. В самом начале повествования читатель вместе с ней осваивает исторический центр – это улицы Тверская, Мясницкая, Красная площадь, где располагаются сакральные объекты: Кремль, храм Василия Блаженного, мавзолей Ленина. В процессе развития действия география Москвы расширяется, выходит за туристические пределы – упоминаются городские окраины, которые позволяют очертить масштабы непрестанно строящейся столицы: появляется новый район Хамовники, в котором живет Ян Фишер; Лефортово, где обитает советская героиня – студентка Поля;

⁴⁷¹ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее (*Грасько А.В.* Топос советской Москвы в романе чешского писателя Иржи Вайля «Москва-граница»: взгляд извне // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы: коллективная монография. Серия «Литература XX века». М.: ИСЛ РАН, 2023. С. 359–385.)

Сокольники, где проживает парторг Тронин; Люберцы, куда герои отправляются на прогулочном теплоходе.

Неотъемлемой урбанистической приметой Москвы 1930-х гг., конечно, становятся заводы. Там трудятся не только советские люди, но и большая часть работающих в столице иностранцев. Так, например, Ри становится полировщицей на знаменитом московском Шарикоподшипниковом заводе; ее муж Роберт работает на Кабельном заводе; немка Грюбхен, знакомая Ри, – на Текстильной фабрике; Ян Фишер, хотя и является переводчиком и журналистом, и его основная работа не связана с производственной жизнью, ведет политический кружок на заводе «Каучук».

Описаны в романе и некоторые городские службы, которые делают Москву похожей на любой другой большой город и помогают иностранцам начать ориентироваться в ней. Например, подробно представлен почтамт на Мясницкой улице, куда Ри приходит, чтобы отправить телеграммы в Европу. Хотя почтамт кажется героине неухоженным, производит на нее «запущенное, неряшливое» впечатление, она без труда находит правильное окошко: «Окошки выглядели так же, как на всех почтах во всем мире, Ри безошибочно угадала, где здесь телеграф, а где отдел заказных писем и спешной почты» (49). Описаны и витрины советских центральных магазинов, которые тоже узнаваемы, хотя и кажутся Ри провинциальными: «Магазин был большой и красивый, витрину тоже не назовешь маленькой или грязной, но расположение товара в витрине напоминало деревенскую москательную лавку, выставленные предметы были ни на что не похожи, какие-то отвратительно грубые, они раздражали глаз крикливыми цветами и безвкусной аранжировкой» (48). Также в Москве представлены и советские места культурных развлечений – театры, кинотеатры, парки – например, знаменитый Парк Горького, где Ри, Роберт и Фишер видят молодых смеющихся людей на коньках и посещают танцевальный павильон.

Кроме локаций привычных появляются в романе и особенные – непосредственно относящиеся к жизни иностранцев в Москве, которым

свойственна определенная элитарность, таинственная закрытость. Культурным центром жизни иностранцев в советской столице является клуб Дзержинского, который представляет собой весьма престижную площадку для встреч и коммуникаций: «Клуб располагался неподалеку, на Мясницкой улице, в бывшем дворянском дворце⁴⁷². Эберхард [американский инженер, один из героев произведения. – А.Г.] объяснил Ри, что это клуб специалистов, заграничных и советских инженеров, там организуются концерты и танцы, у клуба есть свои теннисные корты, он, клуб, заказывает билеты в театры, сам устраивает концерты и специальные представления и считается центром общения иностранных инженеров в Москве. Культурные вечера в клубе напоминают Ри литературно-музыкальные вечера начала столетия. Интересным является замечание о том, что публика рассаживается определенными группами: немцы, американцы, англичане сидят в отдельных рядах. Открывают вечер иностранцы, цель которых не только развлечь публику, но и правильным образом настроить ее, в речи ораторов присутствует открытый идеологический посыл. В начале вечера, на котором оказывается Ри, английский журналист из «Moscow Daily News» высмеивает нравы иностранцев в Москве, а немецкий инженер в своей речи упрекает немецких инженеров в «равнодушии, в политической инертности, в нежелании политически мыслить» (64). В клубе есть также политический кружок, на занятия которого ходит Роберт, «там изучают марксизм на иностранных языках» (59). Подробно о клубе можно прочесть и в публицистических текстах Вайля, в частности, в главе «Чехи в Москве», входящей в книгу репортажей «Чехи строят в стране пятилеток». В ней Валь указывает, что клуб находился на улице Герцена, бывшей Никитской, и представлял собой «красный старинный дом, в одном крыле которого располагается “Театр революции”»⁴⁷³. Этот дом, по словам Вайля, как и другие

⁴⁷² Можно предположить, что речь идет об усадьбе Черткова на Мясницкой.

⁴⁷³ *Weil J. Češi stavějí v zemi pětiletok // Reportáže a stati 1933–1937. Sv. 3. Praha: Triáda, 2022. S. 183.*

каменные дома, сохранившиеся после пожара 1812 г., слыл в народной молве как дом, в котором жил Наполеон. Сам клуб состоял из двух лекционных залов, буфета, комнаты отдыха с бильярдом, читального зала и библиотеки. В клубе, согласно Вайлю, функционировали три секции – английская, немецкая и самая малочисленная – чешская, на стенах были развешаны стенгазеты.

Второе элитарное, не по-советски буржуазное место, где бывают иностранные граждане, – кафе в гостинице «Метрополь» – «резервация, которую советская власть выделила иностранным фирмам, инженерам и туристам, чтобы они жили в ней, как им нравится» (86). Именно там можно выпить привычный кофе, послушать джаз, а на входе посетителям вежливо кланяется швейцар.

Особое место в романе занимают и специальные магазины для иностранцев – это «Инснаб»⁴⁷⁴, который с точки зрения советских людей олицетворяет продовольственный рай, где «горы продуктов по фантастически дешевой цене» (37) и столько «прекрасных вещей» (38), а также Торгсин⁴⁷⁵, где все можно купить за золото. Хотя эти магазины мало напоминают европейские, в них иностранцы находят дефицитные товары (например, кофе, белый пшеничный хлеб, мыло, масло и др.), которые почти недоступны никому другому в советской Москве. Вместе с героиней Ри читатель узнает, как совершать покупки в «Инснабе» с помощью специфических продуктовых карточек: «Каждая карточка со странным, непонятным значком обозначала определенный паек, каждый раз, когда ты брал паек, от карточки отрезали купон. Нужно помнить каждый значок и цвет карточки – пайки бывают разные [...] Ни в коем случае нельзя потерять книжку, иначе они не будут получать

⁴⁷⁴ Всесоюзная контора Инснаб была создана в период ухудшения продовольственной ситуации в стране в 1932 г. для снабжения товарами и продовольствием иностранных рабочих и инженеров участвующих в советской индустриализации, она просуществовала до 1935 г.

⁴⁷⁵ Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, существовало с 1930 по 1936 гг., занималось обслуживанием иностранцев и советских граждан, имеющих «валютные ценности» (золото, серебро, иностранную валюту, драгоценные камни, предметы старины), которые они могли обменять на пищевые продукты и другие потребительские товары.

продукты целых три месяца – книжка давалась на квартал, и никто не имел права выдавать дубликат» (71). В целом, несмотря на то что магазин «Инснаб» является реалией, связанной именно с парадигмой жизни иностранцев, сама эта жизнь по своей сути, со всеми ее преимуществами и бонусами, устроена все по тем же самым советским законам – карточки, расталкивание локтями других, ограниченность выбора.

Личное бытовое пространство иностранцев значительно отличается от того, внутри которого живут советские граждане. Герои-иностранцы почти не сталкиваются ни со знаменитыми коммунальными квартирами, ни с фанерными перегородками между комнатами, ни с приготовлением пищи на примусе. Единственный герой, который проживает в коммунальной квартире – Ян Фишер, однако и его квартира необычна, в новом доме на Усачевке, из числа «наградных», ему в ней полагается отдельная комната, в квартире есть ванная, а на кухне – газовая плита. Ри с мужем Робертом живут в центре города на Мясницкой улице в новом доме, построенном специально для иностранных специалистов, их квартира почти не отличается от квартиры европейской, и в ней есть основные привычные для европейца удобства – кухня, ванная комната, добротная мебель. Все эти чудеса цивилизации отнюдь не характерны для среднестатистической советской квартиры того времени, не случайно они вызывают невероятное восхищение у советской студентки Поли. О том, как живут своей гораздо более скромной бытовой жизнью «советские» персонажи – студентка Поля, молодой инженер Миша Стаканчик, парторг Тронин с женой, – мы можем догадаться из других литературных источников, заглянув, например, в общежитие имени монаха Бертольда Шварца из романа «12 стульев», вчитавшись в письма героя С. Кржижановского из его рассказа «Штемпель – Москва», вспомнив многочисленных обитателей «нехорошей квартиры» из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Всего этого Вайль не показывает, но его героиня, умная и проницательная Ри, которая сначала удивляется восторгам Поли («Поля сияла, говоря о еде и о вещах, и Ри никак не могла понять, почему об эдаком сыре и бюстгальтерах нужно говорить,

как о чудесах, как о метеоре, упавшем с неба» (138)), со временем понимает, что обычные советские люди живут как-то иначе. Она отмечает, что им нельзя поселиться и даже прийти без надзора в дом иностранных специалистов, они «терпеливо» ждут в любую погоду общественного транспорта, стоят в длиннейших очередях, обходятся без тех многочисленных предметов комфорта и продуктов питания, без которых жизнь любого европейца просто немыслима⁴⁷⁶.

Интересной бытовой подробностью являются описания иностранных и, в частности, немецких газет и журналов, выходивших в СССР и ориентированных на иностранного читателя. Несмотря на свои немецкие заголовки («*Deutsche Zentral-Zeitung*», «*Zwei Welten*», «*Internationale Literatur*»), они написаны на языке, который Ри не может понять. Этот язык только напоминает немецкий, он состоит из «загадочных непонятных слов, словно взятых из какого-то инженерного справочника или плохо переведенных с иностранного языка» (46), в нем попадают русские термины, непонятные для европейца, незнакомого с советскими реалиями и русским языком. Таким образом, немецкая пресса, как и гостиница «Метрополь», только номинально выступает иностранной, на самом же деле являет собой советскую идеологизированную обработку немецких изданий.

⁴⁷⁶ Наиболее обеспеченными в Москве были те иностранные специалисты, с которыми заключали договор за границей, именно они имели право на получение отдельной квартиры, пользование Инснабом. Иностранцы же, приезжавшие в СССР по партийной линии или политэмигранты, имели меньше имущественных прав. О программе привлечения иностранных специалистов и быте иностранцев в СССР см. подробнее: Постановление по вопросу привлечения иностранных специалистов, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5.IV.1930 г.). Приложение № 1 к п. 16, пр. ПБ № 122; *Журавлев С.В.* Иностранцы в советском обществе 1920-1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 186–209; *Павлова В.В.* Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х – 30-е годы) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-i-byt-inostrannyh-rabochih-i-spetsialistov-v-soyuze-ssr-konets-1920-h-30-e-gody> (дата обращения: 19.09.2025).

Вместе с тем, жизнь героев-иностранцев в романе, конечно, включена в общую жизнь коммунистической Москвы. Герои-иностранцы сталкиваются с такими характерными реалиями советской повседневности, как быстрый темп жизни, сложная система карточек и пайков, необходимых для совершения покупок, необходимость брать с собой бутылочки для молока и масла, поскольку бутылочек нет «даже в аптеках», необходимость толкаться в трамвае, ходить, почти выполняя акробатические упражнения, между многочисленными стройками.

Также иностранцы оказываются включены в круг основных социальных проблем, одна из которых – бюрократия, не принимающая во внимание «никакие доводы рассудка» и добавляющая в советскую жизнь элементы абсурдного. Каждый из иностранцев так или иначе пытается ей противостоять, подойти со своей «европейской» логикой к устройству советского мира, но неизменно терпит поражение. Так, немка Грюбхен, работая на Текстильной фабрике, безуспешно борется за новые красивые узоры для тканей; муж Ри, Роберт, поражается отсутствию единых каталогов продукции заводов и сталкивается с нежеланием руководства их создавать; Ян Фишер не может объяснить начальству, что журналистам не обязательно целый день проводить в конторе, ведь они отчитываются объемом и качеством печатной продукции, а не количеством присутственных часов. Это противодействие советского государства здравому смыслу вызывает у европейцев негодование, разочарование или иронию, которая ярко проявляется, например, в философском вопросе бразильца, коллеги Фишера: «Интересно, у цикады бывает промышленно-финансовый план? Участвует ли она в социалистическом соревновании?» (163).

Другая проблема, которую замечают все европейцы в бытовой жизни советских граждан – воровство. Это явление, которое можно объяснить бытовой неустроенностью людей, дефицитом товаров, и оно вполне соотносится с исторической реальностью 1920–1930-х гг. В романе тема воровства присутствует в разговорах иностранцев и русских, в анекдотах. Так,

например, свидетелем жаркой дискуссии о ворах и воровстве стал Ян Фишер, который едет поездом в Сочи: «...разгорается жаркая дискуссия о ворах, истории чередуются с практическими советами и изобретенными на ходу наказаниями, весь вагон оживляется, люди перестают пить чай и читать книги, тема дискуссии волнует всех» (228).

Таким образом, в романе делается попытка охватить разные сферы социально-бытовой жизни советской Москвы, показать масштабы города, его динамику, обозначить основные всеми узнаваемые ориентиры. Интересно и примечательно, что те факты, детали и явления советской жизни и советского быта, которые воспроизводит Вайль, достаточно точно совпадают с тем, как они были отражены и проанализированы в научной литературе, посвященной исследованию разных сторон и проявлений советской повседневности. Например, в работах Н.Н. Козловой, С. Бойм, И.Б. Орлова, Ш. Фицпатрик, Г.В. Андреевского⁴⁷⁷.

3.2. Москва – анти-Европа

Важным механизмом создания образа Москвы в романе является смысловая оппозиция «Европа-Азия», которая проходит лейтмотивом в романе и соответствует архетипической оппозиции «свое-чужое». Именно с Азией, немислимой, страшной, пугающей, ассоциируется советское пространство у героини Ри еще до того, как она оказывается в реальной Москве. Вайль передает страхи и предчувствия героини, которые основаны на слухах и стереотипах о советском государстве, распространенных в Европе. Еще собирая вещи и делая стратегические покупки в Праге, она заранее

⁴⁷⁷ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М: Ин-т философии РАН., 1996.; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005; Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое лит. обозрение, 2002; Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. Москва: Молодая гвардия, 2003.

готовится тщательно оберегать свой личный европейский мир от «Азии»: «Да, Ри уже все решила, пусть люди там ходят грязные, нечесанные, немые и оборванные, пусть едят странную пищу, о которой она читала в романах, “борщ” и “щи”, но она будет отстаивать Европу, дорогую, утраченную Европу...» (9); «Ри запрет свой мир на десять замков, чтобы Азия не проникла в него через щели и трещины» (32). Это чувство чужого, враждебного пространства не покидает Ри и в поезде по дороге в Москву, она с напряжением ожидает преодоления границы: «И вот она едет в незнакомую страну, скоро кончится Европа, а потом будет граница. За границей ее ждет что-то, о чем она боится подумать, то ли Азия, то ли еще не Азия ...» (8). Восприятие московского мира как «чужого», с одной стороны, подчеркивает объективные отличия его от европейского городского пространства, а с другой, - мифологизирует, деформирует, искажает московскую реальность, делает ее пугающим воплощением европейских стереотипов.

Чувство ужаса, которое героиня в начале романа испытывает перед чуждой «азиатской» Москвой, Вайль описывает, пользуясь приемом остранения. Москва не воспринимается героиней как нормальное городское пространство, хотя и является таковым, город искажается, превращается во что-то почти нереальное, метафизическое. В тексте повторяется мотив «кошмарного» сна, «безумной» сказки, возникают образы фольклорного «крошечного мира» (которые использовал, например А. Ремизов): «Ри невидящими глазами глядела в окошко на Москву, ей все еще не хотелось верить, что здесь она будет жить; она думала, что это не более чем продолжение кошмарного сна, после которого ей предстоит проснуться» (39); «Осмотревшись, она впервые увидела Москву, собственно, лишь часть Москвы, незначительную ее часть, но для нее это и была Москва. Сказка о девочке, заблудившейся в лесу и окруженной страшилищами, продолжалась, перед Ри выросли замки великанов и разбойников, в которых наверняка прятались драконы, все производило впечатление неправдоподобного сна, ночного кошмара, византийские купола были непохожи ни на что на свете, они

торчали в небе как бы сами по себе и вообще не относились ни к городу, ни к вокзалу, а рядом стояли дома в стиле ампира, но какие-то мрачные, с серыми колоннами и облупившейся штукатуркой. Эти дома показались Ри чужаками среди византийских куполов-луковок, незваными гостями, усталыми и безразличными иностранцами, которые уже смирились с грязной и отвратительной нереальностью безумной сказки. Затем Ри заметила другие здания, обычного вида, похожие на европейские доходные дома и все же чем-то они от них отличались» (38). Яркая экспрессивная метафора передает ощущение метафизического ужаса, который испытывает Ри при виде Красной площади и Собора Василия Блаженного: «...драконий замок из страшной сказки, ночной кошмар, полыхающий всеми красками [...] Он кричит на нее всеми красками мира в кричащих, немыслимых, чудовищных комбинациях, Ри кажется, что он затягивает ее куда-то в пропасть, где приходит конец всякой гармонии и наступает хаос...» (53).

Обостренное ощущение Москвы как враждебного азиатского пространства особенно характерно для начала романа, когда героиня еще не научилась ориентироваться в советской столице, не проложила свои собственные маршруты. В процессе повествования Москва превращается для Ри и одновременно для читателя в город все более реальный, не искаженный сказочными сюрреалистическими образами, однако дихотомия «Европа-Азия» лейтмотивом проходит через весь роман. Москва, ее быт постоянно оцениваются, сравниваются с неким «евростандартом» тех лет, и все отличия от него ощущаются героиней как чужое, почти азиатское. Так, например, она отмечает, что центральные московские улицы не соответствуют европейским и больше напоминают пригород, ведь в центре люди должны чинно прогуливаться, а не прокладывать себе путь в толпе. В кафе гостиницы «Метрополь», где Ри удастся по старой доброй европейской традиции выпить кофе, она тоже улавливает несоответствие: само кафе кажется ей немодным, устаревшим, безжизненным, совсем не так оно бы выглядело в центральной гостинице любой европейской страны. Замечает Ри и странный анахронизм –

в спешащем, бегущем вперед городе люди одеты по моде, давно устаревшей в Европе. Одежда, которую советские граждане надевают в театры – обычная, поношенная – резко контрастирует с богатым убранством самих театров. В этих странных несоответствиях героиня ощущает какую-то маскарадность, искусственность, они заставляют ее думать о Москве как о пространстве, которое представляет собой лишь «отблеск Европы» (175).

Ментальную и бытовую чуждость Москвы подчеркивают использованные автором многочисленные сенсорные образы: одорические, цветовые, звуковые. Именно с запахами связаны первые отрицательные впечатления Ри от советской столицы: «Ри хотела вдохнуть аромат осеннего воздуха, об этом она мечтала еще в поезде во время долгой поездки, но вместо этого она вдохнула лишь запах кислой капусты и тухлой рыбы, на сырой улице запах был таким пронзительным, что Ри опять достала носовой платок, смоченный в одеколоне» (39). То же отторжение возникает у Ри в очереди на почтамте, где она чувствует «запах немых тел и верхней одежды, воняющей нафталином» (50). В Клубе Дзержинского и от европейской, и от советской, хорошо одетой публики, она ощущает «запах крепких духов» (63), непривычный, слишком резкий. Отметим, что в своей публицистике Вайль тоже отмечает, что основной запах, который он ощущает в Москве – «смесь рыбного запаха и запаха телячьей кожи»⁴⁷⁸.

Цвета в романе тоже способствуют созданию образа чужеродного пространства. В одежде, предметах быта подчеркивается пестрота, яркость, безвкусица: «...предметы были ни на что не похожи, какие-то отвратительно грубые, они раздражали глаз крикливыми цветами...» (48); «И потом, эти немыслимые, неестественные цветовые сочетания и слишком пестрый, дешевый блеск провинциальной конфекции» (62). Странность советского быта подчеркивается с помощью контраста бытовой пестроты и черной обезличенной человеческой массы: «Она [кушетка. – А.Г.] была обита

⁴⁷⁸ *Weil J. Češi stavějí v zemi pětileték // Reportáže a stati 1933–1937. Sv. 3. Praha: Triáda, 2022. S. 182.*

красным ситцем с крупными желтыми цветами и выглядела странно среди черных пятен людей на грязном снегу...» (82).

Большую роль в романе играет и звуковой ряд. С одной стороны, звуки Москвы здесь не представляют что-то особенное и скорее говорят о ней как о большом промышленном мегаполисе, в котором слышится «дребезжание трамваев», «гул автомобилей», вой заводской сирены. Однако характерно, что этим звукам, в которых героине Ри тоже слышится враждебность, противопоставлены «европейские» звуки. Главным союзником Ри в сопротивлении всему азиатско-московскому становится европейская музыка, и, в частности, любимый музыкальный шлягер на немецком языке «Сто тысяч раз» (*Hunderttausendmal*): «Мутный московский день, ручейки воды на асфальте, зябкое кутание в теплое пальто, сырой воздух, полный отвратительных запахов, замызганный пол почтамта, гул человеческих голосов на незнакомом языке – все это заглушается музыкой модного шлягера “Сто тысяч раз”. Сто тысяч воспоминаний стучат в виски, Ри опять видит европейские столицы в осенние дни, Москва исчезает, становится ночным кошмаром, сном, а Европа – это действительность, сладкая и победная; над черной пропастью смутных и темных теней, над византийскими куполами, торчащими в сумрачном небе, музыка гремит свое стотысячное “нет”. Нет! Ри будет бороться. Она победит Азию, коварную Азию, ленивую, нечистую, уродливую Азию...» (60). Особую европейскую атмосферу героине помогают создать также интимные бытовые звуки: «Шум душа – еще одно напоминание о Европе, далекой, дорогой, утраченной; да, это конец пути, Ри снова в Азии, но душ победоносно заглушает все, душ звучит сладкой музыкой в затихшем доме...» (91). Еще один такой звук – свист чайника: «Ри выходит из ванной в халате, чайник уже вскипел. Ри привезла из Европы замечательный чайник со свистком: когда закипает вода, он издает низкий гудящий звук, как сирена...» (44). Символично, однако, что свист европейского чайника сливается с сиреной, которая «доносится в открытое окно с завода по соседству» (44). Точно также, в конце концов, сольется с московской жизнью и сама Ри, почти

отказавшись от своего европейского мира и превратившись в ударницу Шарикоподшипникового завода.

Нельзя сказать, что дихотомия «европейского» и «азиатского» начала, представленная в московской реальности, снимается, однако «азиатский» колорит, которым наполнена Москва в первой части романа, постепенно слабеет, превращаясь в совсем иной колорит – советский.

3.3. Москва – коммунистическая столица

Кроме бытовых проявлений условно «азиатского» мира – грязи, многолюдности, неприятных запахов – герои романа с самого начала сталкиваются в московском пространстве с чем-то таким, что не получается уместить в концепт «Азия». Еще находясь в Европе, главная героиня предчувствует, что ей предстоит столкнуться не только с бытовыми трудностями, чужим менталитетом, но и с особым миром чуждых ей идей: «Она ехала в Азию политических лозунгов и коллективизации, в холодную Азию, объявившую войну Европе, в страну окровавленного Айзенфуса [первый коммунист, которого героиня видела еще в Палестине и которого жестоко избили англичане. – *А.Г.*] и промышленно-финансовых планов» (33). Конечно, героиня отдает себе отчет, что едет в страну, где строят социализм, в страну, «которая раньше была Россией» и которая теперь превратилась в аббревиатуру СССР, однако сначала она не понимает, насколько глубоко идеология пронизывает московский мир. В первый же день Ри удивляется словам Роберта о необходимости посещать политический кружок и о том, что «в этой стране каждый должен разбираться в политических вопросах, без этого здесь невозможно ни жить, ни работать» (42). Далее героиня проникает в более глубокий пласт советской жизни: обнаруживает, что советская жизнь полна некоторыми более важными составляющими, чем норма на сахар, муку, спешка на улице, толчея в трамвае. Она слушает разговоры, которые ведут Роберт и его знакомые, читает газеты, ходит в политический кружок и всюду

слышит странные слова, смысл которых ей еще плохо понятен: «партия», «ударник», «промышленно-финансовый план», «показатели», «нормы», «прибавочная стоимость», «меновая и потребительская стоимость». Эти отдельные слова становятся ключом к советской действительности, Ри начинает понимать, что основные силы, которые направляют здесь жизнь людей – это партия, работа и коллектив. Однако, только увидев своими глазами грандиозную демонстрацию рабочих в честь революционного праздника, героиня понимает, что самые глубокие отличия мира европейского от советского определяются не бытовым менталитетом, а идеологией. С этого момента чужой мир перестает ей казаться хаосом, от которого она должна защитить себя, свою европейскую утонченность, она начинает осознавать, что это мир хоть и другой, но мощный, цельный, живущий по своим внутренним законам. Отторжение начинает сменяться попыткой понять и встроиться в него.

Вайль показывает, что именно коммунистическая идеология является настоящим двигателем советского мира, структурирует московское пространство, деформирует его, рождает его неузнавание у европейцев, но она же делает Москву и символом надежды для всех страждущих, ищущих справедливость. Неслучайно Вайль показывает, что символом прекрасного будущего Москва является, например, для левых революционеров в Германии, Румынии и в других странах. В изгнании, в тюремных застенках они верят, что «есть еще Москва»: «Даже когда все потеряно, когда уже остается только смерть или пожизненное заключение, на свете есть город Москва, где сбылось все, о чем они мечтали, за что боролись и ради чего лишали себя права на жизнь. В тюремных камерах узники перестукивались сквозь стены: “Что нового в Москве? О чем последняя резолюция Коминтерна?” Москва приходила к ним в маленьких брошюрах, отпечатанных на шелковой бумаге и тщательно укрываемых от полицейских обысков. Через несколько рук проходили эти брошюрки, через руки скольких людей, которым грозил арест, а может, и смерть? И все же они приходили, все же рассказывали о далеком

городе и о стране, окруженной тысячами опасностей, стоящей непоколебимо, как стена, день и ночь строящей социализм» (171). Символическая значимость столицы СССР очевидна и главному герою Яну Фишеру, именно поэтому он не позволяет себе усомниться в советской Москве и свой разлад с советским миром переживает как личную трагедию. Примечательно, что фраза «но есть еще Москва», которая лейтмотивом повторяется в романе, была изначально предложена Вайлем в качестве заглавия романа⁴⁷⁹.

Во внешней, декоративной жизни Москвы идеология напоминает о себе плакатами с лицами вождей, лозунгами, мавзолеем Ленина на Красной площади в сакральной, центральной точке города. Перед 7 ноября, праздником победы революции, меняется образ улиц, они превращаются в музей осуществленных и предстоящих народных достижений: «Каждая из центральных улиц была посвящена какой-то отрасли промышленности или искусства»; «Люди уже не спешили, а прогуливались и разглядывали витрины – место галантерейных товаров и консервов заняли за стеклами диаграммы, статистические данные, фотографии и макеты» (84); «На Театральной площади народа было больше всего, в сквере перед театром стояла гигантская модель Беломорканала, освещенная прожекторами и лампами...» (85).

Подробно описан и сам праздничный парад, который Ри вместе с немкой Грюбхен наблюдают из окна гостиницы для иностранцев. Кроме военной техники и шествия военных, он включает в себя парад тысяч «моделей, похожих на игрушки больших детей» – «снопы, виноградные гроздья, паровозы, автомобили, пачки папирос, консервы, книги». Особенно поражают Ри портреты вождей: «Почти каждый ряд демонстрантов нес портреты, большие изображения вождей, сделанные тушью на белом полотне, такие огромные, что даже с высоты, отдалявшей ее от демонстрации, Ри узнавала лицо Сталина. Это был один и тот же портрет, из хаоса красок выглядывало

⁴⁷⁹ Перед эти у романа было еще два рабочих варианта названия – «Инснаб» и «Москва слезам не верит». См. об этом: *Brunová M. Ke genezi názvu románu "Moskva – hranice" českého spisovatele Jiřího Weila // Slovanský literární svět: kontexty a konfrontace. Brno: Masarykova univerzita 2015. S. 31–38.*

суровое, иронически улыбающееся лицо. Он был прикреплен и к воздушным шарам, висящим над головой людей, он взлетал на штурм небес, застывший, неподвижный, всегда один и тот же» (98).

Упоминаются в романе и специфические московские учреждения, связанные с идеологией. Некоторые из них имеют определенное название, как «пресловутое ГПУ», на которое Роберт указывает только что приехавшей Ри, или пансион для политэмигрантов, которых посещает румынский революционер Герцог. Какие-то из этих мест, связанных с идеологической жизнью, в романе не названы, но подразумеваются, как, например, место работы Яна Фишера – оно всегда фигурирует в романе только как «учреждение», однако нетрудно догадаться, что имеется в виду переводческое бюро Коминтерна, где работал сам Вайль. Символично при этом, что располагается оно в старом купеческом квартале в здании бывшей церковной школы. В этом учреждении работают самые разные иностранцы-коммунисты: бразильцы, румыны, чехи, югославы, корейцы, китайцы, болгары, все они – работники печати (журналисты, переводчики, редакторы).

Вместе с эволюцией мировосприятия героини в романе изменяется и взгляд на советскую жизнь. Внешние детали, быт перестают в ней доминировать. На первый план выходят такие явления, как советский завод, условия карьерного роста внутри него; политическая жизнь, которая выражается участием в политкружках, «чистках», демонстрациях. Читатель вместе с Ри познает все эти необходимые составляющие советской реальности. Так, завод – это «сложный организм», где, как и в «Инснабе», действует свой «заколдованный круг талонов, тарифов и норм», где есть свои герои – ударники, а бригады соревнуются в выполнении плана, где люди доброжелательно относятся друг к другу, так как все они связаны общим трудом. Роберт объясняет Ри, что представляет собой «грамота ударника» и как проходит процедура награждения, которую американец Эберхард называет «большим шоу» и которую прошел сам Роберт, образцовый инженер: «...ударников награждают два раза в год: накануне первого мая и седьмого

ноября, годовщины революции. [...] Зал было не узнать, кругом красные полотнища, на стенах – большие портреты вождей, написанные тушью на белом полотне, на сцене – бюсты Ленина и Сталина. За столом в президиуме сидели секретарь парткома, члены заводского комитета, наш директор, усадили туда же и меня с главным механиком. [...] Под сценой играл всю оркестр, наш, заводской, репертуар у них небогатый, но парни старались, как могли. Оркестр играет без передышки, народ все подходит прямо с рабочих мест, мало у кого есть возможность умыться. [...] Оркестр играет, председатель профкома вызывает рабочих к столу президиума: каждый получает грамоту или ордер на костюм, патефон или велосипед, зал хлопает, топает и кричит, ударник благодарит за награду и говорит о своей работе, некоторые стесняются, но большинство ударников с гордостью говорит о своей работе, о недостатках в ней и обещает их исправить» (80-81).

Вместе с Ри узнает читатель и о том, что слова «партия» и «член партии» в советском обществе фактически определяют статус человека, и что принадлежность к партии является «то ли самой прекрасной и недостижимой мечтой, то ли делом гордости и бахвальства» (138). Раскрывается и значение советского понятия «парторг», с которым Ри первый раз сталкивается, когда знакомится с Трониным: «Ри знала только, что это важная должность, что парторг является, собственно, заместителем директора или даже обладает такой же властью, а то и большей» (101).

Наконец, героиня узнает и о таком специфическом трагическом явлении 1920–1930-х гг. годов, как «чистка»: «Ри читала о строгих правилах чистки, о том, что через нее проходит каждый член партии, что у чистки нет определенных сроков, чистка проходит в сроки, назначаемые партией, что комиссия по чистке состоит из людей с не менее чем десятилетним партийным стажем, специально отобранных и назначенных. Брошюра рассказывала о значении чистки: пусть страна видит, что партия, ведущая ее вперед, избавляется от всех враждебных элементов, шатких, вероломных и продажных. Избавляется от них беспощадно, осуждает их на виду у всех,

потому что на чистку может прийти каждый, и каждый может высказать любые замечания в адрес любого члена партии» (141). Изображен в романе и сам процесс «чистки»: на одной из них присутствует Ри. Во второй же части романа «чистке» подвергается Ян Фишер. В целом можно сказать, что «чистка» показана в романе как механизм, уничтожающий живого человека, который становится жалким и беспомощным перед лицом всемогущей партии, начинает сознаваться в грехах, которые не совершал. Не случайно и героиня осмысляет «чистку» как «инквизицию», однако вместе с тем не отрицает ее, принимая это явление как часть чужого мира, необходимые правила игры в нем.

Особым свойством образа советской Москвы в романе является масштабность всех ее реалий и устремленность в будущее. Так, несмотря на мороз, москвичи рассматривают громадный макет Беломорканала; описывается грандиозное строительство метро, в котором все, даже иностранцы, принимают участие и которое превращает центральные улицы в сложную полосу препятствий; и даже парторг Тронин, как замечает Ри, мыслит только в «мировом» масштабе. Эта грандиозность планов часто контрастирует с архаикой и бедностью – их иностранцы тоже замечают, и, не обладая способностью советских людей смотреть в будущее поверх настоящего, воспринимают Москву как город, располагающийся в особой системе пространственно-временных координат, между архаическим прошлым и почти фантастическим будущим: «Они перешли на другой берег по узкому железному мосту с пешеходными дорожками по краям и дощатой проезжей частью посередине. Река замерзла, по обе стороны набережной были разбросаны деревянные домишки, спускавшиеся к самой реке, и от этого она становилась похожей на деревенскую речушку, хотя Роберт объяснял Ри как-то у модели Беломорского канала, что Москва будет портом пяти морей. Деревянные домики с резными наличниками на страже порта пяти морей – это было что-то совсем уж нереальное, так же как этот железный мост на каменных опорах, так непривычно упиравшихся в глинистый берег» (111).

Ощущение Москвы как особого, надреального пространства постоянно подчеркивается в романе, советская столица часто определяется автором как «город, простирающийся в бесконечность», понимание которого ускользает от обычного человеческого восприятия.

3.4. Москва – экзистенциальное пограничье

Чужой, далекий от Европы уклад жизни и быта, коммунистическая идеология, образуют в интерпретации Вайля мистическую, полуреальную атмосферу, присущую московскому пространству. Человек в советской Москве оказывается в пограничном состоянии между европейским и азиатским, одними ценностями и другими, добром и злом, настоящим и будущим. В московском пространстве, отчасти ирреальном, идеологически заряженном, он вынужден сам определять и уточнять себя. Идеология в Москве пронизывает не только облик города и социальных учреждений, но и личную жизнь людей, проникает из внешнего мира во внутренний: человеку не спрятаться от нее. Героиня Ри это тоже вскоре понимает: «Она может откупиться от своего одиночества только смирением, спрятаться или запереться невозможно, нет такого укрытия, такой норы, куда не проникли бы эти прищуренные ястребиные глаза с бесчисленных портретов» (99). О том, что в Москве все личное подчинено коллективному, говорит и немка Грюбхен: «Все масштабы сдвинуты и расширены, личной жизнью жить невозможно – жить можно только заводом, стройкой, бригадой, промышленно-финансовым планом» (96). Москва, ее ритм жизни, ее жители представляются в романе некой нерасчлененной массой: «Толпы движутся навстречу своей судьбе, шагают сквозь сумерки и мутный туман, преодолевают все препятствия как слепая сила, неподвластная морозу, времени, заносам» (99); «...вожди стояли на трибуне неподвижно и глядели вниз, на черную человеческую реку, толпы текли молчаливо, улицы отражали эхом топот огромного множества людей» (252). Часто в описаниях московской жизни автором используется метонимия, которая объединяет в одно целое и Москву, и ее жителей, и всю страну,

например: «Москва строит метро», «страна все время шагает вперед», «Москва жила в горячке, кричала о мести и разоблачала врага». Мистические очертания Москвы подчеркиваются в пейзажных фрагментах: на протяжении всего романа акцентируется дождь, серая муть, снежные заносы. Москва воспринимается героями и автором как «город, где может произойти все что угодно» (217), откуда люди исчезают, не простившись ни с кем, как исчез однажды коммунист Герцог, отправленный с секретной миссией в нацистскую Германию и вернувшийся в Москву умирать после пребывания в немецкой тюрьме.

Чрезвычайно важно, что с первых страниц романа в нем появляется образ границы: поезд, в котором едет Ри, постепенно приближается к польско-советской границе, и атмосфера внутри поезда, как и состояние самой Ри, становятся все более напряженными. Преодолев границу, героиня оказывается в коммунистической Москве, где постоянно должна делать выбор, то есть решать проблему границы теперь уже внутри самой себя. Ян Фишер тоже преодолевает территориальную и аксиологическую границу: с опасным партийным заданием он едет в Берлин и возвращается в Москву, где его ждет «чистка» и полное одиночество. В качестве некой символической границы можно рассматривать и Москву-реку, она присутствует во всех значимых для главных героев эпизодах: ее видит Ри в первый же день своего знакомства с городом; на прогулочном теплоходе Ри и Ян Фишер решаются признаться в любви друг к другу; на мосту Ри принимает важное для себя решение стать работницей Шарикоподшипникового завода; к реке идет Фишер после того, как его осудили на собрании трудового коллектива. Да и само название романа – «Москва-граница» – видится не случайным, оно отражает основное свойство топоса советской столицы – его высокую экзистенциальную напряженность.

О том, что в романе присутствует обращение к проблемам не только идеологическим, но и к экзистенциально-философским, свидетельствуют и надвременные вечные образы: над Москвой, ее идеологическими и

политическими страстями светят «чужие, равнодушные звезды, не красные и не пятиконечные» (224).

В целом можно сказать, что Москва мыслится в романе Вайля как модель русско-советского коммунистического мира. Топос Москвы сочетает в себе сразу несколько смысловых планов: физический (предметно-ощутимый); ментальный; идейно-политический; экзистенциально-символический. Московский мир в целом показан как узнаваемый, но ментально чужой европейскому наблюдателю. В то же время он является притягательным для тех европейцев, которые ищут ответы на важные духовно-нравственные вопросы. Однако советская Москва не дает на них ясных и определенных ответов, всякий раз оставляя человека наедине с самим собой, в ситуации пограничья, внутреннего выбора. Любое преодоление этой границы ведет человека в ту или другую крайность – к буржуазной бездуховности или лишенной индивидуальности коллективистической жизни. Удержаться посередине пытается Ян Фишер, однако ему это не удается, ведь границы требуют их преодоления, и человек в любом случае обязан совершить свой выбор.

Сам автор при этом до последних страниц романа старается сохранить дистанцию по отношению к московской реальности, удаляясь от нее на безопасное философское расстояние, пользуясь иронией, вводя надвременные вечные образы, прибегая к приему остранения. В целом Вайль создает сложный, неоднозначный образ советской Москвы 1930-х гг., уникальный для чешской литературы и представляющий немалый интерес в русском литературном контексте. Роман Вайля с его экзистенциальным звучанием органически встраивается в ряд текстов о советской Москве таких русских писателей, как М. Булгаков, Г. Кржижановский, Б. Пильняк, Ю. Олеша, А. Платонов. Вместе с тем, Вайль не повторяет русских писателей, его особая «иностранная» точка зрения, выхватывающая из московского пространства совсем другие смыслы и бытовые детали, оттеняет русский и советский менталитет, делает образ Москвы для читателя новым и неожиданным.

Глава 4. Образ человека в советской Москве 1930-х гг.

«Я все-таки рассказчик человеческих судеб»⁴⁸⁰, – такие слова Вайля о себе приводит Я. Вондрачкова в книге своих мемуаров. Действительно, все творчество Вайля сосредоточено вокруг человека, антропологично по своей сути. Отсюда и большое количество героев в его художественной прозе. Через обширную персонифицированную Вайлем, по сути дела, представляет разные слои советского общества, о которых читатель может составить представление благодаря использованному в романе приему типизации, а также благодаря изображению психологически развернутого процесса эволюции главных персонажей⁴⁸¹.

4.1. Типажи «советских» героев

Отдельным предметом изображения в романе Вайля стали обитатели советского новообразованного общества – советские люди. При этом показаны они, прежде всего, с позиции героев-иностранцев, которая позволяет увидеть обитателей страны Советов в ближней и дальней перспективе: выявить среди них определенные типажи, составить представление об универсальных составляющих советского менталитета.

В начале романа советские люди представлены как неотъемлемая часть чуждого для Рии мира, и ей, только приехавшей в Москву, они кажутся пугающей нерасчлененной серой массой. Ее удивляет, что они постоянно спешат, неоднократно ей приходит мысль, что вся эта спешка – механистичная, искусственная, что люди участвуют в ней не по своей воле: «словно какой-то чужой человек нанял их, чтобы они бегали, удирали, спешили сесть в трамваи и автобусы, и теперь они честно стараются

⁴⁸⁰ *Vondračková J. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. S. 61.*

⁴⁸¹ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее (Грасько А.В. Взгляд иностранца: советский быт и советские люди в художественной рецепции Иржи Вайля // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 4. С.72–84.)

выполнить свою задачу...» (39). Все в этих людях кажется чужим и враждебным, их характеристики, поданные через сознание Ри, вызывают лишь отрицательные коннотации: «мрачные, отупелые» лица, «запах немых тел и верхней одежды, воняющей нафталином», «незнакомая, чужая» речь. Ри остро ощущает свое одиночество в этой массе, которая не обращает на нее никакого внимания: «никто не оглянется, не улыбнется, все спешат, никто не хочет остановиться» (54). Это восприятие советских людей в их нерасчлененном потоке словно иллюстрирует тезис о том, что «Чужой» (он же «Другой»), как древнейший архетип, является синонимом враждебного мира⁴⁸².

Постепенно из общей безликой толпы начинают вырисовываться и персонализироваться отдельные герои, которые, тем не менее, все равно изображаются автором очень схематично. Вообще, можно сказать, что изображение Вайлем советского человека не интенсивно, а подчеркнуто экстенсивно, советские люди на страницах романа представлены лишь в типологической парадигме.

Так, например, один типаж русских-советских людей представляют собой Поля (студентка Электротехнического института, переводчик и секретарь Роберта) и молодой инженер, пропагандист, кандидат в члены партии Миша Стаканчик. Эти молодые люди активно участвуют в строительстве Советского государства, благодарны ему за то, что оно дает им право учиться, работать, развиваться. Вместе с тем они грезят обо всем иностранном, европейском, «болеют Западом». Европейцы им кажутся верхом изысканности и элегантности, европейские вещи приводят их в бурный восторг. Характерно, что Европа им представляется только с этой, чисто внешней стороны – миром красивых вещей, обходительных людей и модных танцев. Именно этот мир они нахваливают и на него готовы променять все, что имеют. Этим героям присущи такие качества, как вещизм, отсутствие

⁴⁸² Об этой архетипической оппозиции, пишет, например, советский этнограф А.М. Золотарев. См.: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология / отв. ред. Л.А. Файнберг. М.: Наука, 1964.

внутреннего стержня, они «вьются» вокруг иностранцев, но впоследствии распознаются даже ими как люди не самой высокой нравственной пробы. Можно сказать, что Поля и Миша Стаканчик представляют собой тип *советского обывателя, мечтающего о красивой западной жизни, заискивающего перед Западом* и не слишком высоко ставящего идеалы коммунизма.

Этим героям противопоставлен совсем другой тип советского человека, представителем которого является Саша Тронин, выходец из крестьянской среды, участвовавший во всех этапах становления нового советского мира: в Гражданской войне был в отряде легендарного Котовского, служил в Красной армии, был демобилизован, учился, служил в ГПУ, занимался партийной работой на заводах, стал парторгом, секретарем партийного комитета. В его внешности, характере, манере поведения подчеркиваются одновременно «русские» и «советские» черты. У него «смышленные, иронически прищуренные, внимательные, недоверчивые глаза» (102), он еще по революционной моде одет в военную форму, которая подчеркивает его «стремительную, энергичную походку и четкость движений» (101), говорит «наивно, без малейшей зависти» (102), ведет себя просто и весело, посмеивается над собой и своей работой, рассказывает истории из революционного прошлого, полные «необузданной разбойничьей романтики» (103). Главная же черта, отличающая его от Поли и Миши – гордость за Советское государство, искренняя непоколебимая вера в него. К европейскому миру он относится с достоинством и уверен, что СССР догонит и перегонит его: «Мы будем делать такие вещи не хуже, [...] да нет, даже еще лучше» (102). Саша Тронин – это тип *героя-бессребренника, рыцаря коммунистической идеи*. Именно этот герой внушает Ри интерес, доверие, уважение, заражает своей верой в советское общество и государство, помогает преодолеть отчуждение в отношениях с русскими людьми.

Во второй части романа выведен также мало привлекательный типаж *советского бюрократа*. Это советский чиновник административного аппарата

Минкин, который неприятен, груб с подчиненными, лицемерен, явно злоупотребляет своей властью. Похожий типаж, в котором подчеркивается бюрократическая обезличенность – председатель месткома издательства «Вераг» Чумадрин: «Чумадрин – чиновник. Он будет получать свою зарплату первого и пятнадцатого – будучи чиновником он будет зависеть от администрации, парторга, директора. Зарплату будет получать за свою функцию, вот он и будет функционировать» (216).

Галерея советских людей дополняется и другими, более проходными персонажами, такими, например, как домработница Анисья, которую наняли Ри и Роберт. Сама она почти не фигурирует в романе, зато мы узнаем ее судьбу, очень русскую и, в общем-то, печальную: Анисья – бывшая крестьянка, ее муж работал на заводе, но он умер, грамоте она так и не научилась, а перед неграмотными все двери в советском мире закрыты, поэтому она и стала домработницей, хотя стыдится этой работы. Анисья – это тип, условно говоря, *«отсталых» советских людей*, не способных вписаться в новую жизнь по каким-то объективным, вполне понятным причинам.

Когда Ри приходит на Шарикоподшипниковый завод и начинает жить его жизнью, в романе появляется еще один тип – тип *советской работницы-энтузиастки*. Этот тип реализуется в образе комсорга Маруси, которая просто, по-дружески и с большим энтузиазмом рассказывает Ри о жизни завода, желая ей помочь освоиться на новом месте. В отличие от Поли она не мечтает ни о чем иностранном, хотя владеет немецким, Маруся говорит только на строго «советские» темы, приводит Ри разные цифры, статистику, расспрашивает ее не о европейских безделушках, а о жизни угнетенной рабочей молодежи в Западной Европе. В то же время ей приятно чувствовать власть над иностранкой, и иногда она говорит с Ри по-военному повелительным тоном.

Наблюдая за советскими людьми в разных ситуациях и общаясь с ними, Ри и другие герои-иностранцы замечают общие черты советского менталитета. Так, например, Ри удивляется преображению простого

советского человека в театре. Несмотря на то, что внешне советские люди не меняются и в театр приходят все в той же поношенной одежде, одинаковых шапках и беретах. Ри замечает, что они из «заурядных, измученных жизнью людей» превращаются в «героев, на которых падает свет прожекторов» (83) и среди позолоченных интерьеров чувствуют себя как дома. Героиня невольно сравнивает их с теми рабочими, которых она помнила из своего буржуазного детства – в большом доме ее отца они тушевались, терялись. Поэтому торжественное, триумфальное и уверенное поведение советских людей в театре кажется ей необычным.

Кроме того, Ри и другие героини отмечают какую-то особую гордость в простом советском человеке. Ри замечает ее в словах и поведении парторга Тренина, в домработнице Анисье, которая несмотря на свое простое происхождение и безграмотность стесняется служить прислугой. Еще один эпизод, ярко характеризующий советского человека с этой стороны – рассказ Роберта о награждении на заводе: низкооплачиваемая работница возмутилась, когда вместо почетной грамоты ей вручили довольно большую денежную премию и отказалась от нее. Роберт замечает, что «в Европе такого бы не сделал никто» (82). Во многих советских людях (о чем говорит только что приведенный пример) есть готовность отказаться от материального во имя так называемого «символического капитала» их идейно-нравственного признания. Интересно, что даже дети иностранных инженеров, которые ходят в советские школы, проникаются этой гордостью, и жены инженеров сетуют, что такими детьми «не покомандуешь».

Характерную и необъяснимую русскую черту, не теряющую актуальности и в советском менталитете, очень точно подмечает американский инженер Эберхард: с одной стороны, русские люди склонны к национальной самокритике, любят ругать Россию, русские нравы, русскую жизнь, принижают все хорошее, что в ней есть, вынуждая иностранцев «защищать Россию от русских». Однако никому, кроме себя, Россию ругать они не позволяют и защищают ее с чувством бахвальства: «Что нам Европа?

Да мы эту Европу шапками закидаем! Да что Европа, ее мы уже обскакали, мы и Америке нос утрем!» (57).

Во второй части романа зафиксирована еще одна интересная бытовая ипостась советского человека – его отношение к отдыху и свободному времени, которых, вообще-то, у него почти не бывает. Ян Фишер, оказавшись на одном из черноморских курортов, замечает, что люди в санатории поначалу не могут привыкнуть к свободе и «бродят как потерянные», ведь все это «слишком неправдоподобно и волшебное», затем у советских людей наступает эйфория: «поверив, что у них действительно есть право отдыхать, они не знают, что делать от радости – они готовы петь всю ночь напролет, заниматься играми и развлечениями» (230). В этой эйфории советские люди почти теряют разум, становятся непосредственны и веселы как дети: «Им кажется, что они на каком-то острове блаженства, куда они сбежали от каждодневной борьбы, они бессмысленно смеются, кричат и ощупывают вещи, словно желая убедиться, что это им не привиделось...» (230). Ими овладевает «безумное желание тратить деньги» (230), они покупают апельсины килограммами, с размахом заказывают вино всему пароходу и совершают другие «дикие» выходки, ведь на отдыхе советские люди хорошо помнят, что «сон продлится всего один месяц, каждая потерянная минута для них на вес золота» (230).

Таким образом, мир советских людей изображен в романе Вайля, с одной стороны, очень схематично, с другой, – весьма убедительно. Эта убедительность достигается спецификой художественного изображения: советские люди представлены в своей целостной массе, благодаря использованному автором эффекту остранения, который в данном случае получается в результате видения их со стороны, как бы извне их собственного мира. Кроме того, герои романа хорошо систематизируются по типажам. Благодаря вышеперечисленным способам изображения, в романе осуществляется попытка проникнуть в сущность советского менталитета, к 1930-м годам вполне сложившегося.

4.2. Герои-иностранцы

Мир иностранцев в романах Вайля представляет собой интернациональное сообщество, которое было несомненным фактом эпохи – действительно, в СССР во время первых пятилеток прибывало немало иностранных граждан⁴⁸³, привлеченных советским правительством и спасавшихся от безработицы в Европе. Работая в Москве в Коминтерне, Вайль являлся частью этого сообщества и, конечно, хорошо его представлял. Именно поэтому он подробно фиксирует особый внутрисоветский быт иностранцев, стереотипы их восприятия, ментальные отличия, конфликты, возникающие между ними и советской действительностью, а также отношение к ним советских граждан⁴⁸⁴.

Герои его романа – это *инженеры, рабочие, работники печати* и их *семьи*, приехавшие в СССР добровольно в поисках работы, как, например, Роберт и Ри, или посланные в Россию коммунистической партией, как Ян Фишер, Рудольф Герцог. Упоминается в романе и еще один специфический тип иностранцев – это *политические эмигранты*, которых принимает советское государство. Среди них – и действующие бойцы интернациональной коммунистической идеи (например, австрийские эмигранты), и те, которые уже не годятся для работы и приехали в Москву умирать (друзья Рудольфа Герцога, живущие в приюте для старых политэмигрантов), и *дети погибших или заточенных в тюрьмы и фашистские концлагеря коммунистов* (так, например, Ри заботится о детях австрийских повстанцев, павших во время Февральского восстания 1934 г.).

⁴⁸³ Подробнее об этом см.: Дацишина М., Сорокин А. Пролетарская вербовка // Родина. 2020. № 9. С. 120–126.

⁴⁸⁴ При написании данного раздела диссертации использованы результаты научной работы, выполненной автором лично и опубликованной ранее (Грасько А.В. Европейский менталитет 1930-х гг. в зеркале советской действительности (на примере романов Иржи Вайля «Москва-граница», «Деревянная ложка») // Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 90-летию В.А. Хорева (по материалам IV Хоревских чтений) / В.В. Мочалова, Н.М. Филатова, Л.А. Мальцев [и др.], под общ. ред. И.Е. Адельгейм (отв. ред.), Е.В. Байдаловой, Н.А. Луньковой, Н.Н. Стариковой. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 439–461.

Вайлю удастся показать специфику мира иностранцев в СССР, его соотношение с миром советским. С одной стороны, он включен в советский социум, с другой – сильно от него отличается. Иностранные граждане работают в СССР: муж Ри (поляк Роберт) занимает ответственный пост технического директора на знаменитом заводе «Москабель», его коллегой является инженер-американец Эберхардт, знакомая Ри и Роберта немка Грюбхен трудится на текстильной фабрике (вероятно, имеется в виду Дербеневская фабрика имени Я.М. Свердлова), австрийский рабочий и коммунист Тони работает на «Станкозаводе». Некоторые из героев – работники партийных комитетов (румын Рудольф Герцог, чешка Ярмила). Иностранцы также принимают участие в жизни советского общества, в том числе работают на субботниках, помогая строительству метрополитена. И все-таки они существенно отличаются от советских граждан. Самые заметные отличия их жизни связаны с лучшими бытовыми условиями: советское государство, нуждаясь в квалифицированных кадрах, выделяет иностранцам новые квартиры, где, как правило, есть редкие для довоенного советского времени удобства (собственная кухня, ванная комната), предоставляет особое снабжение через магазин «Инснаб». Каждодневная жизнь иностранцев, их привычные маршруты тоже несколько отличаются: кроме заводов, где они работают наравне с советскими людьми, они посещают полузакрытые для советских граждан места в Москве (описанный уже клуб иностранных рабочих, гостиница «Метрополь»).

Особая аура иностранцев связана с их внешним видом, одеждой, бытовыми привычками. Именно по этим приметам сами иностранцы в романе Вайля безошибочно идентифицируют друг друга, по ним же сразу выделяют их и советские люди. Так, советская студентка Поля с восхищением смотрит на европейский дорожный костюм главной героини чешки Ри, ее украшения. Ри сразу становится для нее воплощением того самого европейского стиля жизни, о котором она страстно мечтает. При этом Вайль, будучи острым, ироничным наблюдателем, также замечает, что в глазах советских людей

любая незначительная деталь внешности и поведения иностранцев идеализируется и даже поэтизируется. Примечателен эпизод, когда Ри, только приехав в Москву, пораженная непривычными неприятными запахами, пытается спастись, поднося к носу надушенный платок. Этот жест, который является в общем-то выражением безгливости по отношению к окружающему миру, Поля, в свою очередь, воспринимает как проявление изысканных европейских манер.

При этом Вайль показывает, что отношение к быту и степени его устроенности у героев-иностранцев разное и защищать свои права на более высокий уровень жизни они готовы с разной степенью активности. Так, например, автор замечает, что любовь к комфорту и уверенность в своих правах преобладает у *англичан*, по крайней мере, именно это качество проиллюстрировано в единственном эпизоде, где появляется английский персонаж: «Однажды я застал у Минкина англичанина. Он просил новую квартиру. Минкин ему говорит: Но ведь вам предоставили большую светлую комнату в центре Москвы, что еще человеку нужно? Вы знаете, какая в Москве нехватка жилья. – Там нет ванной, говорит англичанин. – В Москве много бань, – возражает Минкин. – Но меня вообще не интересует ваша нехватка жилья или московские бани, я должен принимать ванну каждое утро, иначе я не смогу работать. Если мне не дадут квартиру с ванной, я возвращаюсь в Англию. И пришлось Минкину дать квартиру с ванной» (172). С другой стороны, муж Ри, *поляк* по национальности, не так давно переехавший из Европы и работающий техническим директором на крупном московском предприятии, остается равнодушен к множеству прекрасных европейских вещей, привезенных его женой. Об *американцах* говорится, что «никакие неудобства их не смущают» (180). Характерно, что американец Эберхард, который ходит в вышитой русской рубашке, «выпущенной, согласно русскому обычаю поверх брюк и стянутой в пояс декоративным кавказским пояском» (56), защищает Россию от критики русских же ее обитателей, доказывая, что русские «комбайны, гусеничные тракторы, новая ленинградская оптика,

шарикоподшипниковый завод» – это вполне достойное оправдание бытовым неудобствам в Советской стране.

Полное невнимание к бытовому комфорту, не характерное в целом для иностранцев, представлено в образе *румына* Рудольфа Герцога. Его путь в СССР также отличается от пути большинства иностранных специалистов, работающих по контракту⁴⁸⁵. Еще в Европе он стал «профессиональным политическим работником», на себе испытал, что такое гонения на коммунистов, не раз оказывался в европейских застенках, голодал, подвергался истязаниям. В Москву он был направлен коммунистической партией и работал в румынской секции Коминтерна. Для него коммунистическая идея становится важнее личного комфорта и даже собственной жизни. В отличие от других иностранцев, Герцог довольствуется малым, принципиально не пользуется особым снабжением из «Инснаба», отказывается добиваться комфортной квартиры, несмотря на свой авторитет настоящего революционера, проливавшего кровь за идею: «Жил он далеко за Москвой, в деревянной лачуге с протекающей в дождь крышей, зимой комнату невозможно было протопить, а летом она кишела клопами. [...] Стоило только зайти к Минкину и упомянуть в разговоре, что ему нужна квартира. Минкин бы сделал все на свете, так он боялся Герцога. Но уговорить Герцога было невозможно. Он даже знакомым запретил ходатайствовать за него по поводу квартиры» (170). Сам Герцог, работая на пределе возможного, не считает себя привилегированным иностранцем, которому советское государство чем-то обязано: «На Герцога никакие уговоры не действовали. “Англичане – народ с высоким жизненным стандартом. Может, он и впрямь не смог бы работать [без удобств, ванной – А.Г.]. Но я могу. Может, я ее не заслуживаю. В любом случае я не собираюсь ее добиваться”. Если собрания заканчивались поздно, Герцог ночевал в учреждении, потому что не успевал на поезд в Лосино-Островское,

⁴⁸⁵ См.: Постановление по вопросу привлечения иностранных специалистов, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5.IV.1930 г.). Приложение № 1 к п. 16, пр. ПБ № 122. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 781. Л. 15–17.

где он жил. Спал он на столах, в прокуренном, грязном помещении, укрывался огромными полотнищами китайских журналов» (172); «Герцог был благодарен. Страна дала ему работу, хлеб и крышу над головой. Крыша дырявая, хлеб черный, работа – тяжелая, изнурительная. Но что из этого? Он не имеет права требовать большего. Он среди своих, дома, никто его здесь не обидит. Чем меньше он получает, тем больше помогает стране, которая заботится о нем. Чем больше он работает, тем быстрее выплачивает свой долг» (172). Революционный фанатизм Герцога настолько велик, что улучшить свои условия жизни он не хочет даже ради жены и ребенка, которые страдают от бытовой неустроенности.

Однако основное свойство иностранцев в романе, объединяющее их независимо от национальности, профессии, бытовой устроенности, – это, конечно, интерес к труду, большой социалистической стройке, которая представляется им возможностью реализовать свои профессиональные навыки, тогда как в Европе начала 1930-х гг. свирепствуют экономический кризис и безработица. Характерно, что чаще всего их притягивает именно труд, строительство, индустриализация. А вот коммунистическая идеология интересует далеко не всех, хотя большинство приезжих – пролетарии или инженеры.

Так, наибольшая работоспособность и увлеченность процессом индустриализации и в то же время почти полное равнодушие к идеологии подчеркивается в американцах: «...американец умеет сухо и трезво оценивать ситуацию, казалось, он понятия не имеет о том, что завод принадлежит другому классу, что там другая политическая ситуация, его интересовала только техника. Позиция его была ясна: все, что способствует техническому развитию – это хорошо, а если, скажем, кто-то подводит это под политическую базу, это уже не моя забота» (159). Характер американцев ярко проявляется в эпизоде, где группу иностранцев привозят на экскурсию в Люберцы в трудовую колонию малолетних нарушителей, при этом американцы видят перед собой не пример социалистического перевоспитания, а место, где идет

работа, в которой они хотят принять участие: «...американские инженеры тут же стали проверять станки и показывать бывшим заключенным, как надо работать. [...] Эти люди были ненасытно жадными до работы, они бы работали даже в пекле, они просто не могли равнодушно пройти мимо техники» (180). Такую репутацию американцы имеют и среди иностранцев-коллег, которые замечают, что именно трезвый инженерный ум и любовь к труду делают их союзниками трудового советского общества: «Что ни говори, это было потрясающе, Ри знала не хуже Фишера, что американцы зарекомендовали себя в Советском Союзе лучше всех других иностранцев, [...] работают они с еще большим энтузиазмом, чем русские, хотя политический строй страны им совершенно безразличен, на политических кружках они зевают, да и русский учат неохотно. И все равно каким-то образом сдружились со всеми, одинаково похлопывают по плечу что директора, что рабочего, могли смеяться даже тогда, когда под угрозой оказывался производственный план завода и на совещаниях руководство рвало на себе волосы. С этой страной они были связаны не так, как остальные иностранцы, прочнее и сердечнее, хотя не особенно контактировали с русскими и жили закрытыми группками» (180).

Для Роберта тоже важна не идеология, а возможность реализовывать свою инженерную специализацию, заниматься большим делом. Именно это изначально привлекает его в СССР и заставляет переехать из Европы, где он не может найти достойную работу: «Его не волнует, что там происходит в России, просто он хочет работать инженером, Ри должна понять: там есть работа, большая работа, там он не должен будет возиться со всякой мелочевкой, дожидаться государственных заказов и составлять липовые сметы для правления. Там он будет заниматься настоящей работой, а не торчать целый день в конторе. Ри понятия не имеет, что такое кабель, какая сила в нем заключена, сколько труда требуется, чтобы его изготовить. Ри видела кабель только на улице в виде огромных катушек у раскопанных ям, вот такой кабель и делает Роберт» (30).

Также увлечены своей работой и чешские специалисты, которые в СССР чувствуют себя гораздо увереннее, чем в буржуазной Чехословакии, и преображаются на глазах: «разгуливают по Москве, словно она принадлежит им», целый день работают, а «вечером вместо пивной идут на собрание, дома занимаются по книжкам» (132), ведут себя прилично – не ругаются, не жалуются на обед, не приходят пьяными, – чем, как ни странно, немало досаждают своим женам, которым гораздо привычнее стихия домашних склок, сплетен, без которых они не знают, чем себя занять. Их мужья, напротив, довольны жизнью и гордятся своей «высокой миссией»: «Это мы, мастера в любом деле, наши руки искусны, наши головы соображают быстрее, мы здесь для того, чтобы учить вас, мы иностранные рабочие, мы знаем все» (134). В книге «Чехи строят в стране пятилеток» Вайль подробно рассказывает о судьбах соотечественников, работающих на советских стройках, а также отмечает, что чешская-советская молодежь, получившая образование в СССР, «полна жизненной энергией, вовсе не вспоминает о Чехословакии, все ее интересы направлены на советскую действительность, они ни к чему не должны привыкать, для них все само собой разумеется»⁴⁸⁶.

Заметим, что с чехословацкими рабочими мы встречаемся не только в романе о советской Москве, но и во втором романе Вайля о советской жизни, «Деревянной ложке». Здесь читатель узнает о судьбах героических чехословаков, которые, спасаясь от бедности и безработицы, вместе с семьями прибыли в Киргизию и создали там свою коммуну – поселение Интергельпо⁴⁸⁷ близ города Фрунзе, самостоятельно построили текстильную фабрику, кожевенный завод, электростанцию, мебельный цех, больницы, проложили железную дорогу.

⁴⁸⁶ Weil J. Češi stavějí v zemi pětiletok // Reportáže a stati 1933–1937. Sv. 3. Praha: Triáda, 2022. S. 191.

⁴⁸⁷ Интернациональный кооператив, состоявший из чехов, словаков и венгров, добровольно приехавших в СССР на территорию нынешней Киргизии. Существовал в период с 1923 г. по 1943 г. За это время участниками кооператива было построено несколько предприятий, сильно поддержавших промышленность региона. Подробнее см.: Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno: Host, 2020.

Еще одна замеченная Вайлем черта иностранцев – желание работать эффективно и нежелание мириться с несообразностями советской системы. Противодействие формализации трудовой жизни показано на примере бразильца, коллеги Фишера, который, протестуя против предписанных норм и планов, задает небезопасный в советском мире ироничный «философский» вопрос о вовлеченности цикады в соцсоревнование. Поляк Роберт тоже не относится к своему труду формально, он действительно болеет за результат и к жизни завода, к производству относится эмоционально, равнодушно, ругает то, что ему кажется препятствием к большей эффективности: его беспокоит плохое снабжение, мошенничество, беспорядок, отсутствие определенных производственных цепочек и схем. Это рвение, ощущение своей сопричастности, эмоциональная вовлеченность в проблемы завода, обычные для советских людей в период первых пятилеток, несколько удивляет его жену Ри, только что приехавшую из Европы. Сначала она наивно полагает, что Роберт волнуется о зарплате: «Она осторожно выпросила у Роберта, не будет ли он наказан понижением зарплаты или каким-либо другим способом, но Роберта это только рассмешило, он ведь работает по договору и никак его не нарушил» (80). Тогда Ри понимает, что раздражение Роберта имеет другие причины: «...может, любовь Роберта к заводу, к своему ремеслу, или он так сжился с советскими рабочими, что считает государственный завод своей собственностью и переживает за него?» (80). Деловитость, желание принести реальную пользу отмечается и в немке Грюбхен, которая живет в гостинице «Метрополь» и работает на текстильной фабрике художницей по тканям. Как и Роберт, она искренне увлечена процессом производства и болеет за результат своего труда: самоотверженно борется с чересчур идеологическим и консервативным руководством фабрики, считающим, что наилучшие узоры – это тракторы и другая символика индустриализации.

Определенный тип *иностранца-труженика* представляет собой начальник Яна Фишера в чешском отделе переводческого бюро – чех Врба. Он, несмотря на то что происходит из богатой семьи, тоже добросовестно, и

даже слишком рьяно трудится на своем посту, полностью проникаясь бюрократическим формализмом советской системы. В отличие от других героев, Врба не пытается ее критиковать, сопротивляться ей, напротив, формализм вытесняет в нем все другие человеческие качества. Еще один тип иностранного героя у Вайля – *иностранец-карьерист*. Его воплощает в себе парторг бюро переводов американец Финкельбрух. Приехав в Россию в первые дни революции, он втерся в русские революционные круги и сделал хорошую карьеру – стал экспертом по американским вопросам в народном комиссариате иностранных дел. Однако сложные задачи оказались ему не по плечу, и его назначили парторгом в бюро переводов. На этом посту Финкельбрух маскирует свое ничтожество идеологией, хамит людям и прислуживает всем власть имущим. Тот же тип иностранцев-карьеристов, *подхалимов советской власти* олицетворяет собой чешка Ярмила, которую Ри встречает в клубе иностранных рабочих. Ярмила – член коммунистической партии, кроме того, по-видимому, агент тайных советских служб, но, в сущности, мало что из себя представляет. Тем не менее, идеология, близость к власти дает ей возможность чувствовать свою значительность: «Она была мелким винтиком в сложном механизме правящей партии, но умела искусно драпироваться ее величием» (139).

В целом можно сказать, что герои-иностранцы показаны в романе в контексте трудовой советской жизни, к которой они относятся с энтузиазмом и симпатией и которая частично интегрирует их в советский мир, сплачивает с советскими людьми, отодвигает куда-то вглубь их национальные особенности. Вместе с тем эти герои образуют относительно закрытое сообщество, которое определяется неким внутренним единством в ментально чуждом мире, а также специфическими советскими порядками, в силу которых иностранцы имеют особый статус, особые привилегии и особые места встреч. Важно и то, что как отдельную привилегированную касту воспринимают иностранцев сами советские граждане, некоторые из которых откровенно восхищаются всем «европейским» (студентка Поля, молодой

инженер Миша Стаканчик), другие – смотрят на них снисходительно, как на людей не совсем понимающих происходящее социалистическое строительство, и даже стремятся похвастаться своей принадлежностью к системе (комсорг Маруся на Шарикоподшипниковом заводе), третьи – общаются с иностранцами на равных, помогают им встроиться в советский мир, лучше понять его (парторг Тронин, его жена Шура).

Разумеется, Вайль не первый вывел фигуру иностранца в СССР на страницах художественной литературы. В своей публицистике Вайль, кстати, обращает внимание на то, что герои-иностранцы присутствуют в романе В. Катаева «Время, вперед!». Следом за ним можно обнаружить образы героев-иностранцев в объятый революцией или уже постреволюционной России и в других произведениях советских писателей (Курт Ван в романе К. Федина «Города и годы», Воланд в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Однако для советских авторов образы эти являлись чистой условностью, необходимой в силу разного рода идейно-философских и художественных целей. Что же касается Вайля, для него мир иностранцев в СССР был своей, родной стихией, которую он не просто знал, но и представлял сам. Этот мир для него был наполнен живыми людьми со своими судьбами, проблемами, характерами. Не случайно основная часть персониферы романа Вайля об СССР – это именно иностранцы.

4.2.1. Динамика развития образа героини: от буржуазного прошлого к ударнице производства

Понять психологию иностранцев, проследить их поведенческие реакции и эволюцию восприятия ими советского мира позволяют главные герои романа – Ри и Ян Фишер. Оба героя связаны с родной для Вайля Чехословакией, являются выходцами из буржуазно-демократического общества и каждый по-своему для этого общества типичен.

Типаж главной героини, Ри, воплощает в себе размытую чешско-европейскую идентичность: героине свойственны аполитичность,

индивидуализм, привычка ценить материальные блага, бытовой комфорт. По происхождению она – немецкоязычная чешка полуеврейского происхождения, которая родилась в маленьком городе в Моравии⁴⁸⁸ в семье чешского фабриканта: «Когда Ри была маленькой, она знала, что принадлежит к большому дому. [...] В доме было множество прислуги и всевозможных людей, но они к дому не принадлежали. Они говорили на другом языке, языке простонародья, Ри умела говорить на другом языке. Она родилась в маленьком моравском городке, но была не из этого городка, она жила в другом мире, в большом доме, потому что отец ее был богатым, ему принадлежала фабрика, и люди почтительно с ним здоровались» (11). «Другой язык», «язык простонародья» в этом фрагменте – это, конечно чешский язык, с которым героиня себя культурно и лингвистически не идентифицирует. Она, хоть и живет в маленьком провинциальном городке, говорит по-немецки. Ри, таким образом, не является укорененной в чешском мире, чешской культуре, и чешский язык – не ее родной, это подчеркивается в тексте замечанием о том, что в чешской Торговой академии, где она некоторое время училась, над ней смеялись из-за плохого владения чешским. Любовь к сионистскому агитатору и юношеская попытка найти смысл в жизни заставляют Ри отправиться в Палестину, чтобы осуществлять мечту о строительстве доброй и справедливой жизни на исторической родине евреев. Однако Ри быстро постигает разочарование, она уходит от проповедника-сиониста и возвращается в Европу. Вторым мужем героини становится польский инженер Роберт, за которым она отправляется в советскую Москву, где, в конце концов, становится работницей Шарикоподшипникового завода.

Таким образом, в биографии Ри отсутствует какой-то специфический чешский культурный код, вовлеченность именно в чешскую культуру – в Чехии она не совсем своя, и ее национальная идентичность кажется довольно неопределенной, центральноевропейской: родной для нее немецкий язык,

⁴⁸⁸ В детстве героини Моравия как часть чешских земель входила в Австро-Венгрию.

центр культурного тяготения – Вена (в Вену стремится ее мать, сама Ри после пребывания в Палестине тоже приезжает в Вену), поверхностное знание чешской культурной, исторической, политической реальности. Вместе с тем, на расстоянии, из СССР, именно Чехия видится героине как что-то родное, связанное с детством. Поэтому она вступает в чешскую, а не немецкую секцию иностранных рабочих: «После долгого перерыва (Ри – А.Г.) опять услышала чешскую речь, она была дорога ей неясными воспоминаниями о родном городе на Мораве и, хотя Ри ею плохо владела, на чужбине она звучала в ушах Ри намного приятнее, чем немецкий, который она считала своим родным языком. Тщетно она искала среди рабочих земляка из своего города, большинство рабочих было из Чехии. Оттого ли, что чешский язык напоминал ей о родине, или оттого, что образ Европы сохранился в ней как блаженная память о детстве, но Ри вступила именно в чешскую секцию, а не немецкую; Роберту и Тренину она объяснила, что в чешской секции нехватка образованных работников – но это была лишь отговорка» (131). В советской Москве Ри вообще периодически обращается к чешским воспоминаниям. Например, первый раз, стоя в советской очереди на почтамте, стремясь отстраниться от пугающей ее толпы, Ри вспоминает Прагу, свои прогулки в маленьком пражском парке, в садах на острове Кампа. Однако Прага, Чехия дороги героине не сами по себе, но именно тем, что они связаны в ее сознании с Европой вообще, которую она хорошо знает и в которой чувствует себя дома: «...Москва терялась в мутном мороке измороси, а перед ними возникала Прага, не просто Прага, а Европа, опять ставшая близкой и дорогой» (136).

Как уже говорилось, Москву и советское государство Ри, в соответствии с общеевропейскими стереотипами, воспринимает как что-то предельно чужое, враждебное, азиатское. Первые впечатления Ри, полученные в Москве, подтверждают ее тревожные предчувствия и стереотипные представления. Несмотря на то, что Москва является большим динамичным городом, она явно не вписывается в европейские представления Ри о «столице» – городе с высоким уровнем жизни, красивыми вещами, светскими развлечениями –

«мир, состоявший из витрин магазинов и оранжерей, отдыха после тенниса, блестящего шелка и английского сукна» (32), мир «музыки и танцевальных залов», мир размеренной жизни, походов в кино, кафе.

Оказавшись в Москве, Ри, сразу обращает внимание на внешнюю сторону нового, «другого» мира: архитектуру, отдельные бытовые детали, общий колорит города. Первое, что она замечает еще из поезда – странную одежду людей, которая ей кажется «европейской и в то же время какой-то не европейской», позднее она догадывается, что это европейская одежда, только давно вышедшая из моды. Ее поражает и вид Белорусско-Балтийского вокзала, на который она прибывает. Ей кажется, что он, скорее, похож на восточный базар, шумный и грязный. Затем Ри первый раз видит сам город, который ее сразу пугает смешением архитектурных стилей, массой людей. Проезжая по Москве на автомобиле, она замечает бесчисленные стройки, и на каждом шагу «полоски из красной ткани с белыми, иногда позолоченными надписями», которые «что-то сообщали, объявляли, выкрикивали» и которые ей напоминают китайские иероглифы. На следующий день героиня пешком начинает осваивать центр Москвы. Она не может понять, как центр может быть таким многолюдным и суматошным, ей кажется, что он больше похож на ярмарку где-то в предместье. Она внимательно рассматривает витрины магазинов, которые в европейском сознании неотделимы от столичного города и должны подчеркивать его состоятельность, однако она находит их «пыльными и непривлекательными» (39), безвкусно оформленными. На почте у нее кружится голова от неприятных запахов и духоты, да и само стояние в очереди тяготит ее.

Москва с ее неинтересными безжизненными витринами магазинов, отсутствием многих бытовых удобств, с вечно спешащими хмурыми людьми, толкотней в трамваях и вечной стройкой на улицах представляется Ри непривлекательной, поглощающей человека, его индивидуальность. По отношению к советскому миру Ри в начале романа испытывает одновременно ужас, неприятие и любопытство. Именно эта гамма чувств окрашивает ее

восприятие, и когда она оказывается на Красной площади, в сакральной точке русско-советского мира. Храм Василия Блаженного отпугивает и одновременно притягивает ее: «Опять начало моросить, сквозь сетку осеннего дождя храм выглядел еще чудовищнее. Он отпугивал и в то же время манил, он походил на сновидение и в то же время был несомненной реальностью, поскольку мимо него равнодушно текла толпа и ездили автомобили» (53).

Таким образом, начиная знакомство с реальной Москвой, героиня видит ее, с одной стороны, точно, вполне детально, с другой стороны, – эмоционально и крайне субъективно, часто в искаженных, гипертрофированных формах и пропорциях. Это искаженное восприятие реальности, постигающее напуганных иностранцев в СССР, верно отметил и венгерский писатель Дюла Ийеш: «...глаз превращается в увеличительное стекло и блоху выдает за слона, то в уменьшительное, когда и корова кажется сусликом»⁴⁸⁹.

Потерянную прекрасную Европу (времен Австро-Венгрии, а затем – Чехословацкой Республики) Ри пытается сохранить хотя бы в пределах своей московской квартиры. В начале ее пребывания в Москве это ей почти удается. От советского мира ее защищает эта удобная новая квартира в доме на Мясницкой, построенном для иностранных специалистов, а также масса вещей, предусмотрительно привезенная из Европы: «Роберт оставил ей достаточно денег, и теперь Ри весь день носится по Праге, составляет перечень всего, что ей нужно взять с собой, а этого так много, очень много: как-никак это цемент, раствор и кирпичи, из которых она сможет построить там европейский мир. Она покупала все, что попадалось ей на глаза, купила даже резиновую подушку, хотя толком не знала, что будет с ней делать, купила уйму вещей, которые казались ей ненужными – но они обращались к ней на языке утонченных форм, элегантных линий, совершенных механизмов. Она долго подбирала патефонные пластинки, нужно было купить все пластинки, с

⁴⁸⁹ Ийеш Д. Россия. 1934. М.: Хроникер, 2005. С. 20.

которыми были связаны какие-то воспоминания. [...] Купила фарфоровые сервизы, комплекты ложек, ножей и вилок, кофеварку и чайник, все должно быть из Европы, ничего не значит, что, как писал Роберт, в магазине для иностранцев большой выбор посуды. Ри хотела иметь собственную европейскую посуду, иначе ей никак не удастся создать там свою Европу. Она тщательно подбирала книги. Это должны быть европейские книги, в которых говорится о любви, которая переживает любой строй, это должна быть поэзия, стоящая над действительностью, там должны быть и Гейне, и Рильке. Теперь квартира Маргит [сестры Ри – *А.Г.*] напоминала склад, в том числе и мужских вещей, потому что Ри думала и о Роберте, он был частью ее Европы и потому должен был носить европейские вещи. Вот дюжина галстуков – их цвета будут знаменами Европы» (33). Оказавшись в Москве, все эти вещи действительно становятся союзниками Ри в ее борьбе против чужого враждебного мира, помогают создать почти европейскую атмосферу в московской квартире героини. Слушая любимый музыкальный шлягер на немецком языке, она в поэтических возвышенных тонах представляет себе Европу, которая так контрастирует с советской серой обыденностью: «Европа сто тысяч раз погружается в розовые тени, на улицах звучит смех, автомобили скользят по асфальту, из открытых окон доносятся звуки рояля, сто тысяч раз встречаются люди осенним теплым вечером, сто тысяч раз раздается смех, а в реке отражаются огни, сто тысяч раз звучит в глупой песенке тоска, грусть, томление. Мутный московский день, ручейки воды на асфальте, зябкое кутание в теплое пальто, сырой воздух, полный отвратительных запахов, замызганный пол почтамта, гул человеческих голосов на незнакомом языке – все это заглушается музыкой модного шлягера “Сто тысяч раз”. Сто тысяч воспоминаний стучат в виски, и Ри опять видит европейские столицы в осенние дни, Москва исчезает, становится ночным кошмаром, сном, а Европа – это действительность, сладкая и победная; над черной пропастью смутных и темных теней, над византийскими куполами, торчащими в сумрачное небо, музыка гремит свое стотысячекратное “нет”» (60). В Москве Ри старается

вести привычную светскую жизнь – в гостях у них с Робертом то и дело собираются компании, гости пьют кофе, общаются, танцуют, затем идут в клуб для иностранных рабочих, в театр, кино, посещают кафе гостиницы «Метрополь». Так, в советском мире Ри стремится найти то, что хотя бы отдаленно напоминает Европу.

Несмотря на то, что в целом Ри удастся создать внутри советского мира свое пространство, отдаленно напоминающее европейское, она неизбежно соприкасается с советской реальностью, советскими ценностями, советскими людьми. В этом соприкосновении европейская и, в общем, буржуазная картина мира героини подвергается серьезному испытанию. Ри чувствует, как на советском фоне вскрываются все слабые стороны европейской аксиологии и теряют однозначность такие привычные ценности, как любовь к комфорту, красивым вещам, поверхностно-вежливому общению, праздному времяпрепровождению. Задумываться об истинности европейских ценностей Ри начинает, когда говорит с советской студенткой Полей, которая с восхищением и подбострастием относится ко всему европейскому. При этом Европа, о которой Поля лишь читала и слышала, ассоциируется у нее только с красивыми декорациями – изящными предметами, галантными формулами вежливости. Ри старается сопротивляться этому упрощенному образу Европы, она пытается убедить себя, что советские люди всего лишь мало знакомы с Европой, ее истинным содержанием, поэтому Европа в их интерпретации теряет что-то существенное. Однако это истинное содержание европейского мира самой Ри не удастся отчетливо сформулировать, ведь отсюда – из СССР – она видит Европу только в эмоционально окрашенных романтических тонах, лишенных рефлексии: «Поля смеялась бы, если бы Ри сказала ей, что все, о чем она мечтает, – всего лишь карикатура на Европу, потому что Ри не сумела бы объяснить ей, что это, собственно, такое – Европа. В конце концов, ведь то, о чем говорит Поля, Ри тоже имеет в виду, только с другим оттенком, в другой окраске. И именно этот оттенок она не может объяснить Поле, именно эту окраску, которая важнее всего. Только что, когда на сцене какая-то пианистка

играла Бетховена, Ри думала о любви в Европе, о великой и возвышенной страсти, о тайных встречах и пожатиях рук, о похищениях, препятствиях, влечении, крахе надежд, о ревности и улыбках после свиданий. А теперь Поля говорит почти то же самое, сравнивает Европу с Россией, и все выглядит совершенно иначе, благородство превращается в обывательскую грязь, в унылую, отвратительную маяту без внутреннего содержания» (67).

Несостоятельность европейских ценностей героиня обнаруживает еще отчетливее, когда наблюдает за европейскими женщинами в магазине для иностранцев – Инснабе. Ри видит, как яростно они толкаются в борьбе за дефицитные товары, и удивляется, как легко теряется налет европейской утонченности и культуры и просыпаются почти животные инстинкты: «Если бы здесь были только иностранцы – подумала Ри – можно было бы вообразить себе, что русские специально открыли этот магазин, чтобы представители нового мира могли наблюдать, как мишура, хорошее воспитание, пудра и помада линяют с лиц благородных иностранок, перед которыми благоговеют советские Поли, как эти иностранки превращаются в стадо драчливых животных, одержимых собственническим инстинктом» (75). Также Ри замечает, что эти женщины, жены иностранных специалистов, чаще всего весьма ограничены, что они нарочно закрывают себя от советского мира, не желают ничего знать о нем и вследствие этого еще больше страдают от своей изоляции, становятся все более озлобленными.

С другой стороны, героиня видит иные, уже позитивные метаморфозы, происходящие с иностранцами в СССР. Иностранцы, включенные в советский мир, вместо светских поверхностных разговоров ведут разговоры о работе, держатся более свободно и искренне. Так, например, ведет себя американец Эберхард: «Однако вряд ли он держал бы себя так же в Америке или в Европе. Нет, его поведение не было грубым или неприличным, – оно было очень свободное, даже, пожалуй, искреннее» (59). С трудом Ри узнает преобразившихся чешских рабочих, которые совсем не похожи на рабочих в самой Чехословакии – здесь они держатся уверенно, с достоинством. Героиня

видит, как советским энтузиазмом заражаются иностранные репортеры, которые, за неимением скандальных историй, начинают отправлять в газеты сообщения о строительстве и производстве, чем вызывают негодование своих европейских редакций, ожидающих получить провокационные разоблачения из Страны Советов.

Кроме того, находясь в Советском Союзе, Ри узнает о существовании другой Европы, которую она не представляет. Ее муж Роберт рассказывает ей о Европе «забастовок, концентрационных лагерей и безработицы» (87), Европе – сцене «кровавого хаоса, преступной беспечности и безумных бесчинств» (87). Сама Ри, оказывается, тоже отдаленно слышала о фашистском движении в Европе, о проблемах рабочих, однако все это не имело отношения к той Европе удовольствий, в которой она когда-то жила. К этому неожиданно новому образу привычного европейского мира Ри относится сперва недоверчиво, однако потом понимает, что эта парадигма никогда не волновавших ее проблем – тоже Европа, неотъемлемая и темная ее часть. В результате героиня обнаруживает, что европейский мир, воспринимаемый ею как эталон человеческого существования, на самом деле не является идеальным, а мир европейских ценностей оказывается достаточно зыбким, поскольку не имеет в себе позитивного идейного наполнения, сопоставимого с идеями коммунизма.

Пытаясь осознать фундаментальное различие между европейским и советским миром, Ри понимает, что в диалог здесь вступают не только чешско-европейское сознание и русский менталитет, но и буржуазно-демократическое сознание и менталитет советский, основанный на коммунистической идеологии. Так героиня приходит к новой парадигме восприятия, когда к изначальной модели противостояния «европейское» – «азиатское» прибавляется модель «буржуазное» – «социалистическое»: «...вдруг Ри подумалось, что, может, Европа и в самом деле такова, какой ее видит Поля, может, Ри просто приукрашивает ее? А может, вообще не существует ни Европы, ни Азии, а есть только какая-то неумолимая классовая борьба, о

которой говорил занудный немецкий оратор...» (67). Таким образом, героиня, столкнувшись с советским миром, переживает кризис своего европейского сознания. В конце концов, сомнения в европейских буржуазных ценностях толкают ее к советскому миру, побуждают стать работницей на советском заводе и, таким образом, включиться в жизнь советского общества, принять советскую идеологию и даже почти примириться с чужим менталитетом.

Характерно, что превращение Ри из светской «европейки» в почти обычную советскую женщину показано через внешний взгляд студентки Поли, которая в процессе преображения Ри теряет к ней интерес: «В последнее время она почти перестала заходить к Ри. Говорила, что у нее много работы, она готовится к экзаменам, очень строгим, и за один несданный экзамен ее могут исключить из института. Но была, пожалуй, и другая причина: Ри и Роберт больше уже не были интересным знакомством. Отблеск заграничного великолепия уже не падал на Полю, ей нечем было хвастаться. Ри и Роберт теперь были похожи на обычных хорошо оплачиваемых советских специалистов, Поля не могла больше рассказывать знакомым о туалетах Ри, так как Ри стала рабочей и одевалась просто» (201). Вместе с тем Ри, как с завистью отмечает Поля, меняя образ жизни и помещая себя в советские бытовые и идеологические рамки, все-таки сохраняет неуловимый налет «европейскости», который проявляется в умении одеваться просто, но со вкусом, с достоинством держать себя в обществе.

В целом в образе Ри в романе Вайля воплощается распространенный типаж западного человека 1930-х гг., носителя буржуазного сознания, аполитичного, не укорененного в каких-то идеях. Столкновение с ценностно определенным советским миром становится для героини испытанием, которому она ничего не может противопоставить, и признает, в конце концов, мир коммунистических идей более состоятельным и наполненным смыслом.

4.2.2. Динамика развития образа героя: от работника Коминтерна к положению отщепенца

Образ Яна Фишера, который является героем двух романов – «Москва-граница» и «Деревянная ложка», воплощает собой другой типаж – чешского интеллектуала, коммуниста, солидарного с идейными основаниями советского государства, его общим курсом, но не лишённого рефлексии, сомнений относительно справедливости и целесообразности советских методов управления. Вероятно, о таком типаже коммуниста-еретика хотел написать роман и венгерский писатель Э. Шинко, находившийся в Москве в 1935-1937 гг. Вот что он пишет о своих неосуществившихся планах в дневнике: «И вновь занимает меня мой парижский замысел: описать трагедию “уклони́ста”, этакго коммуниста-еретика. Подчеркиваю, еретика, но не противника коммунизма. Враги с точки зрения драматической неинтересны, их дело отрицать, ненавидеть, они – неверующие. Иное дело еретик, верящий в коммунизм подобно тому, как средневековые католики-еретики верили в Христа с неменьшей истовостью, нежели приверженцы церкви. Вера еретиков *тоже* пламенная вера»⁴⁹⁰. По-видимому, тема разочарованного коммуниста витала в творческом сознании современников. И можно сказать, что Вайль в своем романе «Москва-граница», изображая Фишера, эту идею реализовал.

О прошлом Фишера в романе говорится мало, но очевидно, что он гражданин Чехословакии, является представителем новой межвоенной интеллигенции, коммунистом, в Москве он занимается переводами в чешской секции переводческого бюро Коминтерна⁴⁹¹, живет в новом квартале на Усачёвке в коммунальной квартире вместе с советскими людьми⁴⁹². В отличие

⁴⁹⁰ Шинко Э. Роман вокруг романа: Московские заметки, 1935–1937. / перевод с венгер. Т. Воронкиной // Киноведческие записки, 2012. № 100/101. С. 349.

⁴⁹¹ Точное название места работы Фишера заменяется словом «учреждение», однако содержание романа и прямая соотнесенность главного героя с биографией писателя, дают понять, о какой организации идет речь.

⁴⁹² Многие бытовые подробности, связанные с жизнью Фишера, Вайль брал из собственного опыта жизни в Москве. О своем быте в Москве, о своей квартире на Усачёвке и соседях он писал в репортаже «Поговорим о звёздах. Репортаж о московском доме»: Weil J. Pohovoříme

от Ри, Фишер, таким образом, изначально встроен в советскую жизнь, является ее частью. Однако интенсивность московской жизни и ее чрезмерная регламентированность утомляет Фишера, работа не приносит ему удовлетворения, кроме того, в переводческом бюро, как и во всех советских институтах, царит бюрократическая атмосфера, проходят чистки, которые сеют страх и напряжение. Характерно, что на «чистке» против Фишера высказывается именно его земляк, руководитель чешской секции Врба, утверждающий, что Фишер недостаточно хорошо работает, что можно объяснить только тем, что он «приехал из-за границы недавно и еще не представляет себе, что это значит – работать в Советском Союзе, где каждый должен выкладываться до конца» (185). Когда у Фишера возникает конфликт с парторгом, американцем Финкельбрухом, он не чувствует в себе силы к противостоянию: «...я не стану воевать. Попрошу, чтобы меня уволили. Скажу, что я выдохся и хочу вернуться домой. [...] Я устал, у меня слишком много работы, чтобы еще и обращать внимание на каждый свой шаг, я не могу постоянно быть начеку, я этого не выдержу» (194).

Будучи внешне встроен в советскую жизнь и разделяя ее основной пафос, время от времени герой хочет убежать от нее, вспомнить другую, европейскую реальность, которая ассоциируется с личными, а не коллективными переживаниями, свободным временем, небольшими, но приятными человеческими радостями, романтическими мечтами. Именно чувство потерянности в советском мире и ностальгия по Европе в романе «Москва-граница» притягивают Яна Фишера и Ри друг к другу: «Ри расспрашивала про Прагу, выяснилось, что у них есть общие знакомые, Ян даже знал остравского поэта Форбеса. И Москва стала скрываться с глаз: еще долго блестел белый мрамор и краснела ковровая дорожка, но сама Москва терялась в мутном мороке измороси, а перед ними возникала Прага, не просто Прага, а Европа, опять ставшая близкой и дорогой. Слова были трезвые и

si o hvězdách. Reportáž o moskevském domu. (Haló noviny 9.2.1936) // Reportáže a stati 1933–1937. Sv. 3. Praha: Tíada, 2022. S. 143–149.

малозначащие, как и полагается между людьми, которых только что познакомили, зато их волнение и плохо скрываемая тоска проявлялась в жестах, в блеске глаз, в торопливом обмене вопросами и ответами. [...] Европа, вроде бы уже позабытая, опять появилась здесь в образе чего-то нежного, мягкого, бесконечно далекого и все же близкого. Все-все их сближало: и огни кафе, и леса под Прагой, и путевые будки на железнодорожных путях, и деревни с крышами из красной черепицы» (137). Однако роман, который завязывается между Фишером и Ри, прерывается, почти не начавшись, ему нет места в рамках строгой советской трудовой и политической жизни: «Стране нужна искренность и откровенность в человеческих контактах, главное – это работа, все остальное должно развиваться в точно очерченной колее: любовь-жена-брак-дети – для других чувств не должно быть места» (181).

Более или менее спокойная московская жизнь Фишера прерывается, как и жизнь самого Вайля в Москве, чередой испытаний, которые заставляют его еще острее почувствовать проблему соотношения индивидуальности и общества, человека и государства. Первым таким испытанием становится опасная миссия – тайная поездка в Германию для передачи пакета, который должен спасти Рудольфа Герцога, румынского коммуниста, члена Коминтерна и друга Фишера, оказавшегося в немецких застенках. Перед Фишером стоит непростой выбор, от него не скрывают риск операции, однако он соглашается и выполняет свою миссию во имя человеческого и партийного долга. Однако окончание миссии и благополучное возвращение в Москву не приносит Фишеру облегчения. На фоне его отсутствия в Москве, которое он, связанный обещанием секретности, не может объяснить в своем учреждении, обостряется конфликт с парторгом, его обвиняют в участии в политическом заговоре против Кирова, в результате «чистки» Фишера исключают из партии, увольняют из переводческого бюро. При этом Вайлю удастся показать механизмы психологического давления на человека – презрительный тон парторга, многозначительные намеки, угрозы, страх бывших коллег и

знакомых, которые боятся общаться с бывшим товарищем, а ныне «прокаженным». Характерен эпизод, когда Фишер приходит проститься с Ри и ее мужем Робертом – они встречают его напряженно, не выгоняя лишь из европейской вежливости. Показывает автор и внутреннее состояние самого героя, выпавшего из круга, из советского мира: «Он больше не служащий, не переводчик, у него нет паспорта, ни книжки с талонами, он никто, он обвиняемый, преступник. Он идет домой, вокруг него пустота, он не знает, что будет делать, у него нет денег, но пока он еще не думает, как будет добывать хлеб насущный. Какая разница, да и надо ли ему есть, если его вычеркнули из списка сотрудников, если он больше не член партии и общества. Он списан, его больше нет, он даже не жестяной жетон с номером, который вешают на гвоздь по приходе и уходе с работы» (265).

Продолжается судьба героя в романе «Деревянная ложка», где мы узнаем, что героя отправляют на исправительные работы на стройку медеплавильного комбината на озере Балхаш в Казахстане. Распределение на Балхашстрой Фишер парадоксально воспринимает как новое право на жизнь в советском обществе: «Тише воды, ниже травы, он пришел, чтобы его снова включили в ряды коллектива, чтобы ему снова было дано право на жизнь. Нет, сейчас он уже не последний в колонне на похоронах Рудольфа Герцога, сейчас он в ряду врагов, но у него есть свое место, он получит бумагу с резолюциями, ему будет распределена работа, он уже не мертвый среди живых»⁴⁹³. На стройке Фишер, признанный непригодным для тяжелых работ, выполняет функции массовика и редактора местной газеты. Так чешский интеллигент, коммунист Ян Фишер становится одним из участников строительства Балхашстроя, получает паек категории инженеров-вредителей (категория Б), ордер на койку в бараке инженерно-технических работников. Будучи сотрудником газеты, он общается с самыми разными людьми – уголовными преступниками, инженерами-антисоветчиками, кулаками, местными

⁴⁹³ Weil J. *Dřevěná lžice*. Praha: Mladá fronta, 1992. S. 83.

жителями-кочевниками. Именно среди этих людей Фишер должен распространять советскую риторику, в которой, в общем, старается убедить и себя.: «Разве можно зимой отступить от этого дела? Разве то ничего не означает – 64% всех залежей меди в Советском Союзе, 75% олова и 50% цинка? Сто тысяч людей устоят в пустыне, и в заливе Бертыс будет построен медеплавильный комбинат, железная дорога соединит шахты Караганды с Балхашом. Что такое пятьсот километров? Хотя это пустыня, засуха, снежные бури, твердокаменная земля, растрескивающаяся летом и глубоко промерзающая зимой, но ведь был построен Турксиб, Туркестанско-сибирская железная дорога. Кони падали и люди умирали, но люди выдержат больше, если они знают, над чем они работают. Рассказывайте им о ста тысячах тонн чистой меди первого медеплавильного комбината у залива Бертыс, об угле из Караганды. С четырех сторон света окружен Балхаш пустынями, из голодной степи Бетпак-Дала приходят степные волки, черны пески Таукуму, кости верблюдов лежат в песке Шари Ишик Отрау, до реки Иртыш простирается степь Актогай. А в заливе Бертыс находится Коунрад, место самого крупного месторождения меди на Балхаше»⁴⁹⁴.

Несмотря на понимание цели строительства, его необходимости и масштаба, Фишера мучает тот же внутренний конфликт, что и в Москве – он не может понять своей роли в советском обществе, значимости своей работы, которая не связана с настоящим коммунистическим строительным трудом: «Все безразлично и похоже на московское учреждение. [...] Но где-то внизу, так же, как и на московском заводе, живая настоящая работа. В работе люди создают свое будущее, становятся квалифицированными рабочими, избавляются от плохих привычек, воровского прошлого. Задача Фишера – писать об этом статьи канцелярским языком, сокращать и дополнять, добавлять звучные фразы, как необходимый аккомпанемент. [...] Живая, быстрая, страстная жизнь превращается в печатные чернила. Ничего, все в

⁴⁹⁴ Ibid. S.151.

порядке, словесный аккомпанемент не может быть другим. Но писать о геройстве других, собирать новости, сокращать и дополнять, создавать из человеческих судеб строчки, такова работа Фишера. Он ее выполняет потому, что что не умеет копать глину и мешать бетон, потому что он не на своем месте, как Тони Штрикер, у которого есть его токарный станок и мастерская»⁴⁹⁵.

Выжить, не отчаяться на Балхашстрое, как и в Москве, Фишеру помогает мысль о Европе и о скором возвращении на родину: «Как вышло, что он выдержал голод на Балхаше? Ведь умерло столько людей, но больше всего умирали люди с Востока. Казалось, они не хотели жить. Казалось, им все было безразлично, поскольку они не жили в кавказских саклах или узбекских ичкари. Но Фишер хотел жить. Здесь была надежда, крепкая надежда, хотя он и не хотел о ней думать, хотя он уже свыкся с Балхашом и стал дисциплинированным, ответственным сотрудником газеты. Где-то далеко, даже нельзя угадать, за сколько километров, была Европа. Он вернется, вернется, потому что был на Балхаше. Его простят, и он вернется. Тише воды, ниже травы»⁴⁹⁶. Думая о Европе, Фишер, прежде всего, думает о природе, не враждебной по отношению к человеку: «В Европе есть высокая трава, берега текущих рек, вода, пресная вода. Когда-нибудь будет вода и на Балхаше, но никогда на Балхаше не будет реки, тихой реки»⁴⁹⁷. В конце романа Фишера отпускают, он готовится к отъезду в родную Чехословакию – «меже» в Европе: «Пойте, трубачи, также и о родной земле, меже в Европе. Воды шумят в ее лучинах, боры шумят на ее взгорьях, далеко лежит родная земля, никогда не долетит туда зеленая ворона Киргизии, не поползет ящерка варан, не доскачет антилопа джейран. Это моя страна, в которую я возвращаюсь»⁴⁹⁸. Обращает на себя внимание не только смысл финальных предложений романа, но и стилистика этого отрывка, где звучит эпическая интонация, возникает целый ряд поэтических образов родной природы и явно «перепевается» гимн

⁴⁹⁵ Ibid. S. 167.

⁴⁹⁶ Ibidem.

⁴⁹⁷ Ibidem.

⁴⁹⁸ Ibid. S. 197.

Чехословакии: «Где мой дом, где мой дом, /где вода шумит в лугах, / где леса шумят в горах, / где сады цветут весной...»

Можно сказать, что герой-коммунист, герой-интеллектуал Ян Фишер по-своему переживает кризис европейской идентичности. Он осознает, что для советского общества он слишком индивидуалистичен, с большим трудом выдерживает темп и напряжение советской жизни, не способен к полной самоотдаче, рассчитывает на снисхождение и справедливость социалистического общества. Все эти свойства отличают его от других иностранцев – рабочих, инженеров, включенных в заводскую жизнь, активных политэмигрантов. В Москве Фишер сравнивает себя с коллегой по Коминтерну, румынским политэмигрантом Герцогом, который ничего не боится, не знает усталости, не склоняет голову ни перед тюремщиками в европейских застенках, ни перед советской бюрократией, имеет силу и смелость критиковать, бороться за высокую идею справедливости. Фишер явно восхищается устойчивостью и смелостью Герцога, однако ему сложно быть таким же, его одолевают внутренние противоречия, он не может втиснуть всего себя, свои желания и мечты в узкие рамки идеологии. Вместе с тем, Фишер, скорее движимый чувством долга и дружбы, нежели идейными соображениями, в критический момент не отказывается от опасной политической миссии – поездки в Европу ради спасения Герцога, оказавшегося в немецких застенках.

В романе «Деревянная ложка» Ян Фишер также критически сравнивает себя с австрийским рабочим Тони, который, несмотря на все трудности, не унывает, находит утешение в работе и не слишком много рефлексировать по поводу своей судьбы. В сравнении с ним, как и по сравнению с Герцогом, Фишер кажется себе недостойным, слабым, он с восхищением смотрит на товарища, почти завидует ему, однако сам не может и не хочет слиться с массой, жить лишь интересами и надеждами коллектива, не может вытеснить в себе все личное, индивидуальное. Говоря об авторской позиции, надо отметить, что именно это индивидуальное начало автор все-таки больше всего

ценит в Яне Фишере, и, по-видимому, благодаря ему Фишер, а не превратившаяся в работницу Ри, становится главным героем обоих романов.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что герои-иностранцы, оказавшиеся в Советском Союзе, становятся в романе Вайля не только свидетелями советской жизни, но и сами попадают в объектив внимательного авторского наблюдения. Среда иностранцев в СССР, художественно воспроизведенная Вайлем, в целом представляет собой сообщество европейцев, из которого в качестве главных героев – что вполне естественно – выделены персонажи, связанные с Чехией: Ри и Ян Фишер. Вместе с тем, чешская составляющая их менталитета весьма условна и связана с глубоко личным пластом их самосознания. Гораздо ярче в этих героях проявляется их общеевропейская ментальность, которая и подвергается проверке в суровой, идеологически определенной советской действительности. Героям Вайля, как и его реальным современникам, представителям чешской и европейской интеллигенции, свойственно ощущение кризиса буржуазного европейского общества 1920–1930-х гг. Это кризис экономический, кризис идей, герои осознают отсутствие в Европе глобальных философско-нравственных и социальных ценностей, понимают прогрессивный характер социализма, который, кроме того, противостоит разрастающемуся в Европе фашизму. Все это заставляет их симпатизировать советскому миру, признавать его объективную силу и сочувствовать огромному социалистическому строительству. С другой стороны, оба главных персонажа (Ри – смутно, а Ян Фишер – отчётливо), сознают опасность коммунистического тоталитарного строя для человеческой индивидуальности.

В целом можно констатировать, что, воссоздавая на страницах романа «Москва-граница» более частные и более обобщенные образы героев-иностранцев, Вайлю удастся создать интересный и разноплановый коллективный портрет западного человека 1920–1930-х гг. в стране социалистического эксперимента.

Глава 5. Стилизовое своеобразие романа о советской Москве

В романе Вайля «Москва-граница» отразились разнообразные художественные тенденции 1920–1930-х гг., связанные с модернистскими поисками новых литературных форм: в нем присутствуют (как уже было сказано в Главе 2) жанровая многослойность, соединение романного нарратива с документально-биографическими элементами, публицистической стилистикой, монтажная структура, которая служит основой сюжетно-композиционного единства, экспрессионистская стилистика, позволяющая раскрыть глубинный смысл советского мира.

Для современников наиболее очевидной в стиливой манере Вайля была его связь с публицистикой, поскольку до выхода романа «Москва-граница» автора знали именно как публициста, обозревателя советской культуры. Не случайно, характеризуя роман еще до его выхода, издатель К.Й. Бенеш писал: «О стиле Вайля мне нет нужды особенно упоминать, потому что он уже известен по его репортажам»⁴⁹⁹. Связь с публицистикой в романе Вайля действительно очевидна и ее можно объяснить общелитературной тенденцией к размыванию жанровых границ, включения нелитературных элементов в структуру художественных произведений. Так, Р.Р. Кузнецова, говоря о чешском романе межвоенного периода, отмечает, что «в 1930-е гг. в чешской литературе не было ни одного значительного социального романа, в котором бы не ощущалось влияние публицистики»⁵⁰⁰.

Влияние публицистики в романе Вайля видно в умении схватывать текущий момент современности и динамично, остроумно, занимательно о нем рассказать, точно описать значимые явления, места, детали. Отдельные отрывки его романа явно напоминают репортажи. Почти как репортаж выглядит описание строительства метро в Москве (220), описание курортной

⁴⁹⁹ Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 379.

⁵⁰⁰ Кузнецова Р.Р. Взаимодействие жанрово-стилистических структур, роман, репортаж, очерк // Кузнецова Р.Р. Чешский межвоенный роман: Эволюция жанра и стиля. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 147.

атмосферы в Сочи (229), где многомерная изобразительность советской публицистической риторики соединяется с эмоциональным эффектом личного присутствия. Иногда Вайль в буквальном смысле переносит в роман фрагменты своих репортажей. Почти совпадает, например, описание летней вечерней атмосферы дома Вайля на Усачевке в репортаже «Поговорим о звездах. Репортаж о московском доме» с описанием дома Фишера в романе. Приведем последовательно оба отрывка: «Там танцуют под звуки гармошки до поздней ночи, разлетаются частушки и краковяк чередуется с фокстротом. Никто ни на кого не кричит, чтобы были тише, ведь идет волна большой радости и смеха по всей стране, кому бы пришло в голову быть недовольным. Дом долго не засыпает, радуется и танцует под звуки гармошек и радио теплым московским вечером» (репортаж)⁵⁰¹. Тот же эпизод в романе: «Все окна дома распахнуты, и каждый день на асфальтированном дворе пляски под гармошку. [...] Наверху орут репродукторы, внизу раздается и глухо отражается от асфальта ритмичный танцевальный топот. Люди пришли с работы и танцуют» (223). На этом небольшом примере можно проследить механизм превращения публицистического текста в художественный: в романе мысль Вайля усложняется: обрастая дополнительными деталями в описание беззаботного вечера вплетаются звуки репродукторов, которые вещают о выполнении плана и делают советскую реальность менее беззаботно-идиллической: «В каждой квартире надрываются репродукторы, извергая цифры, рассказывая о выполнении плана в далеких краях...» (223). Отличаются в этих двух эпизодах и описания звезд, которые создают разный символический эффект. В репортаже автор подчеркивает коммунистическую идею прогресса, движения в будущее – рядом с реальными звездами мы видим салют в виде красных пятиконечных звезд: «И между звезд на летнем небе поднимаются ввысь красные пятиконечные звезды из ближайшего парка, где запускают фейерверк, высоко над головами летят красные звезды, гаснут и

⁵⁰¹ Weil J. Pohovoříme si o hvězdách. Reportáž o moskevském domu // Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. S. 149.

появляются новые»⁵⁰². В романе же фигурируют только реальные звезды, возвышающиеся над танцующими советскими людьми: «А еще выше – звезды. Чужие, равнодушные звезды, не красные и не пятиконечные» (224). Колорит обоих эпизодов, в конце концов, получается разный: в репортаже однозначно оптимистический, в романе – более напряженный, философски глубокий.

Однако очевидная для современников связь романов Вайля с его публицистикой – лишь одна сторона его поэтики. Характерной чертой романа, как и всей литературы первой трети XX века, является высокая степень стилистической выразительности, связанная с попыткой искусства освоить новую историческую реальность, полную противоречий и катастроф (военная и послевоенная Европа, революционная и послереволюционная советская Россия). Как писала Г.А. Белая по отношению к русской литературе 1920-х гг., «со сменой социально-психологических критериев изменилось представление о природе выразительности»⁵⁰³. В своей монографии «Утраченные альтернативы: формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы» М.М. Голубков рассматривает в качестве адекватного отражения реальности послереволюционного десятилетия альтернативно-эстетические системы, среди которых модернистская эстетика занимает большое место⁵⁰⁴.

Что касается способов реализации разнообразных стилистических тенденций западной и советской прозы первых десятилетий XX века, они, прежде всего, связаны с такими выразительными средствами, как монтаж, остранение, яркая метафоричность, гротеск, использование приемов символизации, антитеза, разного рода контрасты. Эти приемы использовались

⁵⁰² Ibidem.

⁵⁰³ Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. Москва: Наука, 1977. С. 6.

⁵⁰⁴ Голубков М.М. Утраченные альтернативы: формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наследие, 1992.

в модернизме, авангарде и особенно – в экспрессионизме, который не старался организовать плохо скроенную новую реальность, а обнажал ее разнородность, хаотичность и пугающую отчужденность от нее человека. Как пишет философ Ю.Б. Боров, «Экспрессионизм — отклик на острейшие противоречия эпохи, плод общественного разочарования, протест против тотального отчуждения»⁵⁰⁵. Применительно к литературе о том же самом пишет В.М. Толмачев: «...экспрессионизм в течение всего лишь десятилетия сделался общезападным обозначением “потерянности”, времени “сумерек человечества” и “грохота катастроф”»⁵⁰⁶.

Поэтика экспрессионизма и кризисное мироощущение характерны и для романа Вайля. При этом генезис его экспрессионистической манеры видится нам неоднородным. Безусловно, на писателя влияла традиция немецко-австрийского экспрессионизма, так как немецкая культура в первой трети XX в. присутствовала в жизни чешской интеллигенции, и, кроме того, как упоминает Н.В. Пестова⁵⁰⁷, в Праге существовала отдельная группа немецкого экспрессионизма. Сказалось, по-видимому, на Вайле и влияние чешской ветви экспрессионизма, который хоть и не был ярким самобытным явлением, тесно переплетаясь с другими модернистскими и авангардными течениями, тем не менее, существовал. В частности, в Чехословакии возникла экспрессионистская группировка «Литерарни скупина», куда входили многие известные писатели, критики и литературоведы: Ф. Гётц, Л. Блатны, Ч. Ержабек, Й. Халоупка, Д. Халупа, Б. Влчек, З. Калиста, Б. Стейскал, С. Кадлец, А.М. Пиша, И. Волькер, К. Библ, А. Райс. Об экспрессионизме писали А. Матейчек, К. Тейге, Я. Мукаржовский. Элементы экспрессионизма отмечают в произведениях К.М. Чапека-Хода, Я. Вайсса, Б. Бенешовой,

⁵⁰⁵ Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. С. 201.

⁵⁰⁶ Толмачев В.М. Экспрессионизм: конец фаустовского человека // Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / [Пер. с фр.: Н. В. Кисловой и др.; науч. ред., авт. послесл. В.М. Толмачев]. Москва: Республика, 2003. С. 396–397.

⁵⁰⁷ Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм: учеб. пособие по зарубеж. лит.: первая четверть XX в. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. УрГПУ, 2004.

И. Магена, Ф. Шрамека, Я. Демла, Л. Климь⁵⁰⁸. То есть экспрессионизм не был чужд чешской литературе межвоенного периода, хотя, как пишет Р. Филипчикова, ссылаясь на Ф. Гётца, он отличался от австро-немецкого экспрессионизма «мягкостью», в нем не было «столь резко выраженного мировоззренческого максимализма и такой степени погружения в атмосферу отчаяния, страха, столь экзальтированно-пафосной устремленности в будущее»⁵⁰⁹.

Однако, наибольшее родство прозы Вайля нам видится с русской модернистской, орнаментальной и экспрессионистской прозой 1920-х гг.⁵¹⁰, которая представлена такими именами, как А. Ремизов, А. Белый, Е. Замятин, Б. Пильняк, Вс. Иванов, А. Малышкин, В. Шкловский, Ю. Тынянов, К. Федин, В. Каверин, О. Мандельштам, А. Платонов, Ю. Олеша, Л. Леонов, С. Кржижановский. Это типологическое сходство возникает не случайно, ведь Вайль, как уже было сказано в первой части работы, много читал и переводил современную ему русскую-советскую литературу, был лично знаком со многими советскими писателями. Эстетические искания советской литературы 1920-х гг., его столь волновавшие, не могли не повлиять на его художественный стиль.

Основной прием, использованный Вайлем для описания советской реальности – это описанный Шкловским **прием остранения**. По Шкловскому, остранение означает особое восприятие и помогает достичь главной цели

⁵⁰⁸ См.: История литератур западных и южных славян. Том III: Литература конца XIX-первой половины XX века (1890-е годы-1945 год) / Гл. ред. Л.Н. Будагова. М.: Издательство «Индрик», 2001. С. 113.

⁵⁰⁹ Филипчикова Р. Чешский экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма / Гл. ред. П. М. Топер. М.: ИМЛИРАН, 2008. С. 638.

⁵¹⁰ См.: Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост., вступ.ст. В.Н. Терехиной. Комментар. В.Н. Терехиной и А.Т. Никитаева. М.: ИМЛИ, 2005; Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН 2009; Эльяшевич А.П. Лиризм. Экспрессия. Гротеск: о стилевых течениях в литературе соц. Реализма. Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1975; Лейдерман М.Л. Экспрессионизм: теория и история // Русская литература XX века, 1917 - 1920-е годы. Кн. 2. В 2 кн. Кн. 2. / Под ред. Н.Л. Лейдермана. Москва: Издательский центр «Академия», 2012. С.113–122. Никольская Т.Л. О русском экспрессионизме // Тыняновский сборник. IV Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 173–180.

искусства – «дать ощущение вещи как видения, а не как узнавания»⁵¹¹. Для Вайля это особое восприятие предмета оказалось связано с инаковостью его главных героев-иностранцев по отношению к советскому миру, который представляется им странным, «другим» уже в силу того, что отличен от привычного для них мира европейского. Поэтому с первых страниц романа мы видим запущенную автором оппозицию «свой-чужой», которая подразумевает как ментальное (оппозиция «Европа-Азия»), так и идеологическое (оппозиция «буржуазное-коммунистическое») противоречие и которая проходит лейтмотивом через весь роман. Эта особая оппозиция порождает подробное и нестандартное описание советского быта, его оценочное сравнительное восприятие героями. Можно сказать, что подобный тип остранения всегда присутствует и в травелогах, путевых заметках. При этом оценочная дихотомия «свой-чужой» позволяет героям не только судить о «другой» реальности, но и вступить в диалог со «своим» миром, неожиданно для себя оценить его критически. Так, например, стереотипные представления русской студентки Поли об иностранцах заставляют Ри посмотреть на европейские ценности извне, впервые в жизни усомниться в них. Ян Фишер, с трудом выдерживающий правила и ритм советской жизни, критически воспринимает и свой собственный потенциал.

Однако остранение в романе Вайля не ограничивается областью, связанной с раскрытием национального или психологического менталитета, столкновением культур. Остранение здесь несет более глубокий философский и эстетический смысл, простирается в сферу экзистенциальную: советский мир воспринимается героями не только как территория другой культуры, но и как территория метафизически, экзистенциально иная – противопоставленная человеку вообще. И в этой «иной», «другой» реальности нет места для отдельной личности с ее чувствами, желаниями и слабостями, человек оказывается в ней экзистенциально одинок, а мир коммунистического

⁵¹¹ Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. Москва: Советский писатель, 1983. С. 15.

социума равнодушен, враждебен и страшен своим тотальным давлением и отсутствием сочувствия ко всему личному. Именно это восприятие советского социалистического государства как реальности остранимой, «другой»⁵¹² по отношению к личности, характерно для русских писателей-экспрессионистов, особенно – для прозы А. Платонова, Ю. Олеши и Б. Пильняка. Отличается же от них роман Вайля прежде всего тем, что в нем герои открыто сомневаются в правильности и справедливости советского мира, тогда как персонажи русских авторов открыто не высказывают своих сомнений. При этом их судьбы свидетельствуют о той же несовместимости человека с идеологией, порождают «оптимистически-трагедийный способ бытия»⁵¹³.

Одним из наиболее выразительных и универсальных образов в европейском и русском искусстве и философии 1920-х гг. стал **образ толпы, человеческой массы**. О приходе «нового средневековья» с его «коллективистическим» сознанием писал Н.А. Бердяев в своем трактате «Новое средневековье» (1923), а во второй половине 1920-х гг. – испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своем трактате «Восстание масс» (1926-1930), где феномен современной цивилизации рассматривался как торжество массы, толпы, среднего человека: «Толпа на сцене, она вышла к рампе, это сегодня – главный персонаж. “Солистов больше нет – один хор”»⁵¹⁴. Если же говорить о литературе, то образ массы особенно был характерен для эстетики экспрессионизма. Важную роль он играет и в романе «Москва-граница», повторяясь рефреном в разных эпизодах. Чаще всего образ толпы вводится Вайлем посредством метафоры, в которой толпа отождествляется с рекой, потоком: «...поток бурлил, как в наводок, на нем колыхались портреты, модели, знамена, они *плыли* на волнах, терялись в ледяном крошеве и снова

⁵¹² Не случайно Н.В. Пестова в своей работе «Немецкий литературный экспрессионизм» посвятила отдельную главу размышлениям над категорией «свое-чужое» как философско-эстетическим базисом экспрессионизма.

⁵¹³ Грин Ю.Н. Авангард как стиль культуры // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. Москва: ИМЛИ РАН, 2002. С. 93.

⁵¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Пер. с исп. А. Гелескула. Москва: Издательство АСТ, 2016. С. 6.

появлялись, *погружались, всплывали*, прокладывали себе путь, движимые невидимыми силами, неуклонно *плыли* вперед» (98); «Казалось, город *извергает* все новые и новые человеческие массы, что демонстрации не будет конца» (200); «мимо него (собора Василия Блаженного – *А.Г.*) равнодушно *текла* толпа и ездили автомобили» (53). Кроме того, образ массы у Вайля, как это часто бывает в произведениях экспрессионистов, связан в романе с черным цветом: встречаются, к примеру, такие определения, как «*черный* фон человеческих фигур», «*черная* человеческая река» и др.

Интересно, что философский смысл образа толпы у Вайля неоднозначен: с одной стороны, масса страшна и выглядит пугающе своей обезличивающей силой, с другой – она притягивает, увлекает, символизирует мощь и движение страны в будущее: неслучайно героиня романа испытывает страх, когда видит демонстрацию 7 ноября, но при этом ощущает ее мистическую притягательность и решает, в конце концов, слиться с этой массой.

Но если образ толпы в романе все-таки несет в себе семантику обезличивания, нивелирования индивидуальности, то на противоположном полюсе писатель располагает **мир конкретных вещей** – образы-детали, связанные с человеческой жизнью. Так, в вышеупомянутом эпизоде, когда Ри смотрит на демонстрацию с высоты четвертого этажа гостиницы «Метрополь», писатель дает перечень предметов за ее спиной: «...чашка, чайник, печенье и книга. А дальше, в глубине комнаты, мир иных вещей, разнообразный и манящий: диван, ковер, подушки...» (99). Мы понимаем, оценивая эту диспозию, что героиня находится в состоянии выбора между своим европейским прошлым и будущим в коммунистической Москве.

Интересно, что именно Ри, приехавшая в Москву из Европы, больше всего связана с миром вещей. Неслучайно Вайль дает перечень того, что она покупает накануне отъезда из Праги, а потом перечень того, что наполняет ее квартиру в Москве. В кругу своих вещей Ри в самом начале романа ищет спасения от пугающего ее советского мира: «предметы блестят, горят

красками, они принадлежат ей и никому больше, а за окном – серая муть и толкотня» (55). Характерно также, что универсальным символом европейского и человеческого начала, символом уюта и благополучия становится для всех героев-иностранцев Вайля редкий в Москве напиток кофе: «Ян пил медленно, как бы сожалея, что и этот кофе будет выпит, и останется после него только приятное воспоминание, а все остальное растворится в серой мути московского весеннего дня» (156). Отметим, что на вещь как символ личного пространства человека в романе «Москва-граница» обращала внимание и чешская исследовательница Д. Полакова⁵¹⁵.

Обрисованное противопоставление массы, связанной с парадигмой государства, идеологии, коллектива, а с другой стороны, – конкретных вещей, за которыми стоит частная жизнь людей, представляет собой один из основных стиливых приемов романа «Москва-граница». Это **прием контраста**, присущий экспрессионистской эстетике. Этот прием работает у Вайля практически на всех уровнях организации текста: смысловом, композиционном, образном, стилистическом. Так, на фоне бурлящего строительства, работающих заводов, переполненного транспорта, герои романа, Ри и Ян Фишер, чувствуют свое одиночество: «...познакомились они недавно, но ей казалось, что чем-то они прочно связаны – возможно, одной и той же средой, одинаковыми привычками или одинаковым одиночеством» (177). Разрыв между человеком и государством ощущается Яном Фишером, и, по-видимому, самим автором, как глубокая метафизическая тоска (невольно вспоминаются при этом «усомнившиеся» и «сокровенные» герои А. Платонова). А вот пример того, как эта же диспозиция государства и человека, большого и малого, старого и нового реализуется на уровне синтаксиса: «...мелкий служащий большой страны, самый мелкий и ненужный винтик во всем механизме...» (218); «Деревянные домишки составляли свой мир, *шестиэтажные дома* – тоже свой...» (178); «... *кровь*

⁵¹⁵ Poláková D. Jiří Weil: tváři v tvář zlu [Bakalářská práce]. České Budějovice, 2013.

лилась ручьем, переливалась, засыхала, в то время как люди *танцевали под музыку джазового оркестра*» (204). Часто присутствует в поэтике романа и цветовой контраст, приведем один из примеров – пара молодоженов несет по улице купленную кушетку: «Она была обита *красным* ситцем с крупными *желтыми* цветами и выглядела странно среди *черных* пятен людей на грязном снегу...» (82).

Точно так же, как в большинстве модернистских и, прежде всего, экспрессионистски окрашенных романов 1920-х гг., Вайль использует выразительные **метафоры, гиперболические сравнения**, иногда перерастающие в **фантаσμαгорические образы**: магазин для иностранцев «Инснаб» – «чертова мельница, из которой выходят вместо людей чудовища, призраки, страшилища» (75); собор Василия Блаженного – «драконий замок из страшной сказки, ночной кошмар, полыхающий всеми красками» (53); московские дома, впервые увиденные героиней – «замки великанов и разбойников» (38).

Подчеркивают атмосферу экзистенциальной непроясненности московского пространства такие **природные образы**, как «снег», «снежная буря», «серое небо», «серая муть», «моросящий дождь», «слякоть». Часто автор выходит на обобщения, где речь идет не только о городе, но обо всей стране, которая «все время шагает вперед, неодолимая, непобедимая, в *снежной буре, под мутным небом...*» (218). Интересно заметить, что «серая муть», «метель», «дождь» являются постоянными образами прозы Б. Пильняка⁵¹⁶. По словам Ю. Тынянова, именно из текста Пильняка эти образы стали массово перенимать и другие советские литераторы в 1920-е гг.⁵¹⁷

⁵¹⁶ См. об этом, например: *Анпилова Л.Н.* Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк. Екатеринбург: Словесник: Уральский гос. пед. ун-т, 2008. 162 с.

⁵¹⁷ См.: *Тынянов Ю.* Литературное сегодня // История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 452.

Присутствует в романе Вайля «Москва-граница» и характерное для советских писателей 1920-х гг. обращение к **специфическим формам повествования** – по словам Г.А. Белой, советскую литературу этого периода захватил «всплеск активности стилевых форм, ориентирующихся на “чужую речь”»⁵¹⁸.

Слово рассказчика и слово героя в романе часто едва различимы, так как, изображая мысли и чувства героя, автор использует несобственно-авторское повествование⁵¹⁹: «Возможно, все дело в том, что Ри не работает, как остальные, она же видела, как все трудятся целый день, потом разбегаются по своим кружкам и лекциям, она видела вокруг себя страшную спешку, бег наперегонки, все было в движении, только Ри была одинока в своей большой квартире с громоздкой мебелью и европейскими книгами» (78). При этом авторское сознание может сливаться не только с сознанием главных героев, но и сближаться и с сознанием второстепенных персонажей, позволяя таким образом понять их позицию, их образ мыслей. Интересно и то, что авторское слово зачастую соединяется в несобственно-авторском потоке повествования не со словом определенного героя, а с безличным идеологическим голосом эпохи, лозунгами, абстрактным коллективным сознанием: «Враг был где-то в стране, он прятался, скрывался под всевозможными масками, враг мог быть повсюду, даже в самых высших учреждениях республики, врага нужно сокрушить» (252). В следующем фрагменте представлен еще один вариант несобственно-авторской речи, который часто встречается в романе Вайля – мысли героя стилизуются под риторику идеологии, сливаются с ней: «Но Ри никогда не подвергнется чистке, разве что когда-нибудь в далеком будущем, если станет членом партии за заслуги перед заводом. Ее не станут подвергать чистке. Она сдалась, ей позволено жить. Лишь теперь начинается настоящий

⁵¹⁸ Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. Москва: Наука, 1977. С. 10.

⁵¹⁹ См. об этом: Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. / Н.А. Кожевникова; Институт русского языка РАН. Москва: Институт русского языка РАН, 1994.

бой, борьба за доверие, медленная, упорная, настойчивая работа. Только в бою, только каждодневной борьбой можно в себе выжечь все чуждое, только в бою можно слиться с чуждым миром, приобрести заслуги, трудом добыть право вступить в партию. И лишь тогда ее будет ожидать чистка» (150).

Сближает Вайля с советской прозой 1920-х гг. и активное использование советского новояза, понятий и терминов бытового или идейно-политического характера, которые были распространены в обществе послереволюционной эпохи и не понятны для иностранцев. Однако Вайль, в отличие от советских авторов не только использует эти слова, но и расшифровывает их или устами своих героев, или от лица автора для своих читателей. Читая роман, можно было бы составить целый словарь таких терминов. Приведем хотя бы небольшой ряд примеров:

- **«блат»** – «слово, взятое из уголовного жаргона, оно имеет много значений, и все они отвратительны – в данном случае оно означает “подкуп”» (79);
- **«заполнение анкет»** – «русское народное развлечение» (80);
- **«Инснаб»** – «магазин для иностранцев» (71);
- **«Метрополь»** – «резервация, которую советская власть выделила иностранным фирмачам, инженерам и туристам, чтобы они жили в ней, как им нравится» (86);
- **«процедура награждения» ударников** – «большое шоу» (80);
- **«снабженцы»** – «служащие, в обязанности которых входило доставать сырье, материалы для завода» (58);
- **«сознательность»** – «это означало, что в домах должна поддерживаться чистота» (160);
- **«современные танцы»** – «фокстрот» (110);
- **«чистка»** - «некая тайная инквизиция, которой подчиняются только члены партии» (142).

Повлияла на Вайля-писателя и его увлеченность искусством кино⁵²⁰. Интересно, что даже в своих метафорах Вайль обращается к киноискусству: «жизнь была похожа на *ускоренный фильм*, люди спешили на работу и с работы...» (250). Посещают кинематограф и герои романа: Ри с Робертом смотрят советскую идеологическую картину, которой остаются крайне недовольны, а Ян Фишер после исключения из партии идет на фильм Дзиги Вертова «Три песни о Ленине». Поэтому вполне естественной выглядит в романе Вайля популярная среди писателей 1920-х гг. **кинопоэтика** с ее приемами монтажа (см. Глава 2 Часть II), наплывов, замедленной съемки, с присутствием световых эффектов, перемещающейся точки зрения.

Например, эффект замедленной съемки, достигающийся с помощью многократного употребления одной и той же фразы, с которой анафорически начинаются 6 абзацев, мы видим в эпизоде, где Фишер наблюдает похороны Герцога: «*Тело Рудольфа Герцога плыло по сумрачной Москве...*»; «*Тело Рудольфа Герцога плыло по азиатской Москве ...*»; «*Тело Рудольфа Герцога плыло мимо планов, выполненных и выполнимых...*»; «*Тело Рудольфа Герцога плыло к Новодевичьему монастырю...*»; «*Тело Рудольфа Герцога возносилось над процессией*»; «*Тело Рудольфа Герцога плыло над Москвой...*» (292).

Монтажное использование разных планов изображения – дальнего и крупного – отчетливо заметно в эпизоде, где речь идет о демонстрации 7 ноября, которую с высоты наблюдает Ри. Сначала возникает общий кадр сверху, в котором люди и плакаты сливаются в нерасчлененную массу, «калейдоскоп красок», из этого потока выделяются только контрастные портреты вождей, сделанные «тушью на белом полотне», среди которых возвышается портрет Сталина, прикрепленный к воздушным шарам. Далее следует приближение кадра: «Постепенно Ри начала различать в хлынувшем потоке отдельные лица...» (98).

⁵²⁰ Обзорно-критические статьи Вайля о советском кинематографе составляют отдельный сегмент его публицистического наследия.

В том же эпизоде отчетливо видна динамика света, который колеблется, мерцает, гаснет и вновь возникает: «Смеркается, но рабочие колонны все идут, накатываются все новые толпы. В сумерках *погасли яркие цвета*, внизу только черный поток, он втягивается в просвет между византийскими башнями, неуклонно шагая в будущее. Теперь внизу сплошная черная тьма; *горят электрические фонари*, но они не в силах пробиться сквозь мутный туман. *Все сливается и гаснет*, но тут внизу *зажгли факелы*. И теперь из черной тьмы *поднимаются огоньки*, они текут, плывут вперед, появляются снова и снова, свет колеблется, но не гаснет» (99).

Подводя итог, можно охарактеризовать стиль романа «Москва-граница» как эффектную и очень актуальную для времени его создания эклектику, полностью адекватную смыслу произведения. Повествуя о советской реальности, Вайль во многом использует наработки, новшества, приемы советской прозы 1920-х гг., о которых много писал в своих критических статьях и рецензиях и которые очень ценил. Р. Гребеничкова, говоря о достоинствах художественного творчества Вайля, заметила, что оно «осталось на периферии чешской прозы», поскольку «сильно отличается от ее "главных" течений»⁵²¹. По её словам, в Чехии для Вайля сложно найти подходящий литературный контекст, его произведения связаны с контекстом более широким – русско-европейским. С нашей точки зрения, роман «Москва-граница» уникален также тем, что Вайль написал о советской жизни 1930-х гг. художественный текст, используя элементы поэтики и стилистики советской прозы 1920-х гг., которая в 1930-е гг. в самой советской литературе была уже неприемлема. Все новаторские достижения советской прозы послереволюционного десятилетия были признаны «формализмом», не соответствующими требованиям соцреализма. Вайль же, уехав в 1935 г. из советской России в Чехословакию, получил возможность писать о своем «советском» опыте так, как ему хотелось.

⁵²¹ Grebeníčková R. Jiří Weil a normy české prózy po patnácti letech // Grebeníčková R.O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 364.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанный анализ публицистического и художественного творчества Вайля доказывает, что этот обширный и практически неизвестный российскому читателю и литературоведению материал содержит множество интересных наблюдений и фактов, оригинальных оценок и выводов, позволяющих лучше понять советскую эпоху 1920–1930-х гг., оценка и концептуализация которой до сих пор вызывает полемику в современной гуманитаристике.

Будучи одним из немногих трансляторов советской культуры в межвоенной Чехословакии, Вайль на протяжении почти двух десятилетий публиковал в чешских левых изданиях свои репортажи, критические заметки, рецензии и очерки, посвященные советскому литературному процессу, художественному новаторству советской прозы, сравнению советской литературы с литературой европейской, борьбе за советскую литературу с правой чешской печатью. В середине 1930-х гг. в публицистике Вайля появляется еще одна тема, связанная с культурным и промышленным преобразованием советской Средней Азии – Киргизии и Казахстана.

Тематическая, идейная и жанровая специфика публицистических текстов Вайля связана с его идейной позицией – коммуниста, которому интересны и небезразличны общественные механизмы культуры в первой социалистической стране; европейца-интеллектуала (филолога и переводчика), увлеченного советской литературой 1920-х – начала 1930-х гг.; гражданина Чехословакии, которому важно любое соприкосновение его страны и сограждан с советским миром.

Публицистика Вайля свидетельствует о творческом отношении автора к своему материалу: в ней можно обнаружить все стилистические приемы, которые перейдут потом в его художественную прозу (любовь к контрастам и парадоксам, символические аналогии, ироническая интонация, такие риторические фигуры, как повторы, градация, риторические вопросы).

Своеобразным результатом и художественным синтезом, позволившим типизировать, символизировать, соединить в единую картину все то, что было пережито, узнано и продумано Вайлем-человеком и Вайлем-публицистом в советской России, стал роман «Москва-граница». Это уникальный литературный текст, который дает многоплановое, не искаженное идеологическими и конъюнктурными соображениями представление о советской реальности. Видя в ней «другой» для себя мир, писатель во всех подробностях воссоздал советский социально-бытовой, ментально-психологический, идеологический уклад и целый ряд типажей советского человека. Интересно, что в этот мир советской Москвы, советского строительства и советских людей органично вписан в романе и мир иностранцев в СССР.

Важная особенность романа Вайля – его ярко выраженная модернистская и, главным образом, экспрессионистская поэтика, которая связана с традицией немецкого, чешского, но в большей степени – русского экспрессионизма. Так, например, однозначно угадывается связь Вайля с Б. Пильняком, есть явная связь с творческими установками формалистов и лефовцев. В своем романе Вайль, хорошо знавший и много переводивший русскую и советскую литературу (в том числе Ю. Тынянова, В. Шкловского), транспонирует поэтику русского экспрессионизма в литературу чешскую. Феномен романа «Москва-граница», написанного в 1937 г., заключается в том, что он вобрал в себя и привнес в чешскую литературу модернистскую стилистику советской прозы 1920-х гг., которая в официальной литературе советской России 1930-х гг. была уже невозможна.

В целом осмысление советской реальности в романе «Москва-граница» приводит Вайля к одной из центральных проблем XX в. – философской проблеме человека, противопоставленного безличной государственной системе, и сближает роман с творчеством таких писателей, как Ф. Кафка, А. Камю, Е. Замятин, Ю. Олеша, А. Платонов, Б. Пильняк, М. Булгаков. При всем том роман Вайля «Москва-граница» не пытается навязать читателю

какую-то определенную авторскую позицию, это произведение можно охарактеризовать как роман монтажной формы, который на примерах судеб его главных персонажей, предлагает разные варианты взаимодействия с советской реальностью, выстраивает своеобразный диалог с читателем, оставляя за ним право окончательной оценки и окончательной трактовки советского мира и поведения героев. Эта внутренняя многозначность достигается во многом благодаря удачно выбранной художественной структуре и различным художественным средствам, среди которых – монтаж, гротеск, остранение, приемы кинопоэтики и типизации.

В основе авторского подхода к репрезентации СССР лежит концепция пограничья, неслучайно название романа содержит в себе слово «граница». Советский мир воспринят Вайлем, левым интеллектуалом, как граница человеческого и не человеческого, положительного и отрицательного, как граница, которая проходит между «своим», близким и знакомым европейским миром, и страшной, незнакомой, «другой», почти азиатской советской цивилизацией. Архетип границы и пограничного бытия, который однозначно присутствует в романе, с нашей точки зрения, также выводит к особенностям нравственно-философского мышления Вайля, лишенного ортодоксальности, экзистенциально чувствительного, рефлексизирующего, но, вместе с тем, подразумевающего наличие вполне определенных ценностных идеалов и политических убеждений.

Все вышеназванные черты романа «Москва-граница» делают его совершенно особым произведением чешской литературы XX в. как с точки зрения проблемно-тематической (глубокое и многостороннее изображение советской реальности 1930-х гг.), так и с точки зрения художественной (эстетическая многослойность, в которой присутствует влияние советской экспрессионистской прозы 1920-х гг.).

Уникальной нам представляется и сама фигура публициста и писателя Иржи Вайля, литературное наследие которого позволяет переосмыслить издержки и достижения советского мира и советской литературы 1920–1930-х

гг., в очередной раз прояснить их значение в геополитических и культурно-исторических процессах XX века. Коммунист и жертва коммунистического режима, русофил и европеец-интеллектуал, запальчивый журналист и тонкий, яркий стилист, Вайль оказался недооценен и в Чехии, и в России. Возвращение его наследия, обращение к нему, представляет несомненный исследовательский интерес в связи с объемом им написанного, жанровым и тематическим разнообразием опубликованных им текстов, широтой охвата советской реальности.

Ружена Гребеничкова в статье «Иржи Вайль и нормы чешской прозы спустя пятнадцать лет» пересказывает ответ Вайля на один из вопросов анкеты о прозе, организованной издательством «Новая жизнь» (Nový život): «Он заявил, что писатель не должен удовлетворяться поверхностью явлений и должен видеть больше, чем то, чем реальность кажется», должен уметь видеть вещи «такими, какие они есть на самом деле», и не только в моменты кризиса, когда маска сама спадает и иллюзии разрушаются, а в каждодневном течении жизни, «где правда и иллюзии слиты воедино и где на первый взгляд кажется невозможным их разделить»⁵²². Публицистика и романистика Вайля являются собой именно такую попытку показать единство иллюзии и правды, которые в отношении советского мира так и остались для Вайля неразрывны.

⁵²² Ibid. S. 356.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тексты

1. Sborník sovětské revoluční poesie. Praha: Nakladatel Karel Borecký, 1932. 153 s.
2. Vondračková S. Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi). Praha: Torst, 2014. 121 s.
3. Weil J. Češi stavějí v zemi pětileték. Praha: Družstevní práce, 1937. 106 s.
4. Weil J. Dřevěná lžíce. Praha: Mladá fronta, 1992. 214 s.
5. Weil J. Gogol a anglický román 18. století. Praha: Triáda, 2023. 176 s.
6. Weil J. Moskva – hranice. Praha: Mladá fronta, 1991. 285 s.
7. Weil J. Moskva – hranice. Praha: Triáda, 2021. 488 s.
8. Weil J. Reportáže a stati 1920–1933. Praha: Triáda, 2021. 1008 s.
9. Weil J. Reportáže a stati 1933–1937. Praha: Triáda, 2022. 968 s.
10. Weil J. Vzpomínky na Julia Fučíka. Praha: Družstvo Dílo, 1947. 45 s.
11. Вайль И. Москва-граница / Перевод с чешского Ю.В. Преснякова. М.: Издательство «МИК», 2002. 296 с.

Общетеоретические труды

12. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Соч.: в 7 т. М.: Русское слово, 2003. Т. 1. С. 69–264.
13. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
14. Бахтин, М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 194–232.
15. Боров Ю.Б. Эстетика. В 2-х т. – 5-е изд. Смоленск: Русич, 1997.
16. Будагова Л.Н. Импульсы времени: чешский литературный авангард в европейском контексте. Институт славяноведения РАН. М.: Индрик, 2020. 234 с.

17. Вейдле В.В. Умирание искусства // Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 7–108.
18. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. М.: Сов. Писатель, 1979. 223 с.
19. Гинзбург, Л.Я. Литература в поисках реальности Текст. Л.: Советский писатель, 1987. 400 с.
20. Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах // Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.: Прогресс, 1977. С. 148–153.
21. Драч И.Г. Поэтика романа-монтажа: на материале американской, немецкой и русской литератур. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2013. 147 с.
22. Закс Л.А. Антропологические основания художественного стиля Текст // Текст. Поэтика. Стилль: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2004. С. 9–28.
23. Закс Л.А. Художественное сознание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 210 с.
24. Заламбани М. Литература факта. От авангарда к социализму/ пер. с итал. Н.В. Колесовой. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006. – 221 с.
25. Зверев А.М. Монтаж // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 507–523.
26. Канаев И.А. Отношение к другому в структуре самосознания. Автореферат дис. ... кандидата философских наук. Москва, 2012. 21 с.
27. Касавин И.Т. К эпистемологии искусства. Остранение как метод. Вопросы философии. 10 (Окт. 2025). С. 28–39.
28. Лейдерман М.Л. Экспрессионизм: теория и история // Русская литература XX века, 1917 - 1920-е годы. Кн. 2. В 2 кн. Кн. 2. / Под ред. Н.Л. Лейдермана. М.: Издательский центр «Академия», 2012. С. 113–122.

29. Литература и документ: сборник научных трудов / Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т филологии; отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2011. 176 с.
30. Лосев А.Ф. Проблемы художественного стиля. Киев: Акад. Евробизнеса, 1994. 288 с.
31. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Таллинн: Александра, 1992-1993.
32. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 14–288.
33. Мальцев Л.А. Проблемы имагологии: литературный диалог между Россией и Западом: учебное пособие. Российский государственный университет им. Иммануила Канта. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та, 2023. 74 с.
34. Мандельштам О.Э. Конец романа // Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Комментар. П. Нерлера. М.: Худож. лит. 1990. С. 201–205.
35. Никольская Т.Л. О русском экспрессионизме // Тыняновский сборник. IV Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 173–180.
36. Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм: учеб. пособие по зарубеж. лит.: первая четверть XX в. М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. УрГПУ. Екатеринбург, 2004. 334 с.
37. Петровская Е.В. Теория образа. Российский гос. гуманитарный ун-т, Ин-т философии РАН]. М.: РГГУ, 2012. 280 с.
38. Поляков О.Ю. Литературоведческая имагология: учебное пособие / О.Ю. Поляков, О.А. Полякова. Киров: Радуга-Пресс, 2023. 393 с.
39. Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. М.: Академический проект; Альма Матер, 2016. 496 с.
40. Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с франц. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 419 с.

41. Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма. М.: Республика, 2003. С. 389–401.
42. Силантьев И.В. Сюжет и смысл. М.: ИД «Языки славянской культуры», 2018. 144 с.
43. Соцреалистический канон / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академ. проект, 2000. 1036 с.
44. Толмачев В.М. Экспрессионизм: конец фаустовского человека // Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / [Пер. с фр.: Н. В. Кисловой и др. и др.; науч. ред., авт. послесл. В.М. Толмачев]. М.: Республика, 2003. С. 389–401.
45. Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та. 2015. №3. С. 120–129.
46. Тюпа В.И. Аналитика художественного: Введ. в литературовед. анализ. М.: Лабиринт: РГГУ, 2001. 189 с.
47. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 223 с.
48. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
49. Филиппчикова Р.Л. Документально-художественный жанр в литературе социалистической Чехословакии / Отв. ред. Ю.А. Кожевников; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1986. 286 с.
50. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 438 с.
51. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. – 382 с.
52. Эйдинова В.В. Энергия стиля: о русской литературе XX века. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. 328 с.
53. Ямпольский М.Б. Видимый мир. Очерки ранней кинофеноменологии Текст. / М.Б. Ямпольский. М.: НИИ киноискусства, 1993. 251 с.

Работы культурологического и исторического характера

54. Андреевский Г. Повседневная жизнь в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003. 463 с.
55. Бобраков-Тимошкин А.Е. Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918-38). М.: Новое лит. обозрение, 2008. 214 с.
56. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 320 с.
57. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
58. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: «Прогресс» - «Культура», 1995. 480 с.
59. Гедин С. В сердце Азии. Памир - Тибет - Восточный Туркестан со 140-ю рисунками и 1-картой. С.-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1899.
60. Геллер М. Машина и винтики: История формирования советского человека. М.: Издательство: «МИК», 1994. 336 с.
61. Дацишина М. Сорокин А. Пролетарская вербовка // Родина. 2020. № 9. С. 120–126.
62. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 561 с.
63. Журавлев С.В. Иностранцы в советском обществе 1920-1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3. Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 186–209.
64. Земсков В.Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. 343 с.
65. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность: Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. 494 с.

- 66.Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1964. 328 с.
- 67.Ийеш Д. Россия. 1934: мемуары / пер. с венгр. Т. Воронкиной. М.: Хроникер, 2005. 239 с.
- 68.Камю А. Бунтующий человек // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- 69.Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 215 с.
- 70.Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 544 с.
- 71.Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): монография. М.: DirectMedia, 2014. 313 с.
- 72.Красавченко Т.Н. От мифа к реальности: британская сталиниана от Шоу и Уэллса до Саймона Себага Монтефиоре // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, №4 (169). С. 147–160.
- 73.Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории / Г.Б. Куликова; Российская акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 368 с.
- 74.Кучера Ц. Литература русской эмиграции в межвоенной Чехословакии // Зарубежная Россия. 1917–1945. СПб., 2003. 512 с.
- 75.Лукач Д. Прожитые мысли. СПб: Владимир Даль, 2019. 415 с.
- 76.Миронова Т.П. Сотрудничество СССР и Франции в области книжного дела в 20-е годы XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. №2(79). С. 31–34.
- 77.Мних Р. Свой VS иной/другой/чужой в идейно-эстетической парадигме модернизма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 233–245.

78. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 316 с.
79. Павлова В.В. Повседневность и быт иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х – 30-е годы) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. №27 (Ч.4). С. 873–878.
80. Пинегина Л.А. Медный гигант Ист. очерк [о Балхашском горнометаллургич. комбинате] / Акад. наук Каз ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1963. 149 с.
81. Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940–2012). М., ИМЛИ РАН, 2014. 504 с.
82. Пыстина Л.И. «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов: (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1999. 160 с.
83. Россия в литературе Запада: Коллективная монография / Отв. ред. В.П. Тырков. М.: МГПУ, 2017. 252 с.
84. Россия в литературе Франции: учебное пособие / В.П. Тырков; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский педагогический государственный университет". М.: МПГУ, 2019. 146 с.
85. Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М.: Центр книги Рудомино, 2014. 608 с.
86. Русская литература в зеркале мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации / Ред. сост. М.Ф. Надъярных, В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 972 с.
87. Советские двадцатые: Искусство, архитектура, фотография, кино / Алексей Бобриков, Иван Саблин, Андрей Фоменко, Дарина Поликарпова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 144 с.

- 88.Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик. М.: Издатель Степаненко, 2001. 350 с.
- 89.Тиме Г.А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919–1939) / Отв. ред. Р.Ю. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 158 с.
- 90.Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Старикова, под общ. ред. И.Е. Адельгейм, А.В. Усачёвой, Е.В. Шатько. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 550 с.
- 91.Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
- 92.Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Фонд «Президент. центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 373 с.
- 93.Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / Под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2021. 412 с.
- 94.David J., Davidová Glogarová J.: Obrazy z cest do země Sovětů: České cestopisy do sovětského Ruska a Sovětského svazu 1917–1968. Brno: Host, 2017. 255 s.
- 95.Janák D., Jirásek Z. Z historie československých vystěhovaleckých družstev v Sovětském svazu (1923–1939). Opava: Slezská univerzita v Opavě, 2014. 241 s.
- 96.Lukáš O. Utopie v Leninově zahradě: Československá komuna Interhelpo. Žilina: Absynt, 2023. 447 s.
- 97.Lomíček J. Mervart J. Evenings in Interhelpo: Two Views of Czechoslovak Writers on the Soviet Union. In: Prager wirtschaftsund sozialhistorische Mitteilungen, roč. 13, č. 1 (2011). S. 11 – 29.
- 98.Marek J. Interhelpo. Tragický příběh československých osadníků v Sovětském svazu. Brno: Host, 2020. 325 s.

99. Pollák P. Internacionálna pomoc československého proletariátu národom SSSR: Dejiny československého robotníckeho družstva Interhelpo v sovietskej Kirgízii. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1961. 315 s.
100. Šimová K. a kolektiv. Cesty do utopie: Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů. Praha: Prostor, 2018. 872 s.
101. Tille V. Moskva v listopadu. Praha: Aventinum, 1929. 219 s.

Труды о русско-чешских культурных контактах

102. Амелина А.В. Образ русской литературы в чешских литературоведческих монографиях 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 3-4. С. 103–115.
103. Амелина А.В. Восприятие С. А. Есенина в Чехии во второй половине 1950-х – 1960-е годы // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы. М. – Константиново – Рязань: ИМЛИ РАН, 2020. С. 250–266.
104. Амелина А.В. Русская литература в чешской периодике 1920-х гг. (газета «Литерарни новины») // Вестник славянских культур. 2023. Т. 70. С. 199–208.
105. Амелина А.В. Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») / А.В. Амелина // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212.
106. Амелина А.В. Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов. М.: Центр книги Рудомино, 2014. С. 307–320.
107. Бобраков-Тимошкин А. Поедем в «Страну Ленинию» // Неприкосновенный запас, №6, 2018. С. 280–293.

108. Бобраков-Тимошкин А. «Сегодня в России, а завтра и у нас!» Чешские споры о русской революции // Неприкосновенный запас. 2017. № 5(115). С. 178–198.
109. Будагова Л.Н. Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 300–315.
110. Будагова Л.Н. Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте / Институт славяноведения РАН; под ред. Хавановой О.В. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 457–475.
111. Васильченко М.А., Демидова Е.И. История становления советско-чехословацких дружеских отношений в 1920-е гг. // Власть. 2024. Том. 32. № 1. С. 352–357.
112. Герчикова И.А. Чехи в России: история продолжается. Славяноведение, 2002. № 5. С. 66–72.
113. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М.: Наука, 1973. 552 с.; Т. 2. Август 1922 г. – июнь 1934 г. М.: Наука, 1977. 638 с.; Т. 3. Июнь 1934 г. – март 1939 г. М.: Наука, 1978. 648 с.; Т. 4, кн. 1. Март 1939 г. – декабрь 1943 г. М.: Наука, 1981. 424 с.; Т. 4, кн. 2. Декабрь 1943 г. – май 1945 г. М.: Наука, 1983. 472 с.
114. Жакова Н.К. Чешско-русские литературные связи в XIX веке: М.Ю. Лермонтов и чеш. лит.: Учеб. пособие / Н.К. Жакова; ЛГУ им. А.А. Жданова. Ленинград: ЛГУ, 1987. 84 с.
115. Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты: Разыскания, исслед., сообщ. / Л.С. Кишкин. М.: Наука, 1983. 367 с.

116. Ковалев М.В. Новый труд чешских историков по истории российской эмиграции в Чехословакии 1920-1930-е годы // РСМ. 2022. №4 (117). С. 241–248.
117. Малевич О.М. Два чешских взгляда на два века русской литературы // М.: Портал "О литературе" URL: <https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1202993309&archive=> (дата обращения: 13.09.2025).
118. Мошечков П.В. Чехословакия и СССР в 1933 – июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений. – Центральноевропейские исследования. Вып. 4(13). 2021. С. 242–272.
119. Общение литератур: Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. 227 с.
120. Рихтерек О. Чешское восприятие русской литературы в контексте XX века // Русская литература. 2001. N 4. С. 83–89.
121. Ровда К.И. Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50-60 годы XIX века / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 247 с.
122. Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 47–96.
123. Materiály k československo - sovětským literárním vztahum. Olomouc: Univ. Palackého, 1989. 303 s.
124. Zahrádka M. Slovník rusko-českých literárních vztahů / Miroslav Zahrádka a kol. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2008. 318 s.
125. Самуэль И. И. Интергельпо: Чехословацкий промысловый кооператив в Киргизии. Москва; Ленинград: Коиз, 1935. 78 с.
126. Серапионова Е.П. Новый рубеж русско-чешских культурных связей // Славянский альманах. 2002. №2001. С. 431–443.

127. Серапионова Е.П. Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 68–85.
128. Серапионова Е.П. Чехословацкая переселенческая колония «Интергельпо» // *Byzantinoslovaca VII. Zborník k životnému jubileu profesora Miroslava Daniša*, Bratislava, 2020. S. 320–330.
129. Фучик Ю. О Средней Азии / Пер. с чеш., сост. и предисл. О. Малевича. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1960. 260 с.
130. Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями: (Очерки). М.: Издательство «Индрик», 2012. 240 с.
131. Шульц И. Стахановцы из Европы Почти забытая история о переселении чехословацкой коммуны в СССР// Пражский экспресс [Электронный ресурс] // URL: <https://www.prague-express.cz/personal-experience/68786-stakhanovtsy-iz-evropyh> (дата обращения: 09.10.2025).
132. Šimová K. Sovětským Orientem: Meziválečné cesty československých spisovatelů do periferních oblastí Sovětského svazu. In: *Soudobé dějiny*, roč. 27, č. 3–4 (2020). S. 591–603.

Труды о советской литературе 1920–1930-х гг.

133. Анпилова Л.Н. Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк. Российская акад. образования, Уральское отд-ние, Ин-т филологических исслед. и образовательных стратегий "Словесник", Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург: Словесник: Уральский гос. пед. ун-т, 2008. – 162 с.
134. Ариас-Вихиль М.А. Критерии оценки иностранных писателей в Советской России: советский индекс (по материалам переписки А.М. Горького и Р. Роллана) // Новые российские гуманитарные исследования, 2014. № 9. URL: <https://arxiv.nrgumis.ru/articles/274/> (дата обращения: 12.08.2025).

135. Ариас-Вихиль М.А., Полонский В.В. История издательства «всемирная литература» в документах: финансовый аспект (1918–1921 гг.) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4.
136. Белая Г.А. Дон Кихоты 20-х годов: "Перевал" и судьба его идей. М.: Сов. писатель, 1989. 395 с.
137. Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. 254 с.
138. Белоусова Е.Г. Русская проза рубежа 1920 - 1930-х годов: кристаллизация стиля: (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов). Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2007. 271 с.
139. Воронский А.К. Искусство видеть мир: Сборник статей. М.: Артель писателей Круг, 1928. 216 с.
140. Голубков М.М. Русская литература XX в. После раскола, Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Филология", специальностям "Филология" и "Литературоведение". М.: Аспект-пресс, 2001. 267 с.
141. Голубков М.М. Русский литературный процесс 1920-1930-х годов как феномен национального сознания. Дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01.: МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1995.
142. Голубков М.М. Утраченные альтернативы: формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наследие, 1992. 199 с.
143. Грин Ю.Н. Авангард как стиль культуры // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. / Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; [редкол.: А. Б. Базилевский и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 83–11.
144. Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 288 с.

145. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
146. Корниенко Н.В. Высшая форма экономии: Е. Замятин, А. Толстой, А. Платонов, В. Набоков. М., 2000. 125 с.
147. Кочеткова Н.Е. Дискуссия о порнографической литературе в журналистике 1920-х годов. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. М., 2024. 158 с.
148. Круглова Т.А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т., 2005. 385 с.
149. Кузьменко Ю.Б. Советская литература вчера, сегодня, завтра. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1984. 509 с.
150. Мяовэнь Л. Поэтика метапрозы 1920–1930 годов: (В.Б. Шкловский и В.А. Каверин): монография. Пекинский университет иностранных языков. М.: МАКС Пресс, 2023. 173 с.
151. Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. 688 с.
152. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934. – 718 с.
153. Погорельская Е.И. И. Бабель в журнале В. Маяковского. Леф.: биографический и текстологический аспекты // Творчество В.В. Маяковского. Вып. 5: Междисциплинарные подходы и мировая рецепция (к 130-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. В.Н. Терехина, А.А. Россомехин. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 181–194.
154. Полонский В.П. Очерки литературного движения революционной эпохи. (1917-1927). Москва; Ленинград: Государственное изд-во, 1928. 334 с.
155. Проскурина Е.Н. Советский быт в рассказе В. Зазубрина «Общежитие» и его оценка критикой 1920-х годов // Человек советский: за и против = Homo soveticus pro et contra: монография / Под общ ред.

- Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 117–134.
156. Ревякина А.А. К истории понятия "социалистический реализм"// Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения / Редкол.: А.А. Алексеев, Б. С. Бугров, А. И. Василевский, и др. М.: Советский спорт, 2002. С. 36–50.
157. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост., вступ.ст. В.Н. Терехиной. Комментар. В.Н. Терехиной и А.Т. Никитаева. М.: ИМЛИ, 2005. 512 с.
158. Семенова С.Г. Русская литература XIX-XX веков: от поэтики к миропониманию. М.: Парадигма: Академический проект, 2016. 890 с.
159. Семенова, С.Г. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика - Видение мира - Философия Текст. / С.Г. Семенова. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 590 с.
160. Скороспелова Е.Б. Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х годов. М.: Изд. МГУ, 1979. 160 с.
161. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 320 с.
162. Тынянов Ю. История литературы. Критика. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
163. Хатямова М.А. Творчество Е. И. Замятина: проблемы повествования и литературной рефлексии. М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Томский гос. пед. ун-т" (ТГПУ). Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2015. 263 с.
164. Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная Литература» и «Издательство З. И. Гржебина» [Электронный ресурс] // URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/lenin-i-lunacharskij/iz-istorii->

gorkovskih-izdatelstv-vsemirnaa-literatura-i-izdatelstvo-3-i-grzebina/ (дата обращения: 09.10.2025).

165. Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов / М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Московский пед. гос. ун-т", Филологический фак., Каф. русской лит. и журналистики XX-XXI веков. М.: МПГУ: Прометей, 2013. 336 с.
166. Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет / Составители О.Б. Эйхенбаум Е.А. Тоддес. Вступит. статья М.О. Чудаковой. Комментар. А.И. Чудакова. М.: Советский писатель, 1987. 544 с.
167. Эйхенбаум Б.М. Творчество Ю. Тынянова // Воспоминания о Ю. Тынянове. М.: Советский писатель, 1983. С. 244–258.
168. Эльяшевич А.П. Лиризм. Экспрессия. Гротеск: о стилевых течениях в литературе соц. Реализма. Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1975. 356 с.
169. Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие / отв. ред. проф. В.Д. Черняк. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2018. 264 с.
170. Янушкевич А.С. Традиции жанрового стиля Н.В. Гоголя в русской прозе 1920 1930-х годов Текст. XX век. Знаки препинания? Литература. Стилль. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. Вып. 4. С. 34–48.

Научно-критическая литература об Иржи Вайле

171. Бычков И. Вайль и его храбрая борьба за сохранение художественной правдивости и человечности на фоне нацистской и сталинской диктатуры / И. Бычков // Philology. 2018. №3 (15). S. 16–24.
172. Герчикова И.А. Чехи в Москве 30-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайса / И.А. Герчикова // Славяне и Россия: славяне в Москве: к 870-

- летию со дня основания г. Москвы. М.: Институт славяноведения РАН. С. 285–289.
173. Малевич О. Об авторе романа «На крыше Мендельсон» // Нева. 2011. №5. С. 130.
174. Пресняков. Ю.В. Предисловие // Вайль И. Москва-граница. М.: издательство «МИК», 2002. С. 5–6.
175. Bečka J. Jiří Weil o Střední Asii // Nový Orient. 1986. № 8. S. 245–247.
176. Bělíček J. Fakta proti iluzím. Dědictví sovětské avantgardy v díle a životě Jiřího Weila // A2. 2015. №13. URL: <https://www.advojka.cz/archiv/2015/13/fakta-proti-iluzim> (дата обращения: 15.09.2025).
177. Brunová M. Die faktualen und fiktionalen Texte Jiří Weils. Hannover: Ibidem, 2022. 452 s.
178. Brunová M. Ke genezi názvu románu Moskva – hranice českého spisovatele Jiřího Weila // Gunišová, Eliška/Paučová, Lenka (eds.): Slovanský literární svět: kontexty a konfrontace. Brno: Masarykova univerzita 2015. S. 31–38.
179. Dontová T. Osobnost Jiřího Weila (1900–1959) [Bakalářská práce]. Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, 2013. 51 s.
180. Fučík J. Pavlačový román o Moskvě // Tvorba, ročník 13, 1938. S. 34–35.
181. Grebeníčková R. Jiří Weil a moderní román // Grebeníčková R. O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 376–394.
182. Grebeníčková R. Jiří Weil a normy české prózy po patnácti letech // Grebeníčková R. O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 356–365.
183. Grebeníčková R. Weilova Moskva-hranice // Grebeníčková R. O literatuře výpravné. Praha: Institut pro studium literatury, Torst, 2015. S. 366–372.
184. Hříbková H. Jiří Weil: Žalozpěv za 77 297 obětí // Reinhard Ibler (ed.): The Holocaust in the Central European Literatures and Cultures: Problems of Poetization and Aestheticization. Stuttgart: Ibidem, 2016. S. 79–88.

185. Hříbková H. Život a dílo Jiřího Weila po roce 1939. [Disertační práce] Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2019. 377 s.
186. Hrubeš J., & Krýl M. Ještě jednou Jiří Weil (O jeho životě a díle) // Tereziánské listy. 2003. № 31. S. 18–39.
187. Hrubeš J., Krýl M. Ještě jednou Jiří Weil (O jeho životě a díle) // Tereziánské listy. 2003. №31. S. 18–40
188. Janáček P. Jiří Weil // Slovník české literatury. Díl 2. Praha. 1998.
189. Kadlecová E. Komparace fikčních světů Franze Kafky a Jiřího Weila [Bakalářská diplomová práce]. Brno, 2016. URL: <https://theses.cz/id/1dxahb/> (дата обращения: 07.10.2025).
190. Kirschner Z. Život s bolestí. Nad románem Jiřího Weila Život s hvězdou // Literární archiv 32–33, 2001. S. 157–174.
191. Kittlová M. Jiří Weil mezi Ruskem a Čechami [Diplomová práce]. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2009. 106 s.
192. Kittlová M. Publicistická tvorba Jiřího Weila: zpráva (nejen) o sovětském Rusku // Obrazy kultury a společnosti v období první republiky, ed. T. Kubíček, J. Wiendl. Brno: Moravská zemská knihovna 2018. S. 169–177.
193. Kosáková H., Kosák M. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. Ediční poznámka // Weil J. Moskva-hranice. Praha: Triáda, 2021. S. 371–426.
194. Lohrová J. Téma holocaustu v dílech J. Weila, K. Sidona a L. Grosmana [Bakalářská práce]. Plzeň, 2011. URL: <https://theses.cz/id/vq3gtj/> (дата обращения: 7.10.2025).
195. Macháčová P. Weilův Život s hvězdou a Fuksův Theodor Mundstock z hlediska psychologie hlavních postav [Bakalářská práce]. Brno, 2006. URL: <https://theses.cz/id/plxlvk/> (дата обращения: 7.10.2025).
196. Poláková D. Dilema levicového intelektuála. Realita Sovětského svazu ve Weilově románu Moskva-hranice // A2. 2015. №13. URL: <https://www.advojka.cz/archiv/2015/13/dilemata-levicoveho-intelektuala> (дата обращения: 15.10.2025).

197. Poláková D. Jiří Weil: tváři v tvář zlu [Bakalářská práce]. České Budějovice, 2013. 120 s.
198. Polesová H. Reflexe válečné doby v poválečné židovské literatuře z pohledu románu Jiřího Weila Život s hvězdou [Bakalářská práce]. Olomouc, 2016. URL: <https://theses.cz/id/0np761/> (дата обращения: 15.10.2025).
199. Schutte A.-D. Die jüdische Thematik im Werk Jiří Weils [Masterarbeit]. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn, Philosophischen Fakultät, 2003. 144 s.
200. Ševčíková J. Sovětský Svaz 30. let očima české levice a předválečná tvorba J. Weila [Diplomová práce]. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta, 2004. 148 s.
201. Siostrzonek P. Ještě Je Moskva? Román Moskva-hranice ve sporech a rozporech své doby // A2 #13/2015 URL: <https://www.advojka.cz/archiv/2015/13/jeste-je-moskva> (дата обращения: 20.09.2025).
202. Toman J. Angažovaná čítanka Romana Jakobsona (články, recenze, polemiky 1920-1945). Praha: Karolinum, 2017. 298 s.
203. Vohryzek J. Bezvýznamnost učiněná významem // Respekt 2, 1991, č. 51, 23. – 29. 12. S. 9.
204. Vomačková Š. Téma vypořádávání se s "hvězdným" údělem v dílech Život s hvězdou a Pan Theodor Mundstock [Bakalářská práce]. Budějovice, 2012. URL: <https://theses.cz/id/nu5uiz/> (дата обращения 20.09.2025).

Учебные пособия и справочные издания

205. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Т. 1: 1945-1960 гг. / [С.А. Шерлаимова и др.]. 1995. 695 с.; Т. 2: 197 –1980-е гг. / [Н. Н. Пономарева и др.]. 2001. 759 с.

206. История литератур западных и южных славян. Том III: Литература конца XIX-первой половины XX века (1890-е годы-1945 год) / Гл. ред. Л.Н. Будагова. М.: Издательство «Индрик», 2001. 992 с.
207. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи: [сборник статей] / под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 791 с.
208. История русской литературы XX века 20-е–50-е годы. Литературный процесс. М., изд-во МГУ, 2006. 773 с.
209. История южных и западных славян: В 2 т. – Т.1. Средние века и Новое время: Учебник / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой – 2-е издание. М.: Изд-во МГУ, 2001. 688 с.
210. Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: Культура, 1996. 491 с.
211. Кузнецова Р.Р. Чешский межвоенный роман: Эволюция жанра и стиля. М.: Изд-во МГУ, 1980. 286 с.
212. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
213. Русская литература XX века: 1917 – 1920-е годы: в 2 кн.: Кн. 2: Учеб. Пособие для студ. Учреждений высш. проф. образования / [Н.Л. Лейдерман, Н.В. Барковская, И.Е. Васильев и др.]; под ред. Н.Л. Лейдермана. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 544 с.
214. Словарь течений литературы XX века. Россия, Европа, Америка. В двух книгах. Книга первая: А-О / отв. редактор А.Ф. Кофман. М.: ИМЛИ РАН: «Река времен», 2023. 904 с.
215. Филиппчикова Р. Чешский экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма / Гл. ред. П. М. Топер. М.: ИМЛИРАН, 2008. С. 637–639.
216. Шерлаимова С.А. Чешская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. Т.1: 1945–1960 гг. / [С.А. Шерлаимова и др.]. М.: Индрик, 1995. С. 178–247.

217. Энциклопедический словарь экспрессионизма / Гл. ред. П.М. Топер.
М.: ИМЛИРАН, 2008. 734 с.

Архивные материалы

218. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544.

Приложение 1. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Лист 2). Дорожная карточка, свидетельство тайной поездки Вайля за границу в период пребывания в СССР.

Особые замечания: *W*
не везти
см. 4/1/93

Фамилия *Weil Yini* Легально *2*
№ *128*

Кличка *"*

Рекомендация *прохаска* № *12*

Отправить *19/III в Прагу*

Через *Неюрское*

Выдать явку *Buchhandlung Prag* тал. № *12*

Связать через *"* с *Праг. анж.*

За счет *икки-кур.*

Инструктировать

Сдано на подготовку *15/III-34* (подпись) *Рыба*

Выехал *19/III-34* вез *9* чем. пак. (версия *Праг*)

Встречи: в *Праг*

Встречи: в *Праг*

час. Гостиница *граф - Праг*

час. Гостиница

Прибыл в *Праг 22/III* Передал *22/III-34*

Прибыл в Передал

Прибыл в Передал

Выехал из *Праг 28/III* в *Москву*

Выехал из в

Прибыл в Москву *31/III* через *Неюрское*

Привез *2* чем. пак. из

Инструктировал: *Матемова* (подпись)

Резерв: *19. III 1934 г.*

Телеграммы:

Адрес в Москве

Дексбах

Прибытие

Связался

Bin gesund

Не связался

Mutter krank

Подпись:

Franz

Шифровки: №№

3709, 3811.

Виза дана в

Пранц

№

007/484 - 20/III-34.

Расписка в получении паспорта

V

Паспорт возвращен

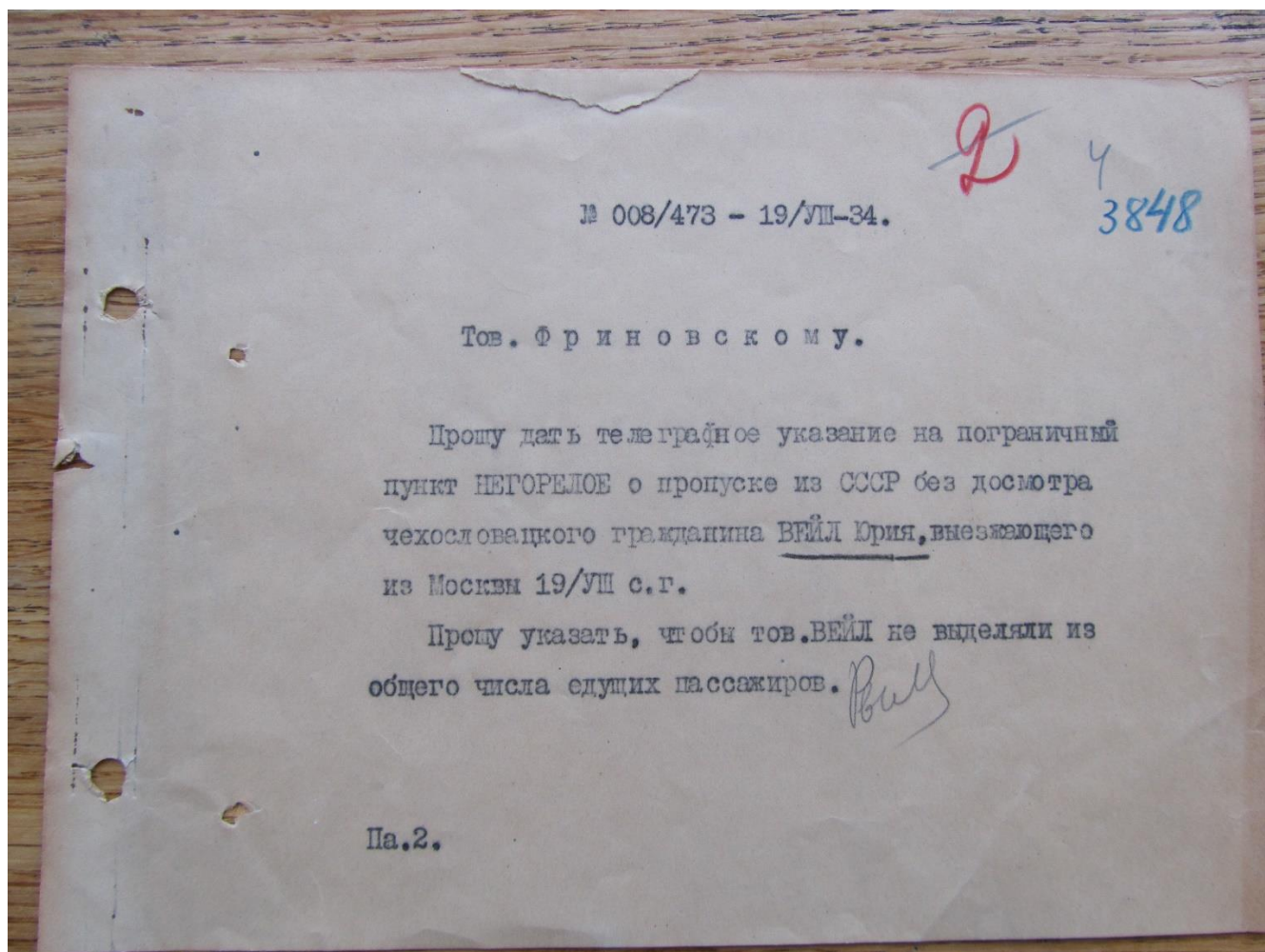
31/III-34

Отчет сдал

31/III-34.

174. 1.

Приложение 2. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Ед. хран. 3544. Лист 4). Указание о пропуске Вайля на границе без досмотра, адресованное начальнику Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР Н.П. Фриновскому.

52

АВТОБИОГРАФИИ.

ВЕЙЛЬ Юрий Карлович
редактор Чешской секции.

Родился 6.VII-1900 г. в дер. Прасколеси близ Праги. Националь-
ность чешская, подданство Чехословацкое. Отец был ремесленником,
столяр-специалист по рым. Материальное положение семьи - среднее.
Начал работать с 17-ти лет, зарабатывал уроками, переводами, лите-
ратурными статьями. С 1922 г. работал в партийных организациях пе-
чати, после чего перешел на службу в полпредство в Праге, где ра-
ботал до 1930 г. В 1930 г. по распоряжению партии я был отозван и
работал в качестве редактора журнала "Творба" и в качестве редакто-
ра партийного издательства "Борецкий". Окончил среднюю школу, а
потом университет и на основании диссертации стал доктором философе-
ского факультета. Специальность - славянский филолог.

В армии не служил, освобожден от военной службы, в виду состоя-
ния здоровья. ~~Известен как писатель, журналист~~
Брат служит в магистрате гор. Праги, сестра дает уроки музы-
ки.

Был несколько раз за границей, в Германии, Австрии, два раза
в СССР в 1922 и 1923 г. Знал хорошо Чехословакию, Германию, СССР.

Что касается партийного образования, то прошел курсы полит-
грамоты комсомола, был членом марксистского кружка. Занимался само-
образованием, прочел и проработал труды Маркса: "Капитал" т.1, "18
Брюмера", "Классовая борьба во Франции", Энгельса - "Анти-Дюринг".
"Жилищный вопрос", МАРКС-ЛЕНИН - "Еврейский вопрос", ЛЕНИН - "Госу-
дарство и революция", - "Летская болезнь левизны", "Интернационал".
Имею опыт литературной работы, работал в центральном органе "Руле
право". В области культурной политики: издал брошюру в 1923 г.
"Русская революционная литература" и в 1932 г. Сборник переводов
советской поэзии.

Работал главным образом, как пропагандист, в массовых интел-
лигентских организациях. До вступления в компартию был членом сна-
чала левой фракции молодежи соц. дем. партии, которая преобразовалась
в дальнейшем в комсомол. С 1925 г. перешел из комсомола в партию.
Занимал разные должности по линии агитпропа комсомола, до поступ-
ления на службу в полпредство с этого времени должен был отказат-
ся от ответственных функций. После ухода из полпредства работал
в массовых организациях, был одним из руководителей Союза Револю-
ционных Писателей Чехословакии, членом Президиума массовой органи-
зации "Левый фронт", состоял членом редакции журнала "Союз Друзей
СССР", работал как сотрудник Агитпропа Пражского округа. Вал про-
пагандистскую работу, выступал на собраниях, участвовал в кружках
политграмоты.

Во фракционных и оппозиционных группировках не участвовал.
Прошел чистку партии.

Что касается профсоюзной работы, являясь членом Союза торгов-
лящих, принадлежал к комфракции того союза, так как этот союз вхо-
дит в амстердамский интернационал. Член профсоюза с 1925 г.

Судился по делу выступления безработных в 1922 г. Был оправ-
дан.

Со времени поступления на службу в полпредство СССР - не суд-
ился.

Служил в Полпредстве СССР, в Отделе Печати в Праге, потом ре-
дактором журнала "Творба" и редактором Издательства "Борецкий". Все
эти сведения могут подтвердить следующие члены секретариата КПЧ:
Ян Шверна, Ярослав Долландский, Козев Гутман, Рудольф Сланский и
секретарь партии Грушка.

П.н.

Kai Weir Юри Вейль
/ВЕЙЛЬ/

В е р н о :

cc/1

Приложение 4. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. Ед. хран. 3544. Лист 32).
Официальное признание Вайля в том, что он жаловался на условия жизни в СССР чешским корреспондентам.

Prohlášení

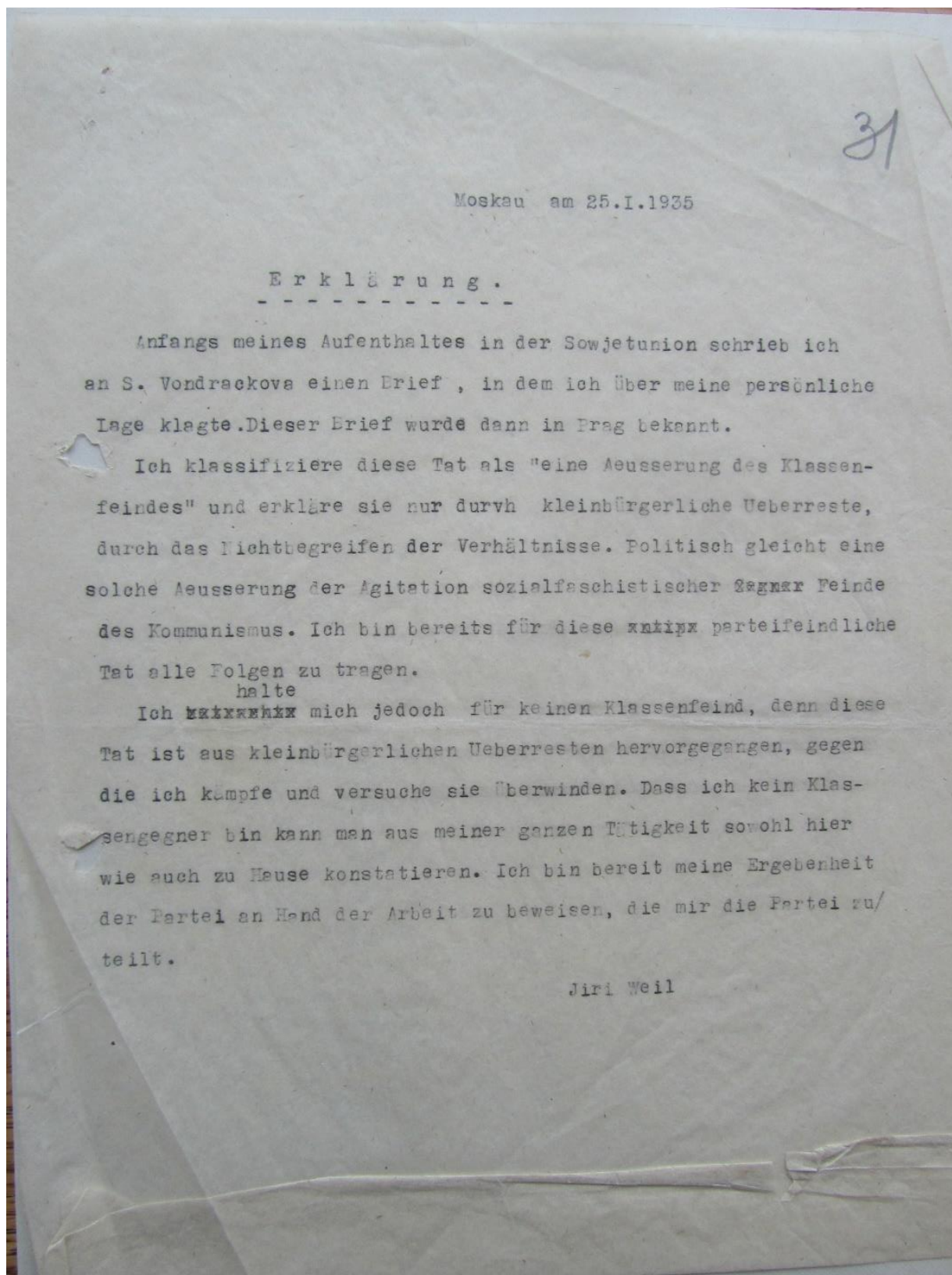
32

Ná začátku svého pobytu v Sovětském svazu jsem
napsal S. Vondráčkovi dopis, ve kterém jsem
si stěžoval co do svého osobního postavení.
Tento dopis se stal rázem znám v Praze.
Klasifikuji tento čin jako „projev lidského ne-
přítele“ a uznávám, že jsem poskytl maloměstskému
neprofesionálnímu poměti. Politicky rovněž
jako „projev agitace sociálně-fašistického
nepřítele komunistům, jsem ochoten
užít tento protislavnický čin vzhledem
důsledně.

Nepoučuji se však za lidského nepřítele
mnohdy tento čin uznávám poskytl malom-
městskému, proti kterému bojuji a budu bo-
jovat. Přesvědčením lidského nepřítele si
mohu konstatovat některé nečinnosti
a chování, jak zde také i doma. Jsem ochot-
en dokázat svou oddanost straně v práci
kterou mi strana určí

Moskva 25. I. 1935

J. V. Václav

Moskau am 25.I.1935

E r k l ä r u n g .

Anfangs meines Aufenthaltes in der Sowjetunion schrieb ich an S. Vondrackova einen Brief, in dem ich über meine persönliche Lage klagte. Dieser Brief wurde dann in Prag bekannt.

Ich klassifiziere diese Tat als "eine Äußerung des Klassenfeindes" und erkläre sie nur durch kleinbürgerliche Ueberreste, durch das Nichtbegreifen der Verhältnisse. Politisch gleicht eine solche Äußerung der Agitation sozialfaschistischer Gegner Feinde des Kommunismus. Ich bin bereits für diese ~~antipx~~ parteifeindliche Tat alle Folgen zu tragen.

Ich ~~erkläre~~ ^{halte} mich jedoch für keinen Klassenfeind, denn diese Tat ist aus kleinbürgerlichen Ueberresten hervorgegangen, gegen die ich kämpfe und versuche sie überwinden. Dass ich kein Klassengegner bin kann man aus meiner ganzen Tätigkeit sowohl hier wie auch zu Hause konstatieren. Ich bin bereit meine Ergebenheit der Partei an Hand der Arbeit zu beweisen, die mir die Partei zu/teilt.

Jiri Weil

Приложение 6. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. Ед. хран. 3544. Лист 39).
Выписка из Протокола заседания Парткома ИККИ от 28.1.1935 г., в ходе
которого Вейль был осужден и исключен из компартии.

1 экз./БК/.

КОПИЯ.

ВЫПИСКА
ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПАРТКОМА И.К.К.И. от 4.П.35г.

439

СЛУШАЛИ: Об исправлении протокола заседания парткома от 28.1.35г.

ПОСТАНОВИЛИ: О тов.ВЕЙЛЕ читать " с решением партгруппы согласиться
Считать нецелесообразным его пребывание в Компартии.
Дело передать в ИКК."

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА ИККИ

/Марек/.

Верно: Пом. секретаря

/Пивоварова/.

14.П.35г.

С подлинным верно /Казина/.

КОПИЯ.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАКРЫТОГО ЗАСЕДАНИЯ ПАРТКОМА ИККИ ОТ 28.1.35г.
слушали: о Тов.Вейле.

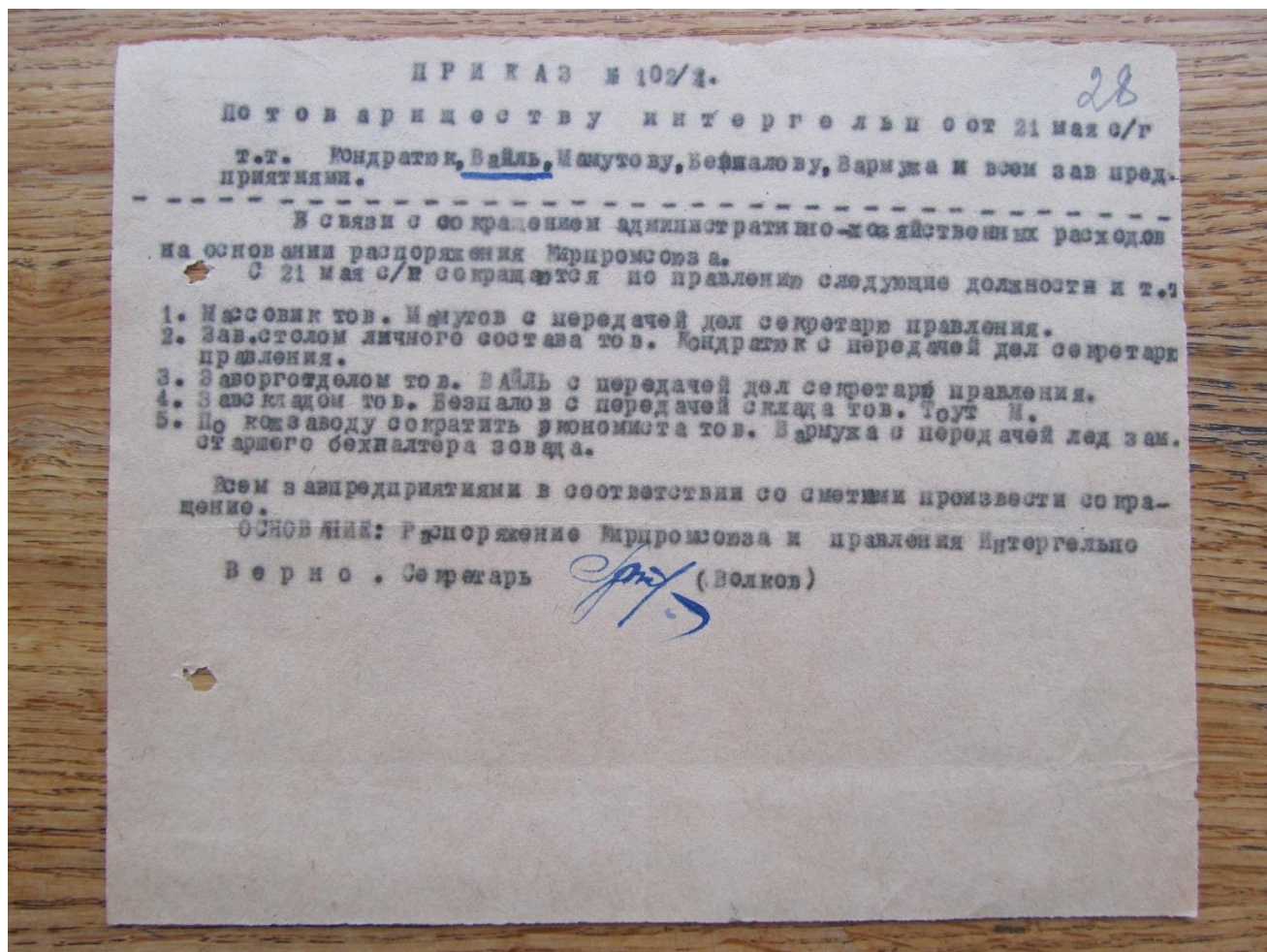
Орлова: Вейль писал письмо за границу о том, что ему здесь очень плохо
живется, но он утешается мыслью о том, что если бы он попал в концентра-
ционный лагерь в Германии, то там было бы ему еще хуже. Когда мы ~~его~~
спросили его, писал ли он это письмо, он заявил, что это провокация и т.
д. Наш группорг был в Чехословакии и слышал там об этом письме, но
здесь в СССР мы точно установили, что такое письмо было написано. Когда
второй раз поставили перед ним этот вопрос, он признался и заявил,
что он был тогда болен, ему не дали медицинскую карточку, он был огорчен
и написал такое письмо, но в то же время он написал редактору "Руде Пра-
во" о том, что ему живется здесь хорошо и т.д..

Группа постановила исключить его из партии и снять с работы.
ПОСТАНОВИЛИ: С решением партгруппы о Вейле согласиться.

С подлинным верно. /Казина/.

24 Вх. № 6240
2-18 1935

Приложение 7. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. Ед. хран. 3544. Лист 28).
Приказ по товариществу Интергельпо от 21.05.1935 г. о сокращении ряда
должностей и работников, среди которых – заворотделом Иржи Вайль.

Приложение 8. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. Ед. хран. 3544. Лист 29).
Письмо Вайля от 22. 05. 1935 г. в чешскую секцию компартии с просьбой
решить его вопрос о новой работе или возвращении в Москву.

29

Frunze, dne 22. ~~května~~ června 1935.

Milý soudruhu Tome,

dostal jsi asi již jistě dopis, který jsem Ti poslal
po Návratovi. Přikládám Ti nyní " příkaz No. 102/4 " od Interhelpa. Kirprom-
soju jím provedl restrikcí personálu a Interhelpo bylo nuceno mne propu-
stit. Nyní je situace taková, že nevím, co mám dělat a žádám Vás tedy o do-
volení, abych mohl přijet do Moskvy. Můžete si vyžádat dobrozdání o mé činnosti
zde, nejsem propuštěn z mé viny, nýbrž prostě protože bylo propuštěno více
lidí a nejsou peníze. Ostatně Ti to může říci Ďubský nebo někdo jiný z dele-
gace. Jak jsem Ti již napsal, chci zde zůstat až dokončím překlad Samuleovy
brožury, což bude asi koncem června a pak bych přijel, nemáte-li námitek.
Rozhodně mi napištemco mám dělat, situace je kritická, nemohu se přece nechat
živit x x x od Interhelpa a těch pár rublů, co mám si musím schovat na cestu.
Budu ještě mluvit s obkomem, ale myslím, že to bude málo platné. Napiš mi
tedy prosím rychle, co mám dělat. Ve Tvorbě a jiných časopisech najdeš řadu
článků, z nichž uvidíš, že jsem nezhálel, pracuji zde rád, ale nedá se prostě
nic dělat. Čekám na Tvou odpověď, napiš mi prosím expres protože věc spěchá

Se soudružským pozdravem

Jm Wile

Приложение 9. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 272. Д. Ед. хран. 3544. Лист 33).
Письмо чешской секции компартии Вайлю от 4.06.1935 г.

